

Нормально всё.

В вагоне метро в шесть утра пахнет сладковатой блевотиной и хлоркой. На полу высохшие подтеки от разлитого накануне пива. Понедельник, в котором все всегда не так. Понедельник вообще тяготеет к нигилизму: ничего не хочется делать, а хочется отрицать реальность, накрывшись теплым одеялом, и спать, счастливо забыв про будильник. Но я прусь на репетицию к семи утра, впрочем, как обычно.

В трясущемся вагоне метро я гляжу на угрюмые лица таких же ранних пташек. Вот женщина с лицом измятой простыни. В ее маленьких глазках застыла стальная ненависть ко всему, чтобы ни происходило вокруг нее. Вот мужчина с лицом Марса. Не бога войны, естественно. А планеты – такой же красный и в рытвинах. Он ест с невероятным для шести утра аппетитом сырную слойку, купленную тут же, в переходе метро, и от этого всеобъемлющего запаха, мне хочется наблевать прямо ему под ноги. Сырная вонь проникает под мой пуховик, пробирается под него, чтобы уютно обосноваться в петлях шерстяного свитера. Несколько минут я фантазирую, как подхожу и одним точным движением руки загоняю остатки слойки в раскрытую пасть мужика, как он давится и хрипит, но никто не придет ему на помощь. Как обычно, все пассажиры отведут глаза в стороны или притворятся спящими. Московское метро – царство равнодушных. В самом конце вагона едет еще один мужчина, в черном бомбере и маленькой черной шапчонке, элегантно нахлобученной на самую макушку его головы неправильной формы. Мужчина играет на смартфоне в какую-то увлекательную игру, вроде пузырей или шариков. Скорее всего, это доблестный сотрудник ЧОПа отправляется на смену, или едет с нее – без разницы. На его дебелим лице не проблескивает и тени эмоции. Я думаю: «Как же я все это ненавижу». Думаю так, без конкретной привязки к поедателю сырных слоек или охраннику, или к даже замученной жизнью женщине. Это просто утро понедельника, это просто метро.

Со странным чувством самоистязания я вспоминаю почти полную бутылку джина, мирно стоящую в это самое время в ящике на моей кухне. И почему мне вечно не хватает духу налить себе за завтраком грамм сорок джина? Смешать его с тоником и выпить. Ну в самом деле, что будет от такого количества, пусть даже и выпитого в полшестого утра? Плохо точно не станет, а настроение поднимется. Я корю себя за нерешительность. Ах, как бы сейчас все стало по-другому. Я смотрела бы на жизнь проще и веселее, и возможно, даже улыбнулась бы... ну нет, для улыбки в метро нужно выпить, как минимум, грамм сто пятьдесят, - резко я сама обрываю свои мысли, - а если столько выпить за завтраком, то уже и на репетицию нет никакого смысла ехать. Захочется лечь на диван и придаться рефлексии по поводу всего сущего. Думать такие мысли вроде: существуют ли внеземные цивилизации, почему меня никто не любит, и стоило ли тогда грубить дирижеру, или можно было бы ответить вежливо, но холодно, с той легкой ноткой язвительного сарказма, когда человек понимает, что вы его унизили, но в силу своего воспитания и отсутствия очевидных улик в пользу хамства, не в состоянии послать вас на х** и вынужден жалко улыбнуться вам в ответ, в крайнем случае – развести руками в стороны и пожать плечами. Эх, будь моя воля я бы именно в таком расслабленном положении проводила все свои понедельники.

На репетицию я опаздываю на пять минут. Какие-то копейки, но о них мне обязательно напоминает администратор:

- Катюша, опаздываешь!
- Да катись ты к черту, - думаю я, - не могут уже три года снять нормальное помещение! Три года приходится вставать в пять утра, а тебе еще полощут мозги за пятиминутное опоздание!

Мое раздражение нарастает. В администраторе – золотушном мужчине с длинным острым носом – мне не нравится решительно все: его птичья походка, манера при разговоре смотреть чуть в бок, словно бы проверяя, вдруг кто-нибудь стоит за спиной собеседника. Сколько раз мне хотелось

обернуться и посмотреть, куда же, черт подери, пялится он! А пялился он в никуда. Своими пустыми глазками-пуговками. Администратора за глаза в оркестре называют Цаплей, - худой, задумчивый, длинноносый! Ну вылитая цапля. Он отвечает за размещение музыкантов на гастролях, и нередко мы оказываемся в таких клоповниках, где за тонкими бумажными стенами слышатся стоны проституток или монотонная речь дикторов ближневосточного телевидения.

Я киваю головой Цапле и пробегаю мимо него с деланным беспокойством по поводу своего опоздания.

Репетиция проходит нормально. Мы исполняем концерты Моцарта, заезженные, как «жигуленок» вашего дедушки. Музыканты играют слаженно, но без огонька, без какой-либо фантазии и задора. Все друг от друга устали, но больше всего – от Моцарта и нашего дирижера.

- Нормально, коллеги! – радостно выдает он (не Моцарт, конечно, а дирижер).

Семьдесят человек грустно выдыхают. Три репетиции назад настроение у оркестра было совсем иное. Воздух сотрясали творческие споры, и мы все, в едином музыкальном порыве, боролись за свободу самовыражения в отдельно взятом коллективе. Наш дирижер, Игорь Алексеевич, принес на репетицию свой старенький ноутбук, кажется, фирмы Dell, открыл Youtube и запустил видео с концерта Королевского симфонического оркестра из города Лондона. Мы сидели с каменными лицами в ожидании финала. Я терялась в догадках: чего он от нас хочет? Показывает собственную интернет-грамотность, мол, смотрите, я ютуб нашел, наконец, среди Одноклассников и Яндекса? Или это намек, мол, ноутбук-то у меня еще старый, звук вон какой херовый, даже концерт толком не звучит?

Оказалось, все хуже. Игорь Алексеевич в свойственной ему безапелляционной манере резким свистящим голосом потребовал:

- Вот! Вот как мы должны исполнить эти концерты! Давайте не будем придумывать этой отсебятины, англичане играют его безупречно, а мы

просто сыграем, как они, - потирая свои сморщенные бледные руки с вспученными синими венами, дирижер забегал перед нами.

Оркестр зашевелился. Сперва заерзали на своих стульях виолончелисты, потом закашлял кто-то из скрипок. Духовые откровенно рассмеялись. И, наконец, выступила я, поднявшись от рояля:

- Вы извините нас, Игорь Алексеевич, но по-моему, это полная херня.
- Катерина! Сколько раз я просил вас!! – запричитал дирижер.
- Да херня же говорю! – я обернулась к оркестру, и коллеги ответили мне одобрительным гулом.

Начался спор. Мы не хотели быть подражателями. Мало того, что этот Моцарт звучит каждые рождественские праздники из любого уютга в мало-мальски интеллигентной семье, мало того, что каждый год какой-нибудь оркестр, начиная от крупных и именитых и заканчивая сельской самодеятельностью, вводят Моцарта в свой репертуар, - так от нас еще требуют копировать? Подобное оскорбление мы были не в силах вынести. Спустя час словесных баталий, я в сердцах крикнула:

- Да вы, Игорь Алексеевич, просто идиот!

Все замерли.

- Тупой ограниченный идиот, - в полном тишине продолжила я с нескрываемым злорадством.

Конечно, потом пришлось извиняться, делать вид, что мне совестно, приплетать внезапный приступ синдрома Туррета, виниться, опустив глаза. Все эти «не знаю, что нашло», «на самом деле, я так не думаю» и прочая ложь, которую обыкновенно уместно говорить в таких случаях. Меня простили, но из-за моей выходки оркестр теперь был вынужден пойти на поводу у Игоря Алексеевича. И вот уже четвертую репетицию мы не играли, мы копировали исполнение Королевского симфонического оркестра.

«Да гори оно огнем, - думаю я после репетиции, - все равно пора что-то менять, пора уходить из этого долбанного симфонического, искать что-то

новое, а может, вообще вплотную заняться преподаванием?». Мои мысли прерывает моя коллега и приятельница, скрипачка:

- Катя, у тебя все нормально?
- Нормально, - киваю я в ответ.
- Выглядишь уставшей, - продолжает она, пытаюсь сделать что? Как будто от ее замечания я расцвету, как каштаны в месяце мае.
- Да, все нормально, - пожимаю я плечами.

Маша, а так ее зовут, переминается с ноги на ногу, у нее старомодные замшевые черные туфли на низком каблуке, и в целом сиротский вид, - круглые очки в прозрачной оправе, дешевенький шерстяной костюм, купленный по какому-нибудь значимому случаю (вроде конкурса Чайковского в Клину) лет семь назад. Выражение лица жалостливое, вроде как переживает за меня. В уголках глаз блестят слезинки:

- Катя, а у меня день Рождения сегодня.
- Ну ничего себе! И ты молчала! – радуюсь я повороту разговора, - так, дорогая моя, это же надо отметить! Извини, я без подарка, не была предупреждена!
- Да какие подарки! – отмахивается Маша, - ты вечером приходи, мы посидим тихонько в «Жан-Жаке», отметим. Только свои люди, никого постороннего. Очень рада буду тебя видеть, - добавляет жалобным голосом она, будто просит милостыню на паперти.

«Вот ведь кикимора, - думаю я, - а так и не поймешь, то ли себя ей жалко, то ли меня». Я запикиваю ноты в рюкзак, хватаю Машу под руку и быстро, чтобы она не успела опомниться, тащу ее к выходу из консерватории:

- Вот что, Мария, новорожденная ты наша, вечер – это вечер, до него еще дожить надо. А мы сейчас с тобой посидим, выпьем за здоровье, поговорим спокойно, по-женски, без всяких третьих лиц! – говорю я твердо и уверенно.

Ей ничего не остается, как кивать головой и почти бежать за мной. Мы выпрыгиваем на проснувшуюся Никитскую. Туда-сюда снуют люди.

Студенты с тяжелыми кофрами спешат в холодные аудитории постигать музыкальное ремесло, женщины в черных сапогах до колена стремительным шагом топают до пыльных офисов, мужчины в костюмах с кожаными портфелями в руках торопятся на встречи и совещания. А нам с Машкой некуда бежать. Мы уже отработали на сегодня. На часах десять утра, и я радостно говорю ей:

- Эх, Маш, а помнишь, у Бродского? «Страшная рожа труда»? Так, вот, моя дорогая ты именинница, это совершенно не про нас!

Спустя пять минут мы оказываемся в рюмочной. В зале кроме нас из посетителей только один мужчина в дымчатых очках и сером свитере с горлом. На его потном лице застыло выражение отчаянной русской печали. Все ясно – похмельный. Перед ним стоит кружка с пивом, и поскольку у меня хорошее настроение, я отмечаю про себя, что кружка эта наполовину полная. Мы с Машкой становимся за столик подальше от мужика, и я интересуюсь:

- Ну, что, по пятьдесят?
- Водки? – испуганно переспрашивает Маша. Она нервно оглядывается по сторонам, хотя уже бывала в этой рюмочной неоднократно. Правда, это всегда происходило вечерами, и я могу понять ее тревогу.
- Ну не пива же! – смеюсь я, - сегодня день, когда всё можно, Машенька! Можно и водки бахнуть за твоё здоровье-то!

Маша в ужасе смотрит на меня, но потом, судорожно сглотнув, вдруг соглашается:

- Ну, давай...

Вот все они тихони такие, им только дай шанс себя показать, они любого куролеса заткнут за пояс. Я радостно потираю руки и иду делать заказ. За стойкой стоит знакомая мне продавщица. Кажется, зовут ее Людмила. Но я не уверена в этом и не рискую называть ее по имени. Да и что это за господская привычка обращаться к персоналу заведений по имени? Я прихожу в состояние крайнего раздражения, когда слышу все эти: «Витюх,

нам повторить», «Людочка, рассчитайте», «Андрей, кажется, вы забыли про наш заказ». Все эти Витюхи, Андреи и Людочки плевали в ваш суп, грязными пальцами трогали ваши котлеты и в целом относятся к вам, как к дерьму, и их отношение не изменится, даже не смотря на размер чаевых. Такова уж природа московских официантов. Потому что официант у нас – это профессия временная, пусть даже и условный Витюха трудится в этом кабаке последние семь лет, все равно он чувствует себя не на своем месте. Он-то актер! Или художник. Или дизайнер интерьеров. И ему, как дизайнеру интерьеров, очень обидно прислуживать за столом у кого-то офисного быдла, способного отвалить за ужин пять косарей и оставить на чай сто рублей. Вот он и старается, как может, испортить вам вечер. Когда понимаешь систему, проще становится жить. Без лишних реверансов, без притворства. Они презирают тебя, ты презираешь их. И условная Людочка сразу это почувствует, сразу поймет, что ты знаешь, что у нее на уме и что творится в ее душе художника-графика. Впрочем, в рюмочной продавщица давно оставила свои амбиции стать кем-то иным. Она мутным коровьим взглядом окидывает меня с головы до ног и слегка усмехается:

- Давненько не были, - хмыкает она.

И я не знаю, что ей ответить на это, ведь я действительно не помню, когда была в этой рюмочной в последний раз. У меня уже не такая хорошая память, как раньше, и все чаще, напившись, я не могу вспомнить на утро события прошедшего вечера. Настороженно отвечаю:

- Возможно... А сделайте нам по пятьдесят и два томатных сока.
- Бутерброды будете? – продавщица тыкает перламутровым ногтем (ну почему у них всегда перламутровые ногти?) в витрину, где покоятся завернутые в пищевую пленку серо-белые куски хлеба, обмазанные майонезом и покрытые кусочками пластикового сыра с жалкой веточкой укропа темно-зеленого цвета. Я содрогаюсь от одного вида этого яства и начинаю усиленного мотать головой, как цирковой пони.

Людмила, все-таки ей подходит это имя, пожимает плечами и пробивает чек. Я расплачиваюсь, беру водку и стаканы с соками и возвращаюсь к Маше. Она уже теребит в руках свой потрескавшийся от времени дерматиновый кошелечек:

- Сколько с меня? – тихонько интересуется Маша.
- Да ладно тебе, - добродушно отвечаю я, - я угощаю, все-таки у тебя день Рождения! Тем более вечером банкет за твой счет, - добавляю я.

Маша кивает головой, мы чокаемся без лишних слов и опрокидываем рюмки. По горлу разносится привычная теплота, и я не тороплюсь запивать соком, наслаждаясь знакомыми приятными ощущениями. Настроение становится еще лучше, и я притоптываю ногой от охватившего меня внезапного приступа веселья. Маша же быстрее хватается за стакан с соком и тут же выпивает половину, заглушая весь водочный кайф. Ну что с нее взять? В рюмочной пахнет почти как в метро – хлоркой и перегаром, плюс ко всему я улавливаю удушливый запах цветочных духов Людмилы. От этого букета меня слегка мутит и хочется выйти на улицу – продышаться. Но я не рискую оставлять Машу одну, я понимаю, как ей должно быть некомфортно в десять утра пить водку, но при этом ей хочется приключений, и спугнуть ее сейчас было бы преступной халатностью. Потом она будет еще лет десять вспоминать это утро, как самое безумное утро в своей сиротской жизни. Мы начинаем говорить с Машей о прошедшей репетиции, о предстоящих концертах, о гастролях в Минске, куда наш оркестр отправляется сразу же после новогодних праздников. Разговор течет плавно и спокойно, без неловких пауз и хмыканий. Маша, наконец, расслабляется, начинает задорно хихикать и вдруг предлагает:

- Ну, что, может еще?

Я с готовностью соглашаюсь:

- Давай, иди, возьми еще по столько же.

Она смеется и уходит за водкой. Я скучающим видом обвожу мрачные стены рюмочной, обитые коричневыми досками ДСП. Все эти пластмассовые

цветы в дешевых кашпо, почерневшие репродукции Шишкина и Куинджи, засаленные занавески на огромных окнах внезапно портят мне настрой. Хочется поскорее уйти отсюда, тем более я вспоминаю, что у меня сегодня в полдень занятие с ученицей, и я понимаю, что домой уже нет смысла ехать. Смысла вообще нет ни в чем, ни в этой жизни, ни в этом мире, ни в этом дне. Мысли одолевают мой слегка согретый водкой разум, но думать мне лень, и это спасает меня от навалившейся хандры. Хандрить – это тоже определенная душевная работа, погрузить себя в тоску и ненавидеть окружающую действительность - на это уходит слишком много сил, а мне еще тащиться в Строгино. Не ближний свет, между прочим, от Никитской. Маша возвращается с новой порцией водки. Она развеселилась, и на ее серых щеках появляются бледно-розовые пятна подобия румянца. Мы чокаемся и выпиваем:

- За днюху! – чуть громче, чем нужно говорю я, и привлекаю внимание похмельного мужика.

Он дожидается, пока мы поставим свои рюмки на столик, и подает голос, хриплый и низкий, как у простуженного пса:

- Девушки, а?

Маша хихикает, она стоит лицом к мужику, поэтому видит его, и видимо это зрелище кажется ей забавным. Я не оборачиваюсь, все эти братания в заведениях подобного толка мне хорошо известны, и заканчиваются они всегда одинаково – безобразным скандалом.

- Девушки! Я, кажется, к вам обращаюсь! Ну!
- Маш, не реагируй, - шепчу я ей. Но Маша после ста грамм уже готова к приключениям, ее душа жаждет общения, она продолжает глупо хихикать, и я ее уже почти ненавижу.
- Что? – хихикая, говорит она то ли мне, то ли мужику, и ему становится достаточно этого тоненького мостика, чтобы со своей почти пустой кружкой переместиться к нам поближе.

Он занимает соседний от нас стол, не решаясь присоединиться к нам, так как спотыкается о мой суровый взгляд, полный презрения.

- Я тут подслушал, у кого-то из вас день Рождения?
- У меня, - хихикает Маша.
- Поздравляю от всей души! – поднимает свою кружку мужик.

Он делает большой последний глоток, громко ставит кружку на стол и лезет в карман за бумажником. Я закатываю глаза: «Начинается». Маша ошибочно думает, что сейчас новый знакомый предложит угостить нас, но так она решает по присущей ей наивности и мало опытности. Подобные типы никогда не угощают дам, им себе-то на пиво еле удастся наскрести, тем более после воскресной попойки. И точно. Из бумажника мужик достает помятую фотографию девочки, на вид лет шести, и сует ее Маше под нос.

- У меня вот у дочки тоже недавно был день Рождения. А я ее лет пять не видел уже... - заводит он свою пластинку.

Я резко топаю ногой и говорю Маше:

- Ну, нам пора.

Надо отдать ей должное, соображает Маша хорошо. Она быстро собирается, накидывает пальтишко, мы киваем Людмиле и тут же выметывается на улицу. Я успеваю услышать, как вслед нам кричит мужик:

- Ну и катитесь, шалавы!

Мы отходим на двести метров от рюмочной, и Маша начинает смеяться:

- Как мы от него смылись!

У нее запотевшие очки и тоненький истеричный смех. Мне все это перестает быть интересным. Охватывает привычная нервозность, будто бы я нахожусь не на своем месте и хочется быстрее уже избавиться от Маши. Ее скручивает смех:

- Ты слышала, что он нам крикнул? Ха-ха-ха!

Затем она переводит дух и добавляет:

- А хорошо же посидели?

- Нормально, - откликаюсь я, - так, Маш, ты езжай домой, поспи пару часиков, потом поешь и выпей чай. К вечеру придешь в себя, как раз.

Она расстроено смотрит на меня, и я с раздражением вновь вижу это жалостливое выражение ее глаз:

- А ты уже домой?
- У меня ученица сегодня, - отвечаю я.

Жалость в ее глазах сменяется испугом:

- Ты после всего этого поедешь учить детей?

Я пожимаю плечами:

- Маш, ну во-первых, для меня сто грамм – это не твои сто грамм. А во-вторых, разве трезвой можно выносить этих детей?

Маша задумывается на несколько секунд, потом все-таки соглашается со мной:

- Ну вообще да, эти дети... Как только у тебя хватает терпения с ними возиться! Я отказалась ото всех учеников, просто больше не могу, не могу и все...

Ее опять начинает нести, хочется поговорить, поплакать даже, может быть. Я хорошо понимаю ее состояние, только мне уже не до этого. Не весело. Не интересно. Я слегка прикасаюсь щекой к ее щеке на прощание:

- Ну, все, Машка! С днем Рождения еще раз, мне пора бежать!

Она распахивает руки, словно бы хочет прижать меня к себе, но я уже уношусь в сторону метро, и только слышу, как она кричит мне в спину:

- Не забудь! Сегодня вечером я жду тебя в «Жан-Жак»!

Не поворачиваясь, я машу ей рукой и спешу к ближайшей палатке. Мне нужно еще купить мятную жвачку и пополнить карточку на проезд.

Легкий кураж от выпитой водки уже испарился. Я запикиваю в рот сразу пять подушечек «Орбита» и захожу в стеклянные двери метрополитена. А там уже не так малоллюдно, как утром. Сумки, бабки, разносчики пиццы и осетинских пирогов, мужчины в черном, женщины со смартфонами, студенты с рюкзаками, школьные классы на выезде... Встаю в уголке и

прислоняюсь к дверям с надписью «Не прислоняться», включаю плеер, играет Morphine, глаза прячу в WhatsApp. Только бы не смотреть по сторонам. Проклятый понедельник!

Мне, как и любому москвичу, родившемуся внутри Садового кольца, присущ определенный снобизм к районам вроде Строгино или Северное Измайлово. Мол, это что за станции? Господи, да у них там МКАД под окнами! Да это разве Москва? Однако, несколько лет назад в моей жизни случился знаменательный период, когда я на два года съехала из привычного старого центра в дальние дали Бабушкинского района. И вроде как не умерла. Пожалуй, даже стала меньше пить, потому как от часовой езды в метро до почти конечной станции среди пропахших перегаром попутчиков, меня торкало еще на трезвую голову, и соответственно, хватало пару бутылок пива, чтобы достичь нужной мне кондиции. От метро до моего дома надо было пройти десять минут, и эти десять минут я шла с высоко задранной головой, разглядывая уходящий в небо корабельный лес типовых многоэтажек. Первые месяцы я путала свой дом с соседним, и упрямо набирала в чужом домофоне номер своей квартиры. «Ирония судьбы», ни дать ни взять! Впрочем, мне даже нравилось жить посреди этого горного хребта из домов серии п-44г. Вечерами я смотрела из окна на соседние дома и представляла все эти семьи с лабрадорами, которые копошатся сейчас на кухнях, готовят ужины, смотрят телевизоры, катают по полу шары для боулинга, а в три утра обязательно начнут подвывать караоке. По крайней мере, наши соседи сверху вели себя именно так. У меня возникало странное чувство уюта, причастности к согражданам, будто бы мы живем в огромном муравейнике, и у нас тут собственный микромир, где каждый играет свою определенную роль, но в целом, всем на тебя плевать и ты никому ничего не должен – очередной винтик в ржавом механизме бытия, о как! В центре такого нет. В центре все слишком маленькое, локальное. В центре твои соседи по лестничной клетке – как твои родственники. Да, полные уроды, но ты всегда перед ними вроде как в долгу. Все эти «здравствуйте» и «как

поживаете», они знают мой номер телефона, причем мобильного, а я – их. Я знаю, когда родилась их младшая дочка, и в какой класс ходит жирненький сынок. Они знают, где я работаю, и даже, допускаю такую мысль, что они знают о моем пристрастии выкидывать по вечерам мусорный пакет, полный разнообразных бутылок и коробок от полуфабрикатов. Мы слишком близки, хотя и не желаем этого. Но что делать! В старом доме всего пять этажей, четыре квартиры на лестничной клетке, и я знаю всех соседей в лицо, и почти всех – по именам. Тут уже не отвертишься, не притворишься, как в многоэтажке, мол, я так, в гости, поэтому в лифте можно и рта не раскрыть. А в центре на лестничной площадке встретишь, не дай бог, ранним утром, опаздывая на работу, Любовь Николаевну из 13 квартиры, и все – считай, как к бабушке съездила. Выслушаешь ее мнение по любому поводу, начиная от погоды и экономики страны, заканчивая ее болезнями и «какие паразиты листовки из почтовых ящиков кидают по всему подъезду». А послать Любовь Николаевну не позволяют добрососедские отношения, флер старого сталинского подъезда и тот факт, что она видела меня в нетрезвом виде много раз, но все равно не перестала здороваться.

Впрочем, нет правды на земле, но правды, как известно, нет и выше. Где лучше жить? В центре, где нет продуктовых магазинов, кроме маргинальных палаток, в которых есть только пиво и сушеные гады под закуску? Или в спальных районах, где ничего не происходит, и откуда трудно и долго выбираться и дорого вернуться ночью из бара на такси?

Для себя я этот вопрос решила три года назад, вернувшись жить в свой родной Басманный район. Но стабильно два раза в неделю я мотаюсь в Строгино, и каждый раз, затаив дыхание, пробираюсь сквозь многоэтажки в нужный мне подъезд, где живет моя ученица Вика.

К Вике лучше всегда приезжать немного выпивши. Это факт. Девочке шесть лет, она ходит в первый класс музыкальной школы и наглеет день ото дня. Мы с ней вроде как дружим, но иногда мне стоит больших трудов не надавать ей подзатыльников. Ну, или хотя бы не заорать на нее. А еще у

Вики есть толстая мама. Хорошая простая женщина, смешливая и строгая одновременно. Вот именно такие способны остановить коня, потушить избу и мужика еще на себе из нее вытащить. Викина мама считает меня болезненно худой и каким-то образом это связывает с моей профессией. Моя худоба за полгода нашего общения стала для нее навязчивой идеей, и после каждого занятия Лиза (а так ее зовут) пытается накормить меня чем-то сытным и питательным, приготовленным по лучшим рецептам советской кулинарии вроде голубцов или ленивых вареников. Уж лучше бы наливала сто грамм, ей-богу!

Викина семья живет в приличном подъезде, вроде того, в котором я обитала на Бабушкинской. На стене висят объявления: «Отдам котят», «Собрание ТСЖ», «276 квартира – должники». В лифте ничем не пахнет, стерильно, скучно и не разрисовано хуями. Я поднимаюсь на шестой этаж, и перед самым звонком в дверь, слышу, как вибрирует мой телефон. На экране высвечивается: «Мама».

«Ну блин, - думаю я, - ну только этого не хватало».

- Мам, я перезвоню, - отвечаю быстро.
- Кать, ты дома? У тебя все нормально? – слышится ее взвинченный голос.
- Да нормально всё. Я у ученицы.
- Перезвони потом! – истерит мать.
- Да что случилось-то? – спокойно переспрашиваю я.
- Да все нормально, но перезвони.

Отбой. Нажимаю на звонок.

Лиза радостно встречает меня, она, как всегда, с взмыленной головой, в каком-то измятом переднике с пятнами кетчупа и жира. По коридору разносятся запахи готовящейся еды. Что-то мясное... тефтельки? Мой желудок скручивает голод, - после водки было бы неплохо перекусить. Но я знаю свой организм: сытым он хочет выпить, а выпивши – есть. Это замкнутый круг, а я уже год держу свой вес в том пределе, который на

редкость точно характеризует мама словом «бухенвальд». Но это, уж простите, мои личные закидоны. В мире, где и так много людей, если уж живешь, то старайся занимать, как можно меньше места. Будь худым и всегда немного голодным. Сытость отупляет. Впрочем, я тут же меняю свое мнение: «Возможно, сегодня стоит остаться на обед, вечером еще эта пьянка в «Жан-Жак», а разве там можно поесть нормально?». Я вспоминаю их сухой, как ответ из бухгалтерии по зарплате, киш, прости господи, лорен, и ёжусь от отвращения.

Вика уже сидит за своим шикарным электронным пианино. У нее аккуратные косички, почти белые волосы и широко распахнутые голубые глаза. Мы начинаем урок.

Вика старательно играет «Менуэт», но, как всегда, сбивается в одном и том же месте.

- Маэстро, ну что же вы, - шутливо говорю я.
- Начнем сначала? – предлагает она и тут же начинает заново.

На Шуберте она спотыкается, путает руки, путает ноты и начинает нервничать:

- Я не помню, что это за ноты!
- Надо считать, - отвечаю я.
- Я не знаю! Я не помню!

Я вдыхаю с кухни запахи тефтелей и мечтаю, когда же все это, наконец, закончится. Мы разбираем с Викой ноты, спокойно я повторяю в сотый раз то, что говорила на каждом занятии. Но внимание девочки уже рассеялось. Ей не интересно, она смотрит на меня озорно и говорит:

- А вы смотрите «Ревизорро»?
- Нет, - разочаровываю ее я, однако, она не сдаётся:
- А я вам сейчас расскажу про эту передачу!
- Нет, даже слушать ничего не хочу, - резко обрываю я Вику, - давай, играй Шуберта.

- Ну, пожалуйста! Тогда можно я задам вам три вопроса потом? – торгуется она.
- Нет, сначала хорошо сыграй.
- Ну три вопроса!
- Один вопрос, - говорю я.
- Два!
- Ни одного вопроса.
- Хорошо! Один вопрос!! – умоляет Вика.

Она неплохо играет, вроде бы старается, но постоянно отвлекается: то на кота, то на мои серьги, то на собственное отражение в зеркальном шкафу. Мне не нравится ее игра, но я молчу. Нет сил и хочется тефтелей. Наконец, Вика заканчивает, и я говорю ей про ее недочеты, но она уже не слышит меня:

- А кто ваша лучшая ученица? – это и есть ее заветный вопрос.

Я украдкой смотрю на часы, до конца урока осталось пятнадцать минут, и нам нужно успеть сыграть этюд:

- Если сыграешь хорошо этюд, то возможно, лучшей ученицей на сегодня будешь ты.
- Правда? – удивляется Вика.
- Вот сейчас и посмотрим, - я складываю руки на груди и киваю головой, - маэстро, давайте!

Вика с необычайным для нее прилежанием исполняет этюд. Почти хорошо.

- Нормально, - отвечаю я.
- На пятерку? Поставите мне пятерку?
- Из-за Шуберта не могу, но этюд был неплох, - притворно сурово отвечаю я.
- Так я лучшая?
- На сегодня да, - не вру я, ведь она моя единственная ученица.

Вика расцветает и лезет ко мне обниматься. Я позволяю ей обнять себя, и она радостно щебечет:

- А вы – моя самая лучшая учительница! Вы такая улыбчивая, такая не строгая, такая красивая, даже в этих ваших огромных очках!

Я инстинктивно поправляю свои очки от Ральфа Лорана, и снисходительно улыбаюсь Вике. Ну не пошлешь же ребенка на хрен? Услышав, что мы с Викторией дурачимся, тормозим ее толстого кота Генку, в комнату влетает Лиза:

- Позанимались? Катерина, а вы не пообедаете с нами? У вас, наверное, на сегодня еще дел полно, поели бы... Есть у вас время?

Кидаю быстрый взгляд на часы, слегка задумываюсь, морщусь лоб. Надо соглашаться не сразу, а как бы делая людям одолжение. Иначе больше никаких приглашений к столу. Я мнусь, и Вика тянет меня за рукав свитера:

- Ну, Катя, ну соглашайтесь! Мама сделала вкусные тефтели!

Я пожимаю плечами:

- Да неудобно как-то...

Лиза машет на меня кухонным полотенцем, которое случайно прихватила с кухни:

- Да ладно вам! Вы такая худенькая, бегаєте целыми днями туда-сюда, пойдите! Даже ничего не хочу слушать.

И мы уходим на кухню. Мне нравится, как Лиза называет нас с Викторией «девочки». «Девочки позанимались», «девочки, мойте руки», «девочки, кому добавки». Хотя я сама не намного младше Лизы, может быть, лет на восемь или девять. Но я чувствую себя рядом с ней девочкой. Может, всему виной ее внушительная фигура, а может ее манера говорить громко и властно, словно бы отдавая приказы.

Одна тефтели за другой исчезают во рту под аккомпанемент жалоб Лизы. Она недовольна всем: детским садиком, преподавателем по музыке в школе, ценами в магазинах, много работающим мужем, успехами старшей дочери в художественном колледже, тарифами ЖКХ, платными парковками, новостями, курсами валют, финансовым благополучием соседки по подъезду, собственными волосами и даже тефтелями, которыми кормила меня:

- Катерин, вам не кажется, что они солоноватые? – раздраженно спрашивает Лиза.

- Да идите вы на х** со своими тефтелями, - чуть не вырывается у меня.

Но я, как человек с высшим профессиональным музыкальным образованием, конечно, не могу позволить себе откровения подобного уровня.

- Отличные тефтели, - отвечаю я, отправляя в рот четвертую по счету.

И вдруг она и правда кажется мне соленой, такой соленой, что хочется выплюнуть ее обратно на икеевскую тарелку, стоящую передо мной. Но Лиза и Вика смотрят на меня своими круглыми, как шарики для пинг-понга, глазенками, и я, давась, заставляю себя проглотить тефтелю.

После нее меня охватывает привычное чувство ненависти ко всему окружающему, душа требует скандала и дебоша. Ну, или просто выпить для успокоения. Я нервничаю, все эти разговоры действуют на меня угнетающе, и даже тефтели не стоят того, чтобы сидеть тут и выслушивать бесконечные жалобы на жизнь. С детства не терплю нытиков. Я встаю из-за стола и собираю свою волю в кулак. Мне требуется огромное количество сил, чтобы любезно распрощаться с Лизой и Викторией, три (!) раза улыбнуться, повторить задание для Вики, которое она все равно не станет делать, и в дверях даже погладить толстого Генку. Лиза мнетя:

- Катерин, а ничего если мы заплатим вам в другой раз? Сейчас просто такая уж обстановка... то есть деньги, то нет денег...

Вика с ужасом смотрит на мать:

- Мама!! Она же больше не придет!

Девочка бежит к себе в комнату, и мы слышим звон разбитой посуды, но Лиза даже не дергается. Она все также жалостливо смотрит на меня, и я пожимаю плечами:

- Да без проблем, давайте в другой раз.

- Это точно нормально? – нервно переспрашивает Лиза.

- Да нормально всё, не переживайте, - отвечаю я, и вспоминаю, что в кошельке у меня осталась только тысяча рублей. Эх, надо было еще съесть хотя бы парочку этих пересоленных тефтелей.

Вика с заплаканными глазами вылетает обратно в коридор и сует мне в руку какую-то мелочь. Мы переглядываемся с Лизой, и мать спрашивает у дочери:

- Вика, ты что, разбила свою копилку?
- Да! Да, разбила! Раз у тебя нет денег, то я заплачу! – в истерике кричит ребенок.

Мне неловко, эта сцена тяготит меня, все эти занятия давно пора оставить и пойти куда-нибудь преподавателем в штат, чтобы ко мне приходили в класс ученики, а зарплата приходила на карточку. Я осторожно отпихиваю щедрые дары Вики и натянуто улыбаюсь ее матери:

- Ох, уж эти дети! – бормочу я и поскорее выпрыгиваю на лестничную клетку.

Обе шумно прощаются со мной, наперебой кричат:

- До завтра! До завтра!

Я киваю, машу руками, улыбаюсь, судорожно жму кнопку лифта. Наконец, со скрежетом и скрипом передо мной распахиваются его двери. И только в на удивление стерильной его кабине, я могу позволить себе хорошенько выругаться:

- Это, б****, какой-то п*****!

На улице мне становится лучше. Я проверяю звонки, проверяю WhatsApp, и нахожу в нем сообщение от приятельницы. Она приглашает встретиться и пообедать на неделе. Я отвечаю: «Сегодня нормально?». Она радостно отвечает: «Давай!». Мы договариваемся пойти в вегетарианское кафе на Китай-городе. Я ненавижу подобные места, но знаю рядом магазинчик с разнообразным пойлом. Мне просто необходимо выпить, и как можно скорее. Поэтому я согласна буквально на все. Хорошо, что мне в WhatsApp не пришло предложение убить кого-то. Впрочем, от того, от кого я ждала, мне тоже ничего не пришло. Я чувствую свое оскорбленное эго, оно

буквально выпирает из моей грудной клетки и давит куда-то на живот. «Люди – х** на блюде», - повторяю я семейную присказку. Ненамного, но становится легче.

Из Строгино до Китай-города еду в окружении серых людей с лицами каннибалов времен блокады Ленинграда. Только не смотреть им в глаза! Только не в глаза! В плеере поет Ian Brown, сборник его хитов затерт до дыр, но мне все равно нравится. Это в моем характере: заслушать один и тот же альбом до тошноты, и потом не возвращаться к нему годами. Когда-то так было и с фильмами. «Святые из Бундока» я смотрела в свое время каждые выходные. Иногда два раза. Иногда подряд.

Я еду на встречу с Таней. Она младше меня на четыре года, но между нами пропасть в целое поколение. Я из голодных восьмидесятых, серого и убогого времени, когда нечего было есть и нечего было носить. Детство мое пришлось на унылые девяностые, и я до сих пор помню запах секонда, в котором мама покупала мне ношенные свитеры с мордами диснеевских персонажей, а я даже не знала тогда, кто такой Дисней, и что это за герои мультфильмов. Таня же посещает секонды ради прикола. Там можно найти необычные шмотки, можно купить винтаж, можно сочетать кардиган из 80-х с джинсами-скинни и нью-бэлансами, и пойти во всем этом великолепии тусоваться на Красный Октябрь. Ее не тошнит от запаха секонда. А меня тошнит. Вот такая между нами разница. Таня ищет себя, посещает мастер-классы и на досуге медитирует или смотрит мотивирующие видео на сайте TED. Недавно она увлеклась бегом, а ее инстаграм пестрит фотками «с претензией», вроде черного пса на белом снегу, с применением фильтра X Pro II. Ее подружки встречаются с иностранцами и ходят по ресторанам и барам, которые попадают в обзоры «Новые заведения месяца». Все они, естественно, занимаются чем-то творческим, пьют красное вино или розе, увлекаются позитивной философией и периодически впадают в депрессию от невозможности приткнуться куда-либо собственную гениальность. Родители спонсируют их безмятежный образ жизни, а в долгосрочных планах у Тани и

ее подруг – переезд в Америку или в Испанию. Может показаться, что я их ненавижу или презираю. Или возникнет вопрос, какого хрена общаться, если мне настолько претит ее личность? Да в том-то и дело, что я ее не презираю. Я как та пущенная стрела, и нет зла в моем сердце. У меня есть какой-то нездоровый интерес к этому «маменькиному поколению». Они для меня как инопланетяне, люди из другого мира, из другой Галактики. Я общаюсь с Таней, и каждый раз она способна удивить меня чем-то. А по нашей жизни это уже не мало. Я чувствую себя Жак-Ивом Кусто, опускающимся на глубину неизвестности, в самые недра потемок чужой души.

Таня ждет меня напротив кафешки. На ней черное пальто, черные джинсы и черные кожаные ботинки вроде армейских. Как всегда, она хочет есть, и у нее мало денег, но не может быть и речи, чтобы поесть, например, в «Теремке» или «Шоколаднице» - это не модно, не по-хипстерски. Да и Таня – вегетарианка, и лет восемь не ест мяса. Мы заходим внутрь, и я чувствую тошнотворный запах сои. Сейчас он вопьется в мою одежду и целый день будет таскаться за мной по всей Москве. Таня ставит свой кожаный рюкзак на стул и интересуется:

- Ты чего-нибудь хочешь?
- Пивка бы, - мечтательно отвечаю я.

Таня смеется. Она думает, что я шучу. А я-то не шучу.

- Нет, тут я ничего не буду, да и тем более я только что поела отменных тефтелей, - заявляю я, и посетители за соседним столиком недобро косятся в мою сторону.

Таня хмыкает и уходит к прилавку, чтобы заказать мерзкое соевое мясо со склизкой подливой цвета дерьма и желтым рисом. Я вообще не понимаю, как можно есть подобное, и от этого начинаю злиться. Вокруг меня сидят разнообразные странные личности вроде тетки с выбритыми висками и бедненьким жиденьким хвостиком серых волос. На ней длинная юбка в пол зеленого цвета, на юбке узор из оранжевых солнц. Тетка страдает лишним весом, не иначе сильно налегает на сою, ее лицо похоже на яичницу-

глазунью, - простое и ничего не выражающее. Я ловлю себя на мысли, что уже три минуты наблюдаю, как она поглощает нечто серо-коричневое из одноразовой тарелки, и фантазирую, как было бы хорошо и приятно сейчас размазать эту жижу по ее дебелой роже.

Но вот возвращается Таня. Она наклоняется ко мне:

- Катюш, такое дело. У тебя не будет займы пятидесяти рублей? А тот тут не принимают карты...

Я рассеяно киваю головой и даю ей в долг полтинник. Ха! В долг! За два года нашего знакомства Таня таким образом выцепила из меня, наверное, тысяч пять, если не больше, - это была ее излюбленная манера ходить на обед, цапая, то полтинник, то сотку. Но я не обращаю внимания. Да хрен с ней! Пусть давится своей соей.

Таня поглощает варево, а я разглядываю ее новый шерстяной пуловер. От него не пахнет секундом, и я решаюсь сделать комплимент:

- Отличная кофта, тебе идет!
- Ой, спасибо! С маман ездили в выходные в торговый центр, раскрутила ее на пару свитеров. Хотела еще затащить ее в «Тимберлэнд», но она устала и не пошла. Мы разругались, это был ужасный вечер! Я приехала домой, измотанная, у меня будто бы высосали все силы. Знаешь, такая энергетическая пустота. Я упала на свой диванчик и лежала с закрытыми глазами, наверное, часа три. А потом ко мне просто из ниоткуда начала приходить музыка! Это было потрясающе! Она наполняла меня, словно это Вселенная говорила со мной. Я успокоилась, перезвонила маман, та извинилась передо мной и обещала перекинуть мне бабло на карту, чтобы я уже сама купила себе ботинки.
- А что с музыкой? – интересуюсь я.
- А? С музыкой... - Таня пожимает плечами, - да пока я звонила маман, пока мы с ней трепались, все это волшебство куда-то делось. Ушло в свое небытие!

- Жаль, - комментирую я, хотя мне совсем и не жаль, - ты могла бы записать хотя бы мелодию. Ты же все-таки музыкант.

Таня в двадцать лет училась три месяца в музыкальном колледже, но бросила, так как преподаватели не видели в ней талант, который, несомненно, имелся, по ее горячим уверениям. Себя она считала моей коллегой, и, скорее всего, общалась со мной только из ощущения сопричастности к миру музыки, в котором варилась я. Коллега, блин, - скрипучая телега.

- Ой, Катюш, да что-то с музыкой все так сложно, - затягивает она свою любимую песню, - то, что я делаю, никому в сущности не надо! Я знаю, что я делаю исключительные треки, они самобытны, оригинальны, и я понимаю, что просто опережаю свое время.
- Ну так отправь их куда-нибудь на лейблы, - повторяю я то, что говорила уже триллион раз.

Таня морщится:

- Ага, и какие-то идиоты будут оценивать мое творчество! А потом еще и высказывать свое мнение. Нет уж. Я кинула свои треки на iTunes, пока этого достаточно. Вдруг кто-нибудь понимающий услышит их! Понимаешь, все должно идти естественно. Само по себе.

Я киваю головой, спорить тут бесполезно. Дельные советы Таня всегда отшвыривает от себя.

- Понимаю, понимаю, - поддакиваю я.
- Конечно, понимаешь. Ты ведь тоже музыкант, хотя и не сочиняешь собственной музыки, - Таня сокрушенно качает головой.

Наверное, по ее представлению, я сейчас должна почувствовать собственную ничтожность, но я ничего такого не чувствую, конечно. Мне просто хочется уже бежать от запаха сои на улицу до ближайшего алко-маркета, купить бутылку пива и присосаться к ее целительному горлышку.

Мы продолжаем сидеть, и я жду, когда Таня доест. Она ноет про жестокий мир шоу-бизнеса, про родителей, с которыми ей не повезло:

- Если бы у них были хоть какие-то связи! Я бы обязательно пробилась.
- Да-да, - повторяю я, и отбиваю левой ногой ритм на две четверти.

Под конец обеда на Таню сваливается вся печаль ее унылых дней, а возможно, это соя имеет такое свойство – погружать человека в отчаяние:

- Какая-то безысходность! Я многое делаю, но ничего не получается. Я ведь, правда, стараюсь! Я училась, в конце концов, я отсмотрела столько роликов на YouTube! Сейчас мне кажется, что я в каком-то персональном тупике. Какая-то пелена на моих глазах, и я не знаю, куда мне двигаться дальше.

Таня кладет вилку в опустевшую тарелку. Она, наконец, все доела. Я с легкой улыбкой смотрю ей в глаза и выдаю:

- Танюш, ты же знаешь, Вселенная сама выведет тебя на нужный путь! Расслабься и жди. Все придет. Само собой.
- Блин! Как ты права! Это ведь действительно так! Спасибо тебе огромное! Я постоянно забываю о пути, который нам уже предначертан... - Таня начинает вдаваться в подробности, о которых я не хочу ничего знать, поэтому я терпеливо жду, когда она выговорится, думая о WhatsApp. Проверить сейчас? Нет, чуть позже. На улице. Надо ли дарить вечером подарок Маше? Но у меня нет денег. Да и фиг с ней, и с подарком, и с WhatsApp тоже фиг.

Эти мысли развлекают меня, пока Таня толкает пламенную речь о своих надеждах на блестящее будущее. Наконец, мы выходим на тротуар. Она закуривает сигарету, и я встаю чуть поодаль, чтобы дым не попадал на меня. Таня за что-то благодарит меня, и даже спрашивает:

- Послушай, я такая свинья! Все о себе да о себе! Ты-то как?
- Я? Да нормально, - отвечаю я.

Мы обе лезем в карманы за своими телефонами. Ей приходит сообщение. Мне – смайл с высунутым языком. Я отправляю в ответ такой же и опять начинаю злиться. По инерции мы движемся вниз по улице, Таня кому-то

отвечает, а я осматриваю округу в поисках магазина. Вот и он. Мне не терпится зайти внутрь, и я говорю:

- Ну, ладно! Нормально посидели...

Таня, не отрывая глаз от телефона, перебивает меня:

- О, а не хочешь сейчас пойти в Кофебин?

- А что там? – морщусь я.

- Да там два моих знакомых сидят, они журналисты, интересные ребята. Им скучно, они приглашают присоединиться.

- Интересным людям не бывает скучно, - замечаю я в ответ.

Таня опять принимает мои слова за шутку и смеется.

- Пошли, они тебе понравятся. Они умные, и с ними есть о чем поговорить. Между прочим, американцы!

- А! Ну раз американцы, - говорю я, - им да, им может быть скучно.

На часах еще только три, и смайл с высунутым языком не дает мне покоя, - я злюсь и хочу совершить какую-нибудь мерзость.

- Пошли, - говорю я, - к твоим американцам. Только в Кофебине нет выпивки, а мне надо. И это не шутка, - добавляю я, видя, как Таня начинает хихикать.

Мы заходим с ней в подвал, где предприимчивые армяне устроили небольшой магазинчик. Цены для центра умеренно зверские, и я передумываю покупать пиво. На кассе мне в глаза бросается маленькая бутылочка коньяка.

- А шоколадку? – понимающе спрашивает продавщица с густыми черными волосами и офицерскими усами.

- Не надо, - уверенно отвечаю я, - дайте мятный «Орбит».

Мы улыбаемся друг другу.

Я и Таня идем в знакомую подворотню, где и я, и она, но правда по отдельности, выпивали еще в студенческие года. Пока я пью, Таня принимается разглагольствовать:

- Эх, бросить бы пить! На самом деле, мне кажется, я уже начала спиваться. Когда накапливается столько проблем, начинаешь искать средства для расслабления, а алкоголь – это, конечно, не вариант. Представляешь, я вчера дома одна взяла и выпила бокал вина! Одна! Со мной такое вообще впервые.
- Да, - подтверждаю я, - ты катишься на дно, - и одним последним глотком опрокидываю мерзавчик.

Мне становится заметно веселей, хотя тут же появляется ноющее желание накатить еще. Но я вспоминаю о вечеринке в «Жан-Жаке», и это как-то примиряет меня с окружающей действительностью.

Мы идем в Кофебин, я жую «Орбит», Таня продолжает рассказывать о своих грустных днях, но мои мысли вертятся вокруг смайла с высунутым языком.

Уже на пороге кофейни я вдруг перебиваю подругу:

- Мне кажется, я встречаюсь с мудаком.
- Тебе кажется, что он мудака? – переспрашивает немного ошарашенная Таня.
- Нет, мне кажется, что мы встречаемся. В том, что он мудака, я даже не сомневаюсь.
- Ой, Катюш! Может, нам надо было посидеть где-нибудь и выпить? И ты бы мне обо всем рассказала! Знаешь, у меня богатый опыт в отношении встреч с мудаками, - беспокоится Таня.
- Знаю, поэтому и сказала. Ну, как-нибудь потом. Пошли, развеем скуку твоих американцев, - бодро отвечаю я и открываю дверь Кофебина.

Танины американцы оказываются низкорослыми ребятами с шокирующе белоснежными улыбками. Они оба вскакивают из-за стола при виде Тани, оба скалятся, растягивая губы до ушей, оба хорошо пахнут и одеты в одинаковые кашемировые свитера, только разного цвета. У первого – коричневый, у второго – бордовый. Американцы расцеловывают Таню и протягивают мне руки для рукопожатия. Таня знакомит нас:

- Дэнни, - называет она коричневого.

- Майкл, - говорит она про бордового.

Мы садимся напротив них, и Таня с какой-то непонятной для меня гордостью рассказывает им:

- А это Катюша, она пианистка, работает в оркестре!

- О! – говорит Дэнни.

- Вау! – говорит Майкл.

Я молчу. Таня слишком сильно наклоняется к Дэнни, когда он смотрит в ее сторону, она тут же начинает трогать волосы, и я понимаю, что у коричневого есть шанс.

- Вы хотите кофе? – спрашивает Майкл.

Оба американца говорят на хорошем русском, с легким акцентом, который так заводит большинство россиянок. Таня с готовностью соглашается, ей лишь бы задарма пожрать и выпить:

- Ой, да! Я буду латте.

- А ты? – обращается ко мне Майкл.

- А я бы сейчас коньячку накатила, - думаю я, но вслух говорю, - а мне американо с молоком.

Я знаю, что от американо я протрезвею окончательно, и весь этот разговор станет мне в тягость, но другой кофе пить я не могу. Майкл уходит за напитками, и Дэнни с энтузиазмом советского пионера начинает расспрашивать меня про оркестр. Все эти вопросы я слышала сто тридцать миллионов раз, но правила поведения в обществе диктуют нам свои условия, и я, мило улыбаясь, повествую о своей работе:

- Да вот, играем, да.. Моцарт да. Гастроли да, бывают. Где послушать?

Ну, под Новый год будут концерты, приходи. И в США выступали, да.

А ты из какого города?

Оказывается, что Дэнни из Нью-Йорка, но последние десять лет живет в Москве. Мы начинаем обсуждать урбанизацию, жизнь в больших городах, новые велосипедные дорожки, укладку плитки этим летом в центре города. Я вспоминаю Центральный парк Нью-Йорка, и мне становится тоскливо.

Хочется быть дома, сидеть на кухне, пить водку со сладким ромом вперемешку и слушать «Агату Кристи». Тоска без конца, тоска без начала. А потом, напившись в дрова, танцевать по комнате в своих узких джинсах и майке-алкоголичке. И в часа в три ночи, наконец, заглянуть в мертвые глаза урагана. Я все это так живо представляю себе, что вздрагиваю от неожиданности, когда Майкл ставит передо мной кружку с кофе. Он улыбается, я улыбаюсь в ответ, но все это становится трудно терпеть. Таня кокетничает с Дэнни, но я заранее знаю, что ничего у них не получится. Слишком хороший вариант для Тани. Слишком странный вариант для Дэнни. Мы обсуждаем Хемингуэя, вспоминаем Париж, где каждый из нас был когда-то, затем упоминаем самоубийства, и Майкл начинает цитировать Уайльда и Бодлера. Я шмыгаю носом, Таня хлопает в ладоши. Неожиданно Дэнни портит наши литературные посиделки:

- А что вы думаете про Путина?

Таня хлопает глазами. Я усмехаюсь:

- А что про него думать?

- Давайте не будем про политику! Я только недавно разругалась с подружкой по поводу политики, и не хочу опять начинать эту тему, - умоляет Таня.

- Раньше русские любили говорить про политику, - замечает Дэнни, - а теперь все уходят от ответов.

- Поумнели, - говорю я, - да и кто на трезвую голову будет обсуждать президента?

Все думают, что я шучу, и смеются. А я-то не шучу. Майкл улучает момент и обращается ко мне:

- И как дела в твоём оркестре?

- Нормально, все нормально.

Мой ответ его, наверное, не устраивает, но мне все равно. Они неплохие ребята, не интересные, но неплохие, с обычным багажом знаний и манер. Тех, кого зовут «нормальными», и за которых большинство барышень

мечтает выйти замуж. Такие не для меня, я уже испорчена отношениями с больными ублюдками, с инфантильными сосунками, с бездушными мудаками. Каждый из них забрал от меня частичку нормальности и превратил в то, чем я являюсь теперь.

И вот мы уже говорим о Большом театре, о Доме Музыки, о филармонии, о консерватории. Майкл пытается зажечь интерес в моих глазах. Пытается произвести хорошее впечатление. Ему это удастся. Я встаю из-за стола и ухожу в туалет. Там я бую в унитаз американо с молоком. Кофе выходит легко и приятно, не травмируя горло. Я вытираю рот куском туалетной бумаги, нажимаю на спуск. Смотрю на себя пару минут в зеркало. У меня большие и печальные серые глаза, под которыми залегли фиолетовые тени. Острые скулы еще четче обозначились, щеки ввалились. Выгляжу уставшей, замотанной. Но все же себе нравлюсь. Наверное, завтра опять похудею.

Заметно повеселевшей, я выхожу из туалета и улыбаюсь Тане и американцам. Нет, я не анорексичка. Но иногда меня рвет от переизбытка чувств.

А они уже обсуждают американский стенд-ап, и моего любимого Луи Си Кея. Я разваливаюсь на диване, и вот мне уже никуда не хочется уходить. Эх, наливали бы тут алкоголь, и все – можно считать, идеальный вечер. Майкл достает айпад и начинает показывать какие-то забавные комиксы, мы смеемся, мы впечатлены. Затем он открывает виртуальную клавиатуру и просит меня исполнить что-нибудь. Я пожимаю плечами и выдаю «Жили у бабуся два веселых гуся». Все хохочут. Я опять пожимаю плечами. Странное дело, вот если ты, например, музыкант. Или художник. Все тут же начинают просить тебя сделать что-то, чем ты зарабатываешь на жизнь. Но я же не прошу Майкла или там Дэнни быстренько набросать мне пару статей?

Таня просит меня наиграть еще что-нибудь, и я поддаюсь, исполняю еще пару известных всем мелодий, но потом отдаю айпад обратно. Не люблю чувствовать себя цирковой обезьянкой.

Дэнни говорит, что любит оперу, а его любимый писатель – Маркес. У Дэнни безупречная стрижка, а когда он слушает, то чуть наклоняется правым ухом к собеседнику. Майкл говорит, что больше предпочитает концерты классической музыки (а если бы я исполняла шансон, как бы он выкрутился?), а его любимый писатель – все тот же Хемингуэй. У Майкла безупречная стрижка, а когда он слушает, он улыбается собеседнику, словно подбадривая его. И я уже путаю, кто из этих двоих кто, настолько они похожи.

Трезвость, однако, обрушивается на меня вместе с дурным настроением. Я понимаю, что могу испортить эти занимательные посиделки, и стараюсь выйти из положения, как можно элегантней:

- Так, ребята, мне пора! Сегодня у коллеги день Рождения, и мне надо успеть переодеться, и выпить чего-нибудь перед этим.
- Ты уходишь? – расстроено шепчет Таня. Ей все нравится, у нее покраснели щеки и глазки горят озорным огоньком.
- Да, я ухожу, но вы-то можете продолжать. Про Ремарка еще вроде не говорили, про Венскую оперу, - подсказываю я им темы для бесед.

Майкл быстро переглядывается с Дэнни и отвечает:

- Нам тоже пора! Было очень приятно познакомиться.

Американцы помогают нам с верхней одеждой, и вот через пару минут мы вчетвером оказываемся на улице. Им в одну сторону. Нам с Таней – в другую. Майкл и Дэнни расцеловывают нас в щеки и поспешно уходят. Мы бредем с Таней под легким снегом, и она явно огорчена:

- Дэнни так и не попросил мой номер телефона. Мы общаемся с ним только через фейсбук.
- Так даже лучше, - твердо отвечаю я, - на фейсбуке ты все видишь: получил, прочитал, ответил – не ответил, когда был онлайн и что делал. С телефоном так не получится.
- Но все-таки это уже более личный уровень общения, - канючит Таня.

- Да они уже забыли о том, что сидели сейчас с нами. Ты, что, Таня? Это же американцы, у них это нормально. Были бы русские парни, мы бы с тобой уже бухие сидели бы с ними в каком-нибудь кабаке, и условный Ваня предлагал бы тебе небо в алмазах, и жениться, и все на свете, только бы ты поехала к нему в Новогиреево.
- Фу, какая гадость, - кривится Таня.
- Зато не скучно, а американцы твои скучные, - посмеиваюсь я.

Мы прощаемся напротив Потаповского переулка, обещаем позвонить друг другу на днях и встретиться.

- Ты расскажешь мне про своего мудака? – с надеждой спрашивает подруга.
- Только про него и будем говорить, - киваю я.

Она уходит вниз по улице, а я сворачиваю в переулок. А, может, к черту этот день Рождения? Догнать Таньку, затащить в «Пропаганду», и там набухаться до чертиков, так, чтобы рассказывать без остановки о прошедших днях и реветь потом у нее на плече? Да ну, жалко девочку. Еще только понедельник. На Мясницкой какая-то толчея, группа иностранцев еле ползет по тротуару. Кажется, испанцы. Они в восторге останавливаются перед Чайным домом, и даже делают несколько снимков на сотовые телефоны. Их обегают вечно спешащие москвичи, среди них и я, тоже бегу побыстрее домой. Переулками, улочками, вот и подъезд. Набираю код домофона и влетаю к себе, на пятый. Дома хорошо. Уютно и тихо. Я скидываю ботинки, вешаю пуховик и иду на кухню. Квартира окутывает безмятежностью и спокойствием. Ну куда и зачем мне тащиться, если дома тепло, и есть бутылка джина? Опять тереться среди людей, что-то выслушивать, открывать рот и пытаться говорить в тему, быть милой и внимательной... Эти неудобные моменты, когда хочется в туалет, а тебе что-то втирают с важным видом, и ты никак не можешь перебить собеседника. А живот уже режет, и кажется, что вот-вот описаешься, как собака, ждущая хозяина с работы. Или еще такой конфуз, когда забываешь напрочь имя человека, с кем ведешь разговор. Он что-то

рассказывает, рассказывает, а ты стоишь как идиотка, хлопаешь глазами и в голове крутится только одна мысль: «Как же тебя, б****, зовут?». А еще порой приходится выдавливать смешки на несмешные шутки, или хуже всего шутить, а в ответ получать укоризненный взгляд или недоуменное молчание. Я устало вздыхаю и беру телефон, чтобы написать Маше и предупредить, что не смогу прийти. Выдумать себе какую-нибудь незначительную проблему, вроде запаха газа у соседей, или сломавшейся стиральной машинки, - и шито-крыто. Можно остаться дома, забухать в приятной компании, в моем случае – с самой собой, посмотреть пару серий любимого сериала, потанцевать... В общем, провести обычный вечер. Все, как я люблю.

Но в WhatsApp мне приходят сообщения. Слово за слово, смайл за смайлом.

Решаюсь на атаку:

- А что встретимся сегодня вечером?
- Стыдливый смайл.
- Будем опиум курить-рить-рить, - тут же отправляю я.
- Два стыдливых смайла.
- Так нет или да? - меня начинает все это раздражать. Рука тянется к бутылке с джином. Вторая еще не выпускает телефон.
- Сорян, у меня насморк, - получаю я ответ.
- Хуясморк, - думаю я, но в ответ набираю другое, - Тогда лечись.
- Хорошо. Смайл с высунутым языком.

Я ухожу из мессенджера и злуюсь. Проблема в том, что у меня как-то не было проблем. Наверное, месяца три. Ну, два точно. Было сплошное веселье: работа, пьянки, кратковременный сон. Работа, пьянки, сон. Отрывалась, в общем, по полной. Смеялась много. Деньги даже водились в кармане. А потом вот решила, что все как-то слишком хорошо. Ну, не моя какая-то жизнь. Разве я могу жить просто и легло, порхая крылышками над водой, как стрекоза? Тут, конечно же, словно в ответ на мои мысли мне и встретился стрекозел. Такой, из породы шутников-весельчаков, с которым «сначала весело, потом повесишься». Вот и на моей шее петелька начала уже

затягиваться. Внезапно на плечи наваливается гнетущее чувство ненужности. Оно садится сзади на шею и бьет меня больно ногами. И что теперь? Плакать, что ли? Вот еще.

Я выпиваю самодельный джин-тоник, авторский рецепт! Сто грамм джина, столько же тоника и пару кубиков льда. Повторить. Наконец, я в нужной кондиции для веселья и выхода в свет.

Зеркальные дверцы шкафа в комнате говорят мне, что я прекрасна. Я надеваю платье, возможно, слишком вечернее для «Жан-Жака», но мне нравится, что в нем моя грудь кажется больше, чем есть на самом деле. Крашусь в ванной: красная помада, румяна. Поправляю маникюр. Я готова к приключениям. Меня несет на воздушной подушке в сторону Никитского бульвара. И все, кто хоть раз приходил поддатым на встречу, понимают, какое это охуительное чувство.

В плеере играет Woodkid «Great Escape», и я бегу, бегу.

Я не из тех людей, кто сразу же вливается в компанию, юморит, острит и становится всеобщим любимцем за первые пять минут общения. Я люблю наблюдать за людьми, за их переглядываниями, нервными подергиваниями плечами, облизыванием губ, поправлением волос. Жесты выдают их настоящие желания, симпатии и неприязнь. И, честно говоря, для адекватного общения мне необходимо подпить. Не выношу общаться с людьми на сухую.

Я захожу в «Жан-Жак» и тут же вижу Машу, пару наших коллег, Веруню и каких-то незнакомых мне парней. Маша улыбается и машет мне рукой. Кажется, она уже успела накидаться. Веруня – наша бывшая коллега, виолончелистка, а в данный момент отчаянная домохозяйка-алкоголичка. Она сидит, скрестив руки на груди, в левой – бокал красного вина, в правой – незажженная сигарета. Я стараюсь пройти мимо нее, но она шутливо ставит мне подножку и орет на весь зал:

- Ну все, пришла Катя! Сейчас обложит нас всех матом, напьется и свалит через час!

Я качаю головой:

- Нет, Веруня, чтобы обложить тебя матом, мне сначала нужно напиться, а не потом.

Она хмыкает. Веруня обижена на меня за одну из прошлых пьянок, когда мы бухали в каком-то модном баре, а в другие Веруня и не ходит, и я посреди ночи решила поехать домой. У меня хватало денег только на такси, но Веруня наотрез отказывалась это понимать. Она буквально силой заставляла меня остаться, хватая за запястья своими костлявыми синими пальчиками. Я тогда грубо отшвырнула ее от себя и чуть не врезала ей по ее острому подбородку, но вовремя спохватилась, и просто умчалась в ночь на Яндекс-такси. Кстати, до сих пор жалею, что не вмочила ей. Она правда этого заслуживает. Веруня лишена чувства такта и всегда говорит то, что думает, а думает она обычно какую-то херню, причем правдивую херню, и от этого с ней очень неприятно находиться в одном помещении.

Меня знакомят с неулыбчивыми гостями, и я с уставшим вздохом присаживаюсь рядом с Веруней.

- Кажется, тебе надо выпить, - читает она мои мысли.

Я киваю головой. Веруня щедрым жестом наливает из общего графина мне красного вина, и я благодарно смотрю на нее. Маша радостно кричит:

- За мое здоровье!

И мы подхватываем ее тост. Незнакомые мне парни переговариваются между собой. Один из них явно пьянее остальных, его губы еле ворочаются, и я мечтаю быть в конце вечера в его же состоянии. Веруня шепчет:

- И где только Мария нашла этих молодчиков?

Я пожимаю плечами. Веруня всегда всех критикует, особенно мужчин. Она налетает на них, как коршун и потрошит их щупленькие тельца, выклевывает глазки и сердце, а потом с победоносным видом садится обратно на свою ветку, чтобы ворчать и ненавидеть весь мир.

- Ну, как дела? – не отстает от меня Веруня.
- Нормально всё, - отвечаю я.

- Ой, у тебя всегда все нормально, - дергает она своими острыми плечиками.
- А у тебя? – безразлично спрашиваю я.
- А я тут ходила на тусовку одну, музыкальную. Напилась там так, неслабо. Потом пришла домой и мой мужчина спрашивает: «А где ты была?». А я ему: «А не твое дело!». Ох, какой был скандал! – с непонятной мне гордостью повествует Веруня.
- А что было на тусовке? – без интереса задаю я вопрос, допивая свой бокал.
- Да ничего, просто пьянка.
- А с твоим мужчиной у вас, значит, все хорошо? – наступаю я на тонкий лед.

Ярко накрашенные глаза Веруни становятся грустными:

- Ну как сказать! Ничего хорошего!
- А что не так?
- Да все не так! Подумываю вот установить себе Тиндер, - брякает Веруня.
- При живом парне? Однако! – замечаю я и отворачиваюсь от нее.

Веруня из тех женщин, которые всегда недовольны своими спутниками, но при этом никогда их не отпустят от себя. Так и вижу ее через десять лет, говорящей, как все не так у них с ее парнем, но при этом каждую ночь она будет ложиться с ним в одну постель. Мне ее не понять.

Я заказываю бутылку домашнего вина, Машины гости заказывают водку. Подходят еще коллеги и какие-то незнакомые мне люди. Мы начинаем потихоньку веселиться. Сплетничаем про нашего дирижера, про коллег, которых нет рядом, про тех, кто вышел в туалет, про другие оркестры, про бывших сокурсников:

- Прикиньте, а Наташка-то теперь в Париже! Играет такая там, на скрипочке.
- Бездарность всегда пробьется, - замечает Веруня.

- Она удачно вышла замуж, - вставляет одна из коллег.

Все одновременно:

- Уууу.

Кое-кто хихикает. Я молчу и попиваю винишко. Мне пока не слишком весело, но уходить не хочется, а это уже успех. Через полчаса кто-то разбивает первый бокал, и официантка приносит Маше счет за этот конфуз.

Кто-то говорит:

- Это на счастье!
- За счастье! – подхватывают подвыпившие гости.

Веруня подсаживается мне на уши и болтает про своего бывшего мужика, который вдруг надумал пригласить ее на свидание:

- Что ему надо, я не могу понять?
- Да? – отвечаю я.
- Ну вот зачем мужчине, спустя полтора года после расставания, звонить и предлагать встречу?
- Ты правда не понимаешь? – переспрашиваю я.

Веруня смотрит мне в глаза несколько секунд, потом резко дергает головой:

- Нет, ну я понимаю...
- Ну вот и все, - отрезаю я.
- А как у тебя, что нового? – интересуется она.
- Новый есть, но с ним все как-то сложно, - говорю я.
- Вы уже трахались? – спокойно спрашивает Веруня.
- Да.
- Знаешь, моя дорогая, - Веруня кладет мне руку на плечо, - девушек ебут, а они себе придумывают отношения, не попадайся на этот крючок.
- Ты имеешь в виду его крючок? – пошлю я.

И сама смеюсь над своей детской шуткой. Веруня с ужасом глядит на меня, резко вскакивает и пересаживается на другой конец стола. Она занимает освободившееся место, пока его прежний владелец посещает уборную. Через

пару минут он возвращается, оценивает ситуацию и, примирившись с ней, вальяжно усаживается рядом со мной.

Я пью третий бокал, но все еще чувствую себя неудобно. Парень рядом со мной уже прилично пьян, воротник его рубашки расстегнут на две пуговицы больше, чем позволено в светском обществе. Глаза ярко блестят, он посматривает по сторонам озорно и весело. Но никто не встречается с его мутным взглядом, и он, увы, поворачивается ко мне:

- А вы, как я понял, играете с именинницей в одном оркестре?
- Угу, - киваю я.
- А поедете на хрен отсюда, - вдруг лихо решает он, и я начинаю смотреть на его заинтересованно. Забавный тип!

Я пожимаю плечами. Почему, собственно, и не поехать? В «Жан-Жак» те же официантки, то же кислое вино, те же лица за соседними столиками. Тут все покрыто серой пылью давних воспоминаний, я чувствую себя старой среди этих псевдо-французских интерьеров.

- Я не против, только надо взять Веруню, - отвечаю я.
- Веруня – это та, костлявая? – уточняет парень.

Бесспорно, он прав в отношении нее, но я тоже не могу похвастаться пышным телом, и мне становится обидно за Веруню:

- Не костлявая, а стройная.
- Стройная тут вы, а она – скелет, - невозмутимо парирует парень.
- Ну, ладно. Можете считать, что вы сделали мне почти удачный комплимент, - милостиво соглашаюсь я и машу Веруне рукой.

Она хмурится и пытается отвернуться от меня, но я пальцем указываю на соседа, и в ее глазах появляется слабенький огонек интереса.

Через пять минут, даже не попрощавшись с Машей, мы втроем оказываемся на улице.

- Куда идем? – спрашивает Веруня.

- Пойдемте в «Пропку», - предлагает наш новый знакомый, и мы обе разочарованно вздыхаем. Я думаю, что еще не поздно вернуться в «Жан-Жак».

Парень перехватывает наши взгляды и тут же пытается оправдаться:

- Да будет весело, я вам обещаю, там сейчас мои друзья, они тоже музыканты.
- Симпатичные среди них есть, или все как вы? – угрюмо спрашивает Веруня.
- Они, естественно, лучше меня, - смеется парень.

Мы бредем до «Пропки». С неба сыплется то ли дождь, то ли снег. И я начинаю чувствовать себя несчастной. Куда я прусь? Завтра же репетиция, завтра рано вставать, а я иду рядом с Веруней и слушаю ее феминистические бредни, которые она втирает Антону (так представился нам новый знакомый).

Антону около тридцати, возможно, меньше, но борода скрывает настоящий возраст современных парней, как ботокс скрывает истинные лета обеспеченных столичных дам. Его можно назвать приятным, у него широкая улыбка и ясные серые глаза. Он явно любит выпить, и все свои истории начинает со слов: «Я тогда был абсолютно пьян». Антон пытается шутить, и иногда у него даже это неплохо выходит. Веруня хватается меня под руку, чтобы я не сбежала в ближайший переулок, и я покоряюсь судьбе.

Без проблем мы проходим фейс-контроль, и вваливаемся в клуб. По понедельникам народу не так много, и Антон тут же находит своих друзей. Все они выглядят как типичные московские хипстеры, вроде моей приятельницы Тани, - парни в узких джинсах и свитерах сложного кроя мрачных оттенков от черного до угольного. У всех выбритые виски и волосы, уложенные воском назад. Все носят очки Ray Ban, и я не знаю, кто из них кто, потому что не могу отличить одного от другого. Мне становится некомфортно, как было бы некомфортно любому из вас, попавшему в общество клонов Брэда Питта образца 2014 года. Я боюсь их и остро

нуждаюсь в выпивке. Веруня же быстро осваивается, заливисто смеется без причины и даже называет новых знакомых по именам. Как ей это удается? Я прошу прощения и удаляюсь к бару, чтобы купить себе виски. Тоска вновь сжимает мое сердце, ох уж эта великая русская тоска! Я опускаю плечи и присаживаюсь на свободный стул за баром. Как говорил кто-то великий, нигде так остро, как в толпе, мы не чувствуем свое одиночество. Бородатый бармен в модной клетчатой рубашке наливает мне двойную порцию «Джека Дэниэлса», и у меня появляется коварный план остаться за стойкой и не возвращаться за столик. Но тут вновь вмешивается рок в виде моей знакомой. Ее рука хлопает меня по плечу, и я чуть не разливаю виски себе на подбородок. Мне уже неприятна эта встреча.

- Катюшка! Ты ли это? Сто лет тебя не видела в «Пропке»!
- А это и не я, - отвечаю я, - ты обозналась.
- А что у тебя в стакане? Вискарик? Значит, точно ты, - скалитесь она.

Оля – знакомая моих знакомых, непонятная девица, которую я периодически встречаю на каких-то пьянках, и от этого у нее возникла иллюзия, что мы подруги. Я знаю про нее несколько фактов: она трахалась в туалетах всех возможных баров Москвы, где цены на коктейли начинаются от 400 рублей; у нее есть муж и есть любовник; и она предпочитает догги-стайл. Больше про нее мне ничего не известно, и я не хочу восполнять эти многочисленные пробелы. Оля толчется рядом со мной:

- А ты одна?
- Нет, я с Веруней, - отвечаю я.

Оля морщит нос, ей не нравится Веруня, что меня совершенно не удивляет. Веруне в свою очередь не нравится Оля. А мне, что естественно, не нравятся они обе. Оля говорит:

- Ой, опять ты с этой бешеной. Сейчас она накинется на меня за ту историю, когда она весь вечер клеила какого-то хмыря, а он в итоге поехал со мной на квартиру. А между прочим, чего она обижается! Все знают, что у нее есть мужик!

- А у тебя есть муж, - напоминаю я.
- Ой, муж это муж! – отмахивается Оля, - он не спрашивает меня, я не спрашиваю его.
- Современный брак! – злорадно восклицаю я.
- Между прочим, мы пять лет вместе, значит, нас обоих все устраивает, - обиженно сообщает она.
- Да ради бога, - я делаю большой глоток.
- Нет, ну ты сама посуди! Я как-то пишу в вотсап мужу: «Мне грустно, поехали вечером тусить!». Заметь, пишу мужу первому, а не кому-то там из Тиндера! А он молчит! Пять минут без ответа! Ну я тогда пишу то же самое сообщение Мише, и этот поганец тоже молчит! Я думаю, сговорились что ли они все? И мне так обидно, понимаешь, так обидно! Трачу время на них обоих! С тем пять лет, с Мишей уже больше года канитель длится. Ну, короче, разозлилась, зашла в Тиндер, залайкала какого-то типа, и пошла с ним на встречу. Вот уже месяц тусим, вроде ничего такой чувак, - делится со мной своей насыщенной жизнью Оля.

Я качаю головой:

- И как у тебя на всех времени хватает?
- Кать, да в том-то и дело! Время еще даже остается! Уже не знаю, еще одного что ли заводить? Сейчас такие мужики пошли – почасовики, час на ужин, час на постель, и все – на большее их не хватает. Причем в постели, как ты понимаешь, час – это я его завожу, чтобы потом на две минуты его хватило. Это все сидение за компом по десять часов без перерыва, - сетует она.

Я допиваю виски и прошу бармена повторить. Выносить все это становится труднее и труднее, и я не чаю, как, наконец, свалю отсюда домой. Оля замечает среди хипстеров Веруню и восклицает:

- Так вы не одни! Вы с парнями! – и тут же бросает меня.

Я выдыхаю с облегчением. И дело не в том, что я ханжа и мне претит образ мышления и жизни Оли... Впрочем, скорее всего, дело именно в этом.

Через несколько минут меня, к сожалению, находит Веруния:

- Ты чего ушла? Сидишь тут, пьешь одна! Как мышка. Еще и эту шалаву направила к нам. А там ребята, между прочим, очень даже ничего. И Антон этот вполне себе.
- Ну я рада, - безрадостно отвечаю я.
- Эй, все нормально? – озабоченно вопрошает она.
- Нормально всё, - киваю я.
- Тогда бери свое бухло и пошли к нам.

Она хватает меня за руку и тащит обратно за стол. Я сажусь между ней и Антоном и даже не пытаюсь влиться в общий разговор. Виски действует умиротворяюще. Я просто хочу сидеть и загадочно улыбаться своим мыслям об уничтожении всего сущего на этой планете. Из транса меня выводит громкая речь Верунии:

- А я тут как-то была на одной музыкальной тусовке, напилась там сильно, приехала поздно домой. А мой мужчина спрашивает: «Где ты была?». А я ему в ответ: «Не твое дело!». Вы не представляете, какой был скандал!

Все слушают историю Верунии и качают головами, и я думаю, что если еще раз услышу эту унылую байку, то сойду с ума. Оля слишком серьезно воспринимает сказанное и начинает расспрашивать Верунию в жанре традиционной женской беседы: «А он что – а ты что». Всем становится скучно. Антон уходит заказать выпивку, и я порываюсь пойти с ним, чтобы потихоньку магически исчезнуть, сделав вид, что мне необходимо посетить уборную. Однако, меня задерживает новоприбывший знакомый хипстерской тусовки. Вернее сказать, задерживает не он сам, а его странный вид, его угрюмый недобрый взгляд, его черная толстовка с вышитым на ней черепом, его густая борода, постриженная по последней моде в каком-нибудь барбершопе на бульварах. Парень плюхается на место Антона, рядом со

мной и молча кивает всем. Он тянет руку к моему стакану и без лишних вопросов допивает остатки моего виски. Я в ужасе наблюдаю за происходящим. Так со мной еще никто не поступал. Один из хипстеров протягивает парню еще стакан, и тот также молча выпивает и его. Кто-то смеется, Веруня морщится, Оля с нескрываемым интересом следит за каждым движением новичка. Парень сидит несколько секунд, уставившись в одну точку перед собой. Я замечаю, что у него слегка дрожат руки. Все ясно. Мой коллега по алкоболу. Я выхватываю ловко из-под Олиной руки ее бокал с пивом и отдаю его парню. Залпом он выпивает и его. Мы сидим, открыв рты, и смотрим на него, словно бы он рассказывает нам самую интересную историю на свете. Вдруг парень, тряхнув головой, громко выдыхает:

- Уууух, ну и денек! Уже почти ночь, а я еще трезвый!

Хипстеры начинают ржать, Оля из вежливости присоединяется к их смеху. Парень обводит нас повеселевшим взглядом, неожиданно для себя замечает незнакомых ему девушек, вскакивает из-за стола и протягивает Веруне руку:

- Иван, приятно познакомиться.

Веруня брезгливо корчит рожу и едва дотрагивается до его руки острыми кончиками своих пальчиков. Парень протягивает руку Оле:

- Иван, приятно познакомиться.

- Ольга, - кокетливо говорит она и отвечает на рукопожатие.

Затем он оборачивается ко мне:

- Ваня, приятно познакомиться, - улыбаясь, представляется он.

- Катя, - сдержанно отвечаю я и жму его потную руку.

- Ну, что, сидим такие хмурые, девчонки? А? Кого хороним? – выпитое явно благотворно подействовало на организм и состояние Ивана, он готов балагурить, смеяться и развлекать окружающих. Это алкоголизм.

- Клетки печени, - отвечаю я без тени улыбки.

Раздаются смешки, Ваня грозит мне пальцем:

- А, ты значит, шутница!

- Нет, это вообще ничего не значит.

- Все что-то да значит, - не соглашается он.
- Или ничто не значит ничего, - парирую я.
- Перестаньте, - встречается в разговор Веруня, - у меня от вас мигрень начинается.
- Это у тебя от виски мигрень, надо еще выпить, - говорю ей я.

Иван хлопает ладонями по столу и подмигивает Веруне:

- А подруга дело говорит! Иногда недопить – хуже, чем перепить! Сейчас все будет, дамы!

И он убегает в сторону бара. Веруня качает головой:

- Что за тип!

Один из хипстеров отвечает:

- На самом деле, Ваня – мировой чувак! Он просто еще не выпил свою порцию, а когда выпьет, вы его узнаете получше, он вам понравится!
- Да не особенно и хочется его узнавать, - пожимает плечами Веруня.
- Говори за себя, - томно говорит Оля, ей явно понравился бородач, и она не против сходить с ним до местного туалета.

Я чувствую, что опять теряю связь с реальностью – все эти люди вокруг кажутся двухмерными, будто вырезанными из коричневого картона. Мне неуютно, и даже страшно. Что я здесь делаю? Когда давно пора залезть под одеяло и увидеть пару пьяных снов с ярким шизофреническим сюжетом. А на утро встать совершенно разбитой и измученной жаждой, выпить три стакана теплой воды и опять окунуться в клоаку метро. Я жмурюсь от представленной картины, и кто-то из хипстеров спрашивает:

- Катя, с тобой все в порядке?
- С ней все нормально, - говорит за меня Веруня, - просто надо еще выпить.

И тут, как будто в ответ на наши молитвы, появляются Антон и Ваня. В их руках стаканы с коктейлями и виски, они ставят их на стол и усаживаются рядом. Я оказываюсь зажатой между Иваном и Ольгой, и мои ноги то и дело соприкасаются с их ногами. Оля шепчет:

- Ты не против, если мы поменяемся местами?
- Против, - неожиданно говнюсь я. Мне хочется быть противной, даже мерзкой, и я хочу вызывать у людей отторжение. Когда же они все от меня отстанут?

Оля недовольно поджимает губы, она пытается подхватить начавшийся разговор и вставить пару фраз, но у нее не получается, - парни шутят о чем-то своем, обсуждают общих знакомых, какие-то прошлые тусовки, и Веруня с нескрываемой скукой тяжело вздыхает над столом. Ее коктейль почти допит, и пора идти по домам. Ваня и Антон никак не могут наговориться, воспоминания так и льются из них, как дерьмо из прорванной канализации. В пылу очередной увлекательной истории, бородач задевает мой стакан локтем, и я едва успеваю спасти остатки виски.

- Пардон! – восклицает Иван и, наконец, переключает свое внимание на девушек, - ой, мы, наверное, вас совсем утомили, дамы?
- Нет, - бодро лжет Оля.
- Да, - угрюмым хором отвечаем мы с Веруней.
- А девушки, между прочим, музыканты! – гордо заявляет Антон.
- Она – нет, - Веруня тычет пальцем в Ольгу.
- Но у меня полно других талантов, - парирует Оля и подмигивает Ване.

Он, впрочем, никак не реагирует на ее позывные. Я вижу по его глазам, что он вошел в стадию той кондиции, когда начинается безудержное веселье, и хочется устроить «что-нибудь эдакое». Ваня хватает меня за руки и вытаскивает танцевать. Я вяло сопротивляюсь, я пьяна и наступаю ему на ноги. Иногда я делаю это нарочно, просто из вредности. Но он даже не замечает этого, - то подхватывает меня за талию, то словно бы невзначай кладет руку на задницу. Я пытаюсь увернуться, но бородач всегда оказывается ловчее меня. В конце концов, я сдаюсь и уже не пытаюсь выскользнуть из его рук. Наш танец смешон и нелеп, и я думаю о том, как мы выглядим со стороны, и вдруг начинаю хохотать. Ваня смеется в ответ, мы хохочем, хохочем. Минуту длится это волшебное состояние, похожее на

счастье или хотя бы какое-то удовлетворение от жизни. Чувство благодарности наполняет меня. Хочется обнять Ваню, прижаться к его черной толстовке и поцеловать в его небритую щеку. Расплакаться от эмоций и шепнуть «спасибо» ему на ухо. Вместо этого я кричу:

- Ох, ну я и накидалась!
- Выпей еще, - смеется Ваня.
- Завтра на работу, - разумно отвечаю я.
- Да всем завтра на работу, кого это когда останавливало?

И я понимаю, что он прав. Заметно повеселевшие и вспотевшие, мы возвращаемся за столик, и я вижу, что Оля куда-то делась, как и парочка хипстеров, - сбежали в другое место или уехали домой, - это так и останется тайной, которую никому не интересно узнать. Стойкая Веруня с укором глядит на меня:

- Танцы в «Пропке»? Ты серьезно?
- Меня заставили, - говорю я.

А через двадцать минут и еще сорок грамм виски, мы вновь танцуем, и Веруня не отстает от нас, приплясывая рядом. Ваня тащит меня на улицу курить. Мы выходим без пальто и курток, и он протягивает мне сигарету.

- Не курю, - я качаю головой.
- Молодец, - закуривает бородач.
- Только не говори, что хочешь бросить. Сейчас все так говорят.
- Не скажу, я не хочу, - просто отвечает он и продолжает, - придется тебе сегодня целовать пепельницу.

Ваня хитро смотрит на меня и посмеивается, ждет реакцию. Я пожимаю плечами:

- Ну это лучше, чем целовать унитаз.

Он воспринимает мой ответ как согласие, и наклоняется ко мне для поцелуя, но я успеваю отойти на шаг назад, и бородач неловко отступает. Мы встречаемся взглядами, и я вижу, что он вовсе не злится, Ваня разводит руками:

- Пожалуй, мне стоит еще потренировать мой реверанс.

Мы смеемся, а потом возвращаемся в клуб. В гардеробе я замечаю Веруню, она забирает свое пальто.

- Домой?
- Да, пора уже.
- Мужчина твой переживает? – подначиваю я ее.
- Он всегда за меня переживает, - резко отвечает она.
- А ты ему в ответ: «А это не твое дело!», - пьяно смеюсь я.
- Фи, это не смешно! Терпеть не могу быть трезвой среди пьяных, - говорит Веруня.

Она пытается одеть пальто, но у нее ничего не выходит. Движения ее неточны, и она никак не может попасть рукой в нужный рукав. Я откровенно потешаюсь над ней. Наконец, мне весело и легко. Веруня злится, кидает пальто на пол и начинает топтать его ногами. К нам подбегает охранник:

- Девушки, все скандалы – на улице. Не устраивайте здесь истерик!
- Кто истеричка? Ты хочешь сказать, что я – истеричка? – истерит Веруня.

Я забираю свой пуховик, быстро натягиваю его, хватаю с пола пальто Веруни и ее саму, извиняюсь перед охранником и выталкиваю подругу на улицу. Морозный ветер приятно бьет по лицу. Мне даже хочется немного протрезветь, чтобы можно было еще выпить. Веруня пьяна, ее шатает.

- Надо вызвать такси, - бормочет она.
- Не беспокойтесь, сейчас все будет! – за нашими спинами раздается голос Вани.

Он, Антон и еще два хипстера стоят позади нас. Антон говорит:

- У нас есть колеса.
- Только этого еще не хватало, наркоманы сраные, - громко ругается Веруня, - Катюх, валим отсюда!

Парни смеются, и Антон объясняет:

- Да не те колеса, а машина!

- И кто из нас поведет? – интересуюсь я.
- Конечно, самый бухой! – радостно отвечает Ваня и указывает на Веруню.

Она поднимает над головой кулак и показывает всем средний палец. Я поддерживаю Веруню за локоть:

- Нет, ребят, мы на такси.

Им явно не хочется нас отпускать, но на часах уже почти час ночи. Мы прощаемся, и Ваня говорит мне на ухо:

- Есть ли шанс, что мы увидимся опять?
- Пятьдесят на пятьдесят, - отвечаю я, - или увидимся, или нет.

Я загружаю полусонное тело Веруни в желтый автомобиль, и не успеваю услышать ответ бородача.

Сперва мы едем до дома Веруни, и я сдаю ее на руки высокому не улыбчивому типу – это и есть мужчина «не твое дело». Он кивает мне головой и подхватывает свою барышню под мышки, - его движения точны, и действует он, судя по всему, по давно отработанной схеме. Я замечаю, что дверь их подъезда заранее открыта, чтобы мужчине было удобнее втащить Веруню домой. А на кухне, наверное, Веруню уже ждет стакан воды с антипохмельной таблеткой. Может быть, это и есть любовь?

Через десять минут я оказываюсь дома. В голове нет никаких мыслей, я стаскиваю с себя одежду и валюсь на диван. Через четыре часа прозвонит будильник.

Меня гипнотизирует помятая жестяная банка из-под пива. Она катается туда-сюда по полупустому вагону метро, и я не могу оторвать от нее глаз. Блестящая, но при этом уже никому не нужная. От нее разносится вонь дешевого пива, и дама в укороченной дубленке брезгливо косится на пол. Она прячет свою недовольную рожу в кашемировый шарф нежно-лилового оттенка. Впрочем, эта расцветка ей категорически не идет, так как подчеркивает припухшие мешки под глазами. Я с презрением смотрю на даму. А хули ты хотела? Это метро, а не личный лимузин, тетя!

Банка подкатывается к ее замшевым сапогам, и дама аккуратно приподнимает свои ножки-батончики от грязного вагонного пола. Банка откатывается обратно. Я пристально слежу за ее путешествием, словно это не пустая жестянка, а невероятные приключения Федора Конюхова. Сегодня только вторник, а я уже устала.

Перед репетицией ко мне подходит Маша, она зачем-то зацепила солнечные очки. Ее бледные губы слегка дрожат.

- Куда ты делась вчера? – истерично спрашивает она.
- Да закрутилось все как-то, - уклончиво отвечаю я.
- Я на тебя рассчитывала! – почти кричит Маша, и на нас косятся коллеги из оркестра.

Я делаю круглые глаза:

- В каком плане?

Маша вдруг резко срывает с лица свои нелепые очки, и я вижу ее опухшие от вчерашней пьянки глаза:

- Что ты не допустишь вот этого!
- Ну, Машенька, ты же взрослая девочка, - примирительно говорю я, - я тебе не нянька.
- Знаю! Знаю! Но сегодня репетиция, а я совсем ничего не могу... - чуть не плача гундосит она.

Я тяжело вздыхаю:

- Тебе, милая моя, опохмелиться надо. Пивка дернуть, и жизнь сразу наладиться.
- Что? Прямо перед репетицией? – пораженно смотрит на меня Маша.
- А что? Одно пиво беды не сделает. Накатишь – сразу полегчает, - советую я от чистого сердца.
- А мы успеем? Ты ведь пойдешь со мной? – жалобно смотрит она на меня.
- Я пойду, так уж и быть. Но пить не буду, иначе меня понесет, а Игорь Алексеевич и так на меня зуб точит.

- Или пьеску прочит, - хихикает Маша.

Я с удивлением смотрю на нее и невольно проникаюсь симпатией. А Машка-то умеет, оказывается, когда хочет!

Через пять минут мы уже в родном подвальном круглосуточном магазинчике, местной «алкашке». Еще только семь утра, и алкоголь, конечно же, нам не продадут. Но продавец Шавкат каждый раз оправдывает данное ему родителями имя и отпускает нам одну бутылку пива в долг. Деньги мы обещаем занести после репетиции. Шавкат улыбается и кивает головой. Он знает, мы не обманем.

Мы встаем неподалеку от входа в магазин, мимо быстрым шагом несутся к метро офисные клерки. Они не обращают на нас внимания, и я говорю Маше:

- Да перестань ты смотреть на них. Им до тебя вообще нет никакого дела.

Маша нервно хихикает. Ее мучает жажда и головная боль. Я открываю для нее пиво брелочком и протягиваю, как ценный приз:

- Держите, миледи.

Маша слегка приседает в реверансе. Но ей, на самом деле, не до смеха. Она чуть быстрее, чем требуют приличия, выхватывает у меня из рук бутылку и присасывается к ее горлышку. Два, три, четыре глотка. Я с легкой ноткой зависти наблюдаю за Машей. Наконец, она отрывается:

- Ууууух, а неплохо!

- Сейчас еще лучше будет, - хмыкаю я.

- Блин, а играть-то я смогу? Сейчас развезет на старые дрожжи, - тревожится она.

- Сможешь, не ссы. Джим Моррисон под наркотой концерты давал, а ты чем хуже? – говорю я.

- Ой, Кать, - смеется она, - ну я же не Моррисон!

- Ну у нас тут и не Ванкувер, - подбадриваю ее я.

Маша смеется еще громче и приканчивает пиво. Мы опаздываем на репетицию на пятнадцать минут, и Игорь Алексеевич делает нам замечание.

Я извиняюсь, Маша только пьяно улыбается в ответ. Через пять минут дирижер выставляет ее за дверь:

- Мария, это просто немыслимо! От кого угодно я мог ожидать такого поведения, но только не от вас! Вы приличная молодая женщина, а являетесь на работу, на репетицию оркестра к семи утра в нетрезвом виде! Пишите объяснительную! И чтобы я вас пока больше тут не видел! Не беспокойтесь, за понесенные неудобства я попрошу вычесть из вашей зарплаты!
- Да пошел ты, козлина! – слышим мы все из-за двери веселый голос Маши.

По оркестру пробегают смешочки, и дирижер оглядывает музыкантов своими маленькими цепкими глазками. Репетиция продолжается.

Спустя три часа я чувствую себя постаревшей на тридцать лет. Устало запикиваю ноты в рюкзак, устало прощаюсь с коллегами до завтра. День только начался, а мне уже ничего не хочется. Пожалуй, кроме выпить. Под влиянием настроения я набираю смс Лизе: «Извините, я заболела, сегодня наш урок не состоится». У меня нет ни сил, ни желания тащиться в Строгино. Даже несмотря на то, что там, возможно, мне сегодня, наконец, заплатили бы. Лиза молниеносно отвечает:

- Очень жаль (грустный смайл), поправляйтесь поскорее (довольный смайл), мы вас ждем (радостный смайл).

Отправляю лаконичное «спасибо» в ответ и выхожу на улицу. На ступеньках меня ждет раскрасневшаяся Мария. В руках у нее новая бутылка пива. Она машет мне ей:

- Ээээй, Катюшка! А я жду тебя!
- Ну ничего себе ты развлекаешься, - говорю я.
- Да! Я отдала Шавкату деньги и купила еще две бутылки, - гордо отвечает Маша, - одну себе, вторую – другу!

Она хитро посмеивается и вынимает из сумки бутылку:

- Это для тебя!

- Маш, надо отойти куда-то. Здесь как-то не комильфо, студенты все-таки смотрят, - говорю я.

Мы заходим в ближайший тихий дворик рядом с католической церковью и чокаемся бутылками.

- За твое здоровье, - торжественно произношу я.

Мы выпиваем, и от холодного пива мне становится приятно и тепло. Возможно, это именно то, что мне так необходимо по вторникам. Маша расслабляется, ей сейчас плевать на всех и всё, но я знаю, как завтра она будет жалеть о сегодняшнем своем поступке. Однако, я не собираюсь стыдить ее и напоминать о репетиции. Маша может и не дожить до завтрашнего дня, кто знает, что будет с нами через полчаса? Через час? Через тридцать секунд? Маша может умереть в любой момент, впрочем, и я тоже. Зачем думать о своих страхах, ошибках и неприятностях? Давайте просто наслаждаться моментом, в котором мы живы, здоровы и счастливы.

Мы чокаемся бутылками снова и пьем молча, без тостов и лишних слов. Мы улыбаемся друг другу. Неожиданно наш пикник прерывает неизвестно откуда взявшаяся бабулька. Древняя, но чистенькая, одетая в серую шубу из неопознанного зверя. На голове – меховая шапка, местами полысевшая. У бабули выщипанные брови и ярко покрашенные губы. Меня потрясает ее прямая спина. Мне бы такую осанку. Бабуля держится спокойно, с достоинством. Она кивает мне и Маше и говорит:

- Is it Monday today?

По ее виду и акценту мы понимаем, что она русская, и я недоуменно смотрю на нее какое-то время, а затем отвечаю:

- Нет, сегодня вторник.
- Is it Monday today? – упрямо повторяет она, ее взгляд становится жестче.
- Какой еще мандэй? – переспрашивает Маша, - бабушка, вторник уже!
- Don't hear, - презрительно бросает нам старуха и неспешно удаляется вниз по переулку к Большой Никитской улице.

Некоторое время мы с Машей молча глядим друг на друга, затем я начинаю хихикать, и Маша подхватывает мой смешок. Она говорит:

- Городская сумасшедшая!
- Да уж, говорить с нами по-английски, пока мы бухаем пиво до полудня – точно чокнутая, - отвечаю я.

Через двадцать минут мы прощаемся с Машей, я не задаю ей никаких вопросов, она же спрашивает про мои планы на день. Я пожимаю плечами. Внезапно на меня накатывает необъяснимая тоска. Я не хочу идти домой, я не хочу идти куда-то где есть люди. Я хочу напиться, но не хочу чувствовать вкус алкоголя. Для пмс еще рано, и мне трудно объяснить самой себе, что со мной происходит. Я достаю айфон и пытаюсь собраться с силами, чтобы набрать сообщение в What'sApp, но, вот странное совпадение, в этот самый момент мне звонит мать. Я тут же вспоминаю, что вчера так и не перезвонила ей.

- Да, мам.
- Катя! – нервно произносит она мое имя, - ну что там с тобой происходит?
- Все нормально, - говорю я.
- Ты можешь говорить?

Секунду меня мучает соблазн ответить отрицательно, но я тут же понимаю, что это не спасет меня от разговора с ней, а лишь отсрочит его.

- Могу, конечно, - вздыхаю я.
- Ты, что, не можешь найти пять минут, чтобы перезвонить матери? Чем таким особенным ты там занимаешься? – высказывает она мне свои обычные претензии.
- Вообще-то я только с репетиции, а потом у меня ученики, - бессовестно вру я.

Мама горько вздыхает. Я так и вижу, как она поджимает свои сухие губы и неодобрительно качает головой. Она никогда не простит мне, что я не стала бухгалтером.

- А в пятницу у тебя что?
- А что? – настороженно переспрашиваю я.
- Надеюсь, нет никаких важных концертов, - ехидно говорит она.
- Вроде нет.
- Так вот – в пятницу твой брат женится! И ты приглашена на свадьбу! – торжественно объявляет мать.

Я прикрываю глаза, на меня обрушивается мигрень нечеловеческой силы, такую мигрень даже слон не был бы способен вынести. Бог ты мой! Очередное семейное сборище, на котором мне обязательно нужно отметиться, иначе на следующие полгода я впаду в немилость у Королевы-матери. Причем свадьбы гораздо хуже похорон. На похоронах хотя бы не надо притворяться радостной и веселой, не надо выдавливать из себя смешки и произносить лживые тосты. На похоронах можно сидеть со своим обычным лицом и ненавидеть человечество. Можно напиться вдрызг, прилюдно расплакаться, устроить сцену, - и слова поперек никто не скажет. Горе у человека, человек страдает! Да, похороны я люблю больше.

- И мне обязательно приходиться? – использую я свой последний шанс.
- Как это «обязательно»? Катя, это вообще-то твой единственный брат! И он женится! – смакует мама одну и ту же фразу.

Я тяжело вздыхаю:

- Все-таки я была на его первой свадьбе, вторую можно и пропустить. А на третью приду всенепременно.
- Хватит придуриваться! – мама начинает раздражаться, - приезжай в Нахабино к десяти утра, сразу в ЗАГС. В интернете посмотри, как проехать, ты же умеешь пользоваться компьютером.
- В Нахабино? – я еле держу удар, - вот уж счастье-то привалило! Переться черт знает куда к десяти утра, чтобы смотреть, как одна жаба женится на другой, - последнее предложение я, конечно, вслух не говорю, мама не оценит такой откровенности.
- Раз в жизни можно и в Нахабино приехать, - жестко отвечает мать.

- Ну если только один, и то не факт, что на это стоит тратить время, - философствую я.
- Ой, Кать, давай без демагогии, мне твой отец уже всю душу вытряс. В общем, приезжай, после ЗАГСа едем в ресторан отмечать, - раздражается она.

Упоминание ресторана хоть как-то облегчает мое страдание. Я покорно отвечаю:

- Ну, хорошо. Я буду. Что вы будете дарить молодым, конверт?
- Конечно, конверт. Пусть сами решают, на что тратить, да и свадьбу надо все-таки отбить.
- Ну тогда и от меня суньте пару тысяч, - ловко примазываюсь я.
- Как всегда у тебя нет денег! – выдает мама свою коронную фразу.

Я скорбно дышу в трубку и молчу, она выдерживает небольшую паузу и продолжает:

- Ладно, вложу и от тебя.

Мы прощаемся. Настроение мое валяется у меня под ногами и поднять его практически нет шансов. С моей семьей меня не связывает ничего, у нас даже разные фамилии. А с братом я не виделась года три, или четыре? Его невесту, толстую деревенскую девку, шумную и глупую, я имела удовольствие наблюдать один-единственный раз, и этих отвратительных впечатлений мне хватило по гроб жизни. Ее рот не закрывался тогда ни на минуту, она постоянно что-то болтала, задавала вопросы и сама на них отвечала, вращала своими ярко намалеванными глазами и ржала так, что мои барабанные перепонки молили о берушах. И вот скоро пятница, и мне придется провести целый день в компании моего семейства и новообретенных родственников. Ну, хоть напьюсь.

Я поддаюсь внезапному порыву грусти и вновь берусь за телефон, открываю What'sApp и пишу сообщение с предложением о встрече сегодня. Я пишу это своему парню, тому самому мудаку, с которым вот уже месяц я собираюсь закончить наши трехмесячные отношения. Каждый раз я даю себе слово не

писать ему, но каждый раз жизнь кладет меня на лопатки и пинает куда-то в печень. Печень молит меня об обезболивающем, и вот я уже пишу опять и предлагаю вместе выпить. Вчера он меня послал, и я никогда не знаю, пошлет ли он меня снова или соизволит согласиться и прийти. Эти странные отношения начались на почве алкоголизма и продолжаются под его влиянием. Мы напиваемся, трахаемся и разбегаемся. Ему хорошо, а мне иногда становится тошно, потому что вот такая я тонкая личность и не могу смотреть на мир циничным взглядом. По крайней мере, не могу пока. Но я все равно отправляю сообщение.

Ответ приходит, когда я уже сижу на своей крохотной кухне и трачу время в интернете в поисках смешных фотографий котиков.

- «Ну давай», - читаю я и сама презираю себя за радостную дрожь, которая расходится по моему телу за доли секунды.

Когда-то я была относительно нормальной. Хотя нет. Это ложь. Когда-то я притворялась относительно нормальной, умела сдерживать внутреннего демона и даже мало пила. Так, выпивала по выходным. У меня были отношения, походы по музеям, театрам. Что там идет в «Современнике»? Ах, мы все смотрели, какая жалость! Тогда, пожалуй, забронируем билеты на фестиваль австрийского авторского кино. У меня были иные знакомые. Мы с ними встречались в новых хипстерских барчиках и сидели весь вечер, цедя сквозь зубы слова и экзотические коктейли от барменов-чемпионов. Не могу сказать, что та жизнь была лучше моей сегодняшней, или моя нынешняя – лучше той, прежней. Просто все было по-другому, но я помню свое каждодневное напряжение, когда хотелось сорваться, учудить что-то эдакое, просто выпить, в конце концов. Однажды, впрочем, так и случилось. И пошло-поехало. Пьянка разрушила мою старую жизнь, внутренний демон расправил крылья, и понес меня на встречу саморазрушению, похмелью, провалам в памяти, идиотским поступкам, случайным знакомствам и необыкновенным приключениям. Напряжение спало, наконец, я смогла окончательно расслабиться и перестать врать самой себе. Да, я алкоголичка,

и что? Главное – жить в гармонии с собой, и у меня это неплохо получается.

Моя жизнь – мое дело. Мое тело – мое дело. Моя печень – мое дело.

Я собираюсь на свидание: выхватываю из шкафа свитер, натягиваю джинсы, ничего особенного, он все равно не оценит моих стараний. Наношу немного помады на губы, он все равно ее съест к концу вечера. И самое главное, - выпиваю сто грамм рома. Ни разу еще за три месяца я не приходила к нему на встречу, не выпив предварительно чего-нибудь дома. Грубо говоря, он не видел меня никогда совершенно трезвой. Этот факт необычайно веселит, и я вдруг нахожу себя в радостно-хорошем настроении. Я предвкушаю выпивку, пьяные разговоры и поцелуи.

До него я встречалась с алкоголиком, но он не смог выдержать моего темпа. Мы встречались в субботу вечером, и к полуночи он лежал, уткнувшись носом в липкую барную стойку. А я вызывала такси и везла его к себе. Как мужчина, конечно же, он был малопригоден. Да и как собутыльник тоже. По воскресеньям он чувствовал себя гадко и был, что естественно, в отвратительном настроении. Я бегала в ближайший магазин ему за пивом и затем полдня выслушивала его нытье:

- Зачем я столько выпил вчера, зачем я пил ту водку, зачем я брал то пиво, ох как же мне плохо, когда уже отпустит, больше никогда не буду пить.

Он ныл часами, смотрел новости и дул одну бутылку за другой. К вечеру мне удавалось растолкать его и выставить за дверь. Ночами он писал мне сообщения эротического содержания и обещал «хорошенько трахнуть». Я велась на это и опять бежала к нему на субботние пьянки. Терпение лопнуло через четыре месяца. Наш первый секс оказался полным фиаско – у него просто не встал.

- А ты плохо стараешься, - пьяно заявил мне мой кавалер.
- А ты не умеешь пить, - сказала я.

На этом мы и расстались. Я слышала от общих знакомых, что спустя пару месяцев после нашего разрыва он закодировался и вступил в какую-то

организацию вроде «Трезвость – мой выбор». А потом умер от сердечного приступа. По крайней мере, мне так нравится думать, потому что я больше не слышала про него никаких новостей.

Мы встречаемся в нашем обычном баре у Новослободской. Кирилл уже ждет меня за столиком, перед ним стоит бокал с пивом.

- Уже пьешь? – качаю я головой.

- Да, - радостно отвечает он.

Разговор не клеится, я что-то рассказываю, но он не слушает. Он передразнивает мой голос и интонации, ему кажется это забавным. Я беру себе пиво и молча пью. В зал заходит девка с большой жопой и толстыми ляжками. Она упакована в такие узкие джинсы, что, я могу поспорить - каждое движение натирает ей между ног. Хотя, возможно, именно этого она и хочет. У нее небольшие сиськи и несимпатичное ярко покрашенное лицо.

Кирилл оценивает ее взглядом:

- Вот это жопа!

- Тебе нравится? – безразлично спрашиваю я.

- Да, такую я бы по****. Разочек, - он смотрит на мою реакцию.

И я в который раз задумываюсь, а все ли со мной действительно нормально? А не е***** ли я? Почему я прихожу раз за разом на свидания с человеком, который меня унижает? На глазах почти готовы навернуться слезы, но я сдерживаю себя. Этого он и добивается. Он мечтает довести меня, увидеть мою истерику, понаблюдать за мини-драмой. Иначе же скучно. Я быстро беру себя в руки:

- Не знала, что тебя привлекают толстухи.

- Да я шучу, эту бы ни за что в жизни не стал, - пожимает Кирилл плечами, - только посмотри на этот жир. Можно трахать в бока, в пупок, наверное, тоже можно.

- Фу, ну хватит, - притворно морщусь я.

- А пить тебе не хватит? А трахаться тебе не хватит?

- Не хватит, - игриво отвечаю я, - а что?

- Ничего. Хотела бы сейчас?
- Может, и хотела бы.
- Я тоже, - хмыкает он.

Наш обычный диалог, вроде заигрываний или комплиментов, которыми осыпают друг друга среднестатистические пары. Но всё, о чем мы можем говорить друг с другом, - это секс и выпивка. И я не могу сказать, что меня это расстраивает.

После третьей кружки пива Кирилл начинает гладить под столом мою коленку, поднимаясь все выше к ширинке.

- Нормально так делать? – якобы возмущаюсь я.
- Нормально, никто не видит.

Я думаю, что если нас кто-то видел, это еще больше завело бы Кирилла. А меня? Возможно. Я вспоминаю, как мы познакомились с ним. В каком-то баре на Маяковке в очереди в туалет. Он сплюнул и попал мне на ботинки, и я повернулась, чтобы прожечь его лоб своим взглядом, полным желчи и ненависти. Кирилл же улыбнулся и развел руками:

- Упс, ну бывает, барышня, простите. Давайте угощу вас вискариком.

Он тогда мне и понравился. Дело не в многообещающем «угощу», а как нежно он произнес «вискарик». Тепло тогда разошлось по всему моему телу, и я уже знала, что в тот же вечер буду целоваться с Кириллом, и знала, что если он мне позвонит на другой день, я пересплю с ним. Все, впрочем, так и вышло. Веселье закончилось на третьем свидании, когда он, не стесняясь, вдруг начал обсуждать секс с другими женщинами, утверждать, что у баб нет души, и нести прочую херню, вычитанную в пабликах Вконтакте. Сперва я думала, что он так шутит. Пыталась даже смеяться, ведь мне так понравилось с ним трахаться. Но шутки оказались не шутками.

- Я считаю, женщин можно бить по лицу. Если изнасиловали, то сама виновата. Баба всегда глупее мужика. Бабы такие – ведутся только на бабло. Нормально трахай – нормально будет, - обычные рассуждения Кирилла.

Из всего я безоговорочно согласна только с последним утверждением. Кирилл трахает меня нормально. Даже очень хорошо. В постели он вдруг становится внимательным и старается в первую очередь довести меня, а когда я испытываю оргазм второй или третий раз, кончает и он. Мы быстро находим общий язык в постели, но никак не можем найти его в вертикальном положении, сидя за баром, или петляя по переулкам Москвы. Он не читает книг, которые читаю я. Я не слушаю музыку, которую слушает он. Мы не ходим в кино, потому что мы алкоголики, и тратим свое время и деньги в темных залах пивных баров.

- Знаешь, я полное говно, - говорит мне он на втором свидании, - ты со мной еще намучаешься.

Я смотрю на него круглыми оленьими глазами и не верю. А Кирилл ведь не врет. Я понимаю, что то, что между нами нельзя назвать отношениями, но физическое влечение слишком велико, чтобы отказывать себе в нем. Как у любого алкоголика, у меня напрочь отсутствует сила воли. И передо мной расстилается нехоженое доселе поле под названием «Мазохизм». Иногда самоуважение вдруг просыпается во мне и пытается сопротивляться, я говорю:

- Прекрати так разговаривать со мной.
- С хера ли? – интересуется Кирилл.
- Мне это не нравится.
- Ну, я же быдло, ты знала, с кем связалась, - пожимает он плечами.
- Ты не быдло, - почему-то всегда спорю с ним я.

Он ищет болевые точки и давит на них, он замечает, что мне не нравится и продолжает это делать с удвоенной силой. Но только не в сексе. В постели он словно собственный хороший брат-близнец, который стремится доставить мне удовольствие. И это, черт возьми, меня убивает.

Мы переворачиваем страницы в пивной карте. Кирилл читает:

- Светлый лагерь с апельсиновыми нотками и корицей в послевкусии. О, ты любишь корицу? Возьми этот.

Мне становится лестно, что он помнит про корицу, и я глупо улыбаюсь сама себе, смотрю через плечо Кирилла в меню и тут же откидываюсь назад:

- Не возьму, в нем всего 4,5 градуса. Это только кишки полоскать.
- Тоже верно, - соглашается он.

В выпивке мы также подходим друг другу, как и в постели, - мы рьяные алкоголики, тяготеющие к эстетству. Иногда мне кажется, что со мной Кирилл просто отрывается до встречи с той самой единственной, ради которой он бросит пить, получит повышение и возьмет ипотеку. Да, у них будет обычная такая семейная жизнь с разборками, срывами и примирениями, с двумя детишками и поездками на дачу к теще и тестю, но меня греет мысль, что со своей гипотетической женой он никогда не будет настолько безумен, насколько он безумен со мной.

Мы берем девятиградусный эль. Лампы начинают гореть ярче, пальцы Кирилла все быстрее гладят меня по ноге, и мы без остановки говорим: об учебе, о других городах, о дедушках, о войне, о странных людях вокруг, о том, как было бы хорошо сейчас оказаться в постели.

Я опять срываюсь и предлагаю:

- Поедем ко мне.
- На пару часиков? – усмехается он.

Эта усмешка выводит меня из себя, я уже достаточно пьяна, чтобы устроить скандал и воспринимать все слишком болезненно.

- Не хочу на пару часиков, это унижительно! – заявляю я.
- Ну, извините, на ночь я не могу остаться. Это вы, центровые, вам на работу близко, а мне до Пражской еще ехать и ехать, - Кирилл делает большой глоток из своего стакана.
- Между прочим я встаю почти в пять утра каждый день, - мрачно говорю я.
- Зато в одиннадцать ты уже свободна. Я бы на твоём месте приезжал домой и ложился спать.
- У меня есть и другие дела, ученики! – запальчиво отвечаю я.

Он замыкается в себе, как делает это всегда, когда ему хочется закончить разговор:

- Мне не нравится это, не хочу больше говорить. Я сказал – или на пару часиков, или нет.
- Хорошо, - зло говорю я.

Мы молчим какое-то время, а потом я от присущей мне женской подлости добавляю:

- В пятницу, кстати, не получится встретиться.
- Что так? – деланно равнодушно спрашивает он.
- Потому что ты мудила и козел, - хочу ответить я, но говорю другое, - я иду на свадьбу к брату.
- Не знал, что у тебя есть брат.
- Теперь знаешь.
- Да и похер. Надеюсь, ты не собираешься меня позвать туда?
- Естественно, нет, - отвечаю я.

Кирилл кивает головой, но я вижу по его лицу, что ему немного обидно. Он бы предпочел получить предложение пойти на свадьбу и глумливо отказаться от него. Его рука больше не трогает мою коленку. Он одним большим глотком допивает свое пиво, затем допивает и из моей кружки, хлопает себя по ляжкам и притворно весело говорит:

- Ну, что? Хорошо посидели? Пора и честь знать.

Я пожимаю плечами. Кирилл зовет официанта и расплачивается по счету. Молча мы одеваемся, молча идем к метро. Я хочу взять его за руку, но его руки в карманах куртки. Все не так, все совсем не так. Может, это знак, что пора прекращать эти странные отношения? Пора уже вырваться из этого круга, найти нормального парня? Или вообще, прости господи, записаться на курсы йоги? Перестать пить каждый день? Чаше звонить родителям? В мою голову лезут воистину страшные мысли. Едва я успеваю подумать о суициде, Кирилл поворачивается ко мне и, хмыкая, произносит:

- Ладно, поехали к тебе, уговорила.

Он берет меня за руку, и счастливей меня не найти во всей Москве в ту минуту.

Но за той минутой приходит другая, здравомыслящая, отрезвляющая минута. Пивной хмель еще сидит в моей голове, но морозный вечерний воздух выдувает шаг за шагом его. И я начинаю задумываться обо всем, что происходит между мной и Кириллом. Между мной и остальными, еще незнакомыми мне мужчинами и всеми бывшими, коих, слава богу и моему длинному носу, было не так уж и много.

Я думаю с горечью, что мне по жизни никогда не встречались простые мужчины. Эдакие увальни из рекламы магазинов электроники, которые дарят жене на 8 марта фен, а на день Рождения – мультиварку. Говорят, с такими мужиками скучно. Но я не верю. Со сложными скучно. Рано или поздно надоедает их изменчивость, эта вечная смена настроений, постоянные проблемы, чаще всего выдуманные и надуманные, эти подозрения и драмы на пустом месте. Когда им плохо от того, что все может быть так хорошо и легко. Они ждут сцен ревности, ждут мозгобли, ждут меркантильности и подлости. Эти сложные мужчины, окруженные удушающей заботой мамули, казалось бы настолько хорошо изучили мерзкую природу женщины, что в один миг сами поменяли пол. У них есть член, но нет яиц. Они ноют, плачут и им все не нравится. А мне не нравится, когда сложно. Вот встречаются двое, и им вместе хорошо. Нравится выпивать, например. Ну, так пейте! Нравится трахаться. Трахайтесь. Страсть, любовь, привязанность – да что угодно. Простые люди не вникают в высокие материи. Есть еда – хорошо. Нет – плохо. Заболел – лечись. Не вылечился – умер. Все на самом деле устроено примитивно. И только сложные упаковывают эти простые истины в шуршащие многослойные пакеты, у них не докопаешься до сути. Там все секретно, расплывчато, мутно. К чертям собачим, надоело! Я-то хочу вечерами готовить картошку с котлетами и кормить ими своего мужика, у которого, возможно, лишний вес и небольшие залысины. Но он любит меня и ест мои котлеты. А потом мы вместе смотрим футбол и пьем пиво. Трахаемся

и засыпаем рядом друг с другом, я даже не прошу обнимать меня ночами, - не хочу, чтобы у него затекало плечо. Мне и так хорошо, я чувствую, что он близко. Такое вот, прости господи, женское счастье. Но мне не везет на простых. Простые бегут от меня или вовсе не попадаются на пути.

Кирилл держит меня за руку, пока мы идем к моему дому. Наши пальцы переплетены, и мы гладим друг друга по ладоням подушечками. Он говорит:

- Надо не забыть купить резинки.
- Аптека в соседнем доме, - напоминаю я ему.
- А я знаю. Я все знаю, - отвечает он.

Все да не все, - думаю я. Он точно не догадывается, какие буйные мысли сотрясают мою полу трезвую голову. Вот я требую простого мужика? А сама-то я кто? А сама я разве простая? Да я п***** какая сложная. Быть может, как раз кто-то рациональный смог бы уравновесить меня, опустить с небес на землю, как говорит моя мать. И в чем-то она права.

Но Кирилл не из таких. Нас ничего не ждет в будущем, только еще больше ссор и непонимания. Больше обид и слез. В конце концов, мы возненавидим друг друга до такой степени, что его будет тошнить от одного упоминания о моей персоне. А я сперва буду пить больше обычного (хотя это и трудно представить), пока, наконец, не забуду его имя и время, которое мы провели в склоках и нервотрепке.

Все только начинается. Все плохое, я имею в виду. Знает ли это он? Вряд ли. Если бы знал, то кинулся бежать прочь. Со мной шутки плохи. Это лишь видимость, что я слабая, глупая и добрая. Я позволяю так думать о себе ради собственной безопасности. Это моя броня.

Кирилл хочет мне сделать больно, он показывает это всем своим видом, это его способ быть главнее, подавлять меня, держать рядом, как комнатную собачонку. Но и йорки способны кусать до крови.

Мои несвязанные мысли уносят меня в будущее. Я ясно представляю себе наше расставание с Кириллом. Через неделю? Месяц? Полгода? Не важно. Это будет болезненно и страшно. Картина встает перед моими глазами –

настолько живая и реальная, что я останавливаюсь посередине улицы и ошарашенно смотрю по сторонам. Что мы делаем? Куда идем? Мне уже ничего не хочется, ни секса, ни поцелуев.

- Надо купить резинки и еще чего-нибудь выпить, - говорит Кирилл.

Я слышу волшебное слово «выпить», и как по приказу гипнотизёра, мое настроение меняется. И чего я грузюсь проблемами, которые пока еще не пришли по мою душу? Надо жить сегодняшним днем, в конце концов, я могу умереть в любой момент. А никто толком не может ответить точно, что ждет меня после смерти. Есть ли он, этот рай на том свете? На этом свете он точно есть: вот, через дорогу, сверкает витринами и поблескивает стеклотарой. В раю светло и тихо, и услужливый продавец, улыбаясь, напоминает:

- Осталось пять минут.

Мы судорожно выбираем, что поможет нам уснуть этой ночью. Кирилл предлагает:

- Возьмем текилу? Или джин? Или может, вообще водку?

- Водку точно нет, - твердо говорю я, - сегодня вторник. По вторникам я водку не пью.

- И в попу не даешь, - хмыкает Кирилл.

- В попу только мужу, - отвечаю я.

- Ну-ну, удачи тебе с этим, - говорит он.

Я хватаю с полки бутылку джина, он стоит подозрительно и поразительно дешево, триста рублей. За пол литра! Кирилл читает через мое плечо этикетку:

- Что это за хрень?

- Джин вроде, - пожимаю я плечами, - из Твери!

- Тверской джин? А мы не умрем сегодня ночью?

- Кто не рискует, тот не пьет джин из Твери, - отвечаю я.

На самом деле, я не собираюсь его покупать, но думать и решать некогда. Кассир выразительно смотрит на часы, и улыбка ее становится все более

нервной. Кирилл ловит напряженное настроение персонала рая и выхватывает у меня из рук бутылку:

- Ладно, берем его.

На кассе нам продают и тоник. И мы, счастливые, покидаем наш рай и идем в аптеку.

Дома тихо и темно. Я включаю свет на кухне и открываю холодильник. Мужика надо сперва накормить. Но Кирилл уже лезет мне под свитер, под чашечки лифчика и начинает лапать грудь. Ему не терпится поскорее заняться сексом, да и мне, честно говоря, тоже. Мы идем в комнату и валимся на постель. Все происходит второпях, как будто вот-вот с дачи должны вернуться родители, и у нас есть пять минут, чтобы удовлетворить свое желание и не быть пойманными.

- Вставай раком, - хрипло говорит Кирилл.

Я делаю, что он велит, и чувствую, как его член входит в меня. И почему мне нравятся все порочные развлечения вроде секса и алкоголя? Почему меня так не прет от театра, например? Или от караоке? Ходила бы себе раз в неделю в суши-бар с трескучим микрофоном и орала бы там от души: «Уйди, прошу бессонница, забыть его хочу!». Или вот кошки. Завела бы себе рыженькую кисоньку, например, Ньюшеньку. Выкладывала бы ее фотографии в инстаграм каждый день, советовалась на форумах кошатников, какой наполнитель для туалета лучше, какая ветеринарная клиника надежней, и съедала бы каждый день по десять грамм кошачьей шерсти вместе с завтраком и ужином. Но нет! Мне лишь бы выпить, ну и потрахаться я тоже не против, если есть с кем.

Я быстро кончаю, а через пару минут кончает и Кирилл. Мы идем в душ, и он моет меня всю. Мы улыбаемся друг другу.

- Теперь можно и выпить, - говорит Кирилл.

На кухне он делает джин-тоник, и рука его не жалеет тверского пойла. Я гляжу на порцию алкоголя в своем бокале, и понимаю, что сегодня нажрюсь в соплю. Кирилл по-хозяйски шарит в моем холодильнике:

- Хочешь, картошку пожарю?
- Лучше меня еще раз отжарь, - вслух говорю я пошлости.
- Это потом, - невозмутимо отзывается он, - а сейчас я есть хочу.

Он никогда не разрешает мне готовить.

- Женщина, сиди и не мешай. Я сам все сделаю, - обычно заявляет он.

Кирилл чистит картошку, достает сковородку-гриль, поливает ее маслом и выкладывает аккуратные желтые кружочки. Затем добавляет приправы и чеснок. По кухне разносится аппетитный запах простой еды, и я чувствую, насколько сильно я голодна. У меня не хватает терпения ждать. Мы все пьем и пьем глоток за глотком джин-тоник, и пустой желудок скручивает от алкоголя.

- Все готово! – наконец, объявляет Кирилл.

Мы едим картошку в час ночи и ведем пьяные разговоры, которые я точно никогда не вспомню. Мне хорошо и весело. Я забываю про все плохое, что думала совсем недавно про Кирилла, я практически уже люблю его, как вдруг он говорит:

- Есть одна баба на работе, вот я бы ее потрахал. Ну, если бы мы с тобой не мутили.

Внутри меня начинает нарастать огненная ненависть. Я буквально чувствую, как горю, как горят мои внутренние органы. Так и хочется кинуть ему в лицо его картошкой и выставить на улицу, благо метро уже не ходит. Пусть тратится на такси, урод.

- Это, по-твоему, нормально говорить мне такое?
- А что? – ухмыляется он.
- Ну и вали, трахай бабу с работы, - я пытаюсь встать со стула, но Кирилл силой держит меня за руку.
- Ладно тебе, я пошутил. Я же пошутил.

Но я знаю, что он не шутит. А даже если и шутит, то делает это, не чтобы рассмешить меня, а чтобы сделать мне больно. Но ярость быстро остывает во мне, я пьяна и не хочу скандалов. Мне хочется просто заснуть. Кажется, мы

доедаем картошку, допиваем джин и трахаемся еще раз. Кажется, но я не уверена.

Звук будильника прорывается сквозь черноту моего сна. Я открываю глаза с пятой попытки и нахожу себя в собственной постели, голой и под одеялом. Во сколько я заснула? Что было вечером? Куда делся Кирилл? Я ничего не могу вспомнить. Голова болит, и во рту противно сухо. Я пытаюсь подняться, но меня шатает из стороны в сторону. Поездка в метро представляется мне дорогой в ад. Там и так-то не рай земной, а с такой головной болью и подавно. Я понимаю, что еще пьяна, вчерашний хмель не до конца покинул мой рассудок. В зеркале на меня смотрит позеленевшая рыба, - выпученные глаза, острые скулы, полуоткрытый рот. Вены на висках пульсируют. Зато совершенно отсутствуют мешки под глазами. Организм настолько обезвожен, что высосал последние неприкосновенные запасы жидкости на лице.

На кухне я жадно пью воду из пластиковой бутылки и замечаю записку на столе: «Доброе утро!» и подпись Х**. И все. Голова туго соображает, и я не могу решить, как мне отреагировать на послание. Обрадоваться, что он не ушел по-английски, а все-таки озаботился оставить о себе хоть весточку? Или воспринять эту писульку как форменное издевательство? Ведь Кирилл определенно знал, что это мое утро не будет добрым. Я теряюсь в собственных эмоциях и сильно устаю от этого. Пока, наконец, не встаю на путь дзена и понимаю, что мне в сущности все равно, что он имел в виду этой запиской. У меня нет сил накручивать саму себя и думать обо всем этом. Я просто хочу обратно в постель. Но это простое желание невозможно удовлетворить. Мне необходимо присутствовать на репетиции, и я, преодолевая невероятные трудности, как, например, чистка зубов и даже душ, все-таки выхожу на улицу в пол седьмого утра. Мороз прочищает мозги и приятно холодит лицо. Я знаю, что выгляжу, как голодный зомби, но теперь хотя бы я похожа на остальных сограждан и ничем не выделяюсь из толпы, мрачно марширующей до метрополитена.

В среду утром в метро пахнет отчаянием и равнодушием. Кому-то уже все равно, что будет дальше. Эти люди просто едут на работу. Люди-жопы. Они сидят в метро, тупо пялясь в никуда. Они сидят на работе, тупо пялясь в экран или общаясь в социальных сетях с незнакомцами и бывшими одноклассниками, что по сути одно и то же. Они и дома сидят перед телевизорами, тупея еще больше, хотя казалось бы куда, но возможности мозга деградировать безграничны. А есть еще отчаявшиеся, кто пока еще не смирился, кто еще надеется на Субботу, верит в пророка Ее Пятницу и свидетеля Ее Воскресенье. Они тоже жопы, также сидят, но строят какие-то планы, мол, весной станет лучше, убеждают себя, что всё нормально. А летом-то отпуск и ночи короче, и жить легче. А в сентябре грибы, а там и Новый год. Но ничего не меняется вокруг, быть может, становится только хуже, и петля отчаяния все плотнее сжимается вокруг горла. Вот они смотрят по сторонам, кидают свои затравленные взгляды на попутчиков, которым уже все равно, и осознают, что происходит вокруг что-то неправильное, что-то ужасное, непоправимое. Что это их жизнь проносится мимо, быстрее, чем успевают поезд проехать перегон между станциями. И вроде нужно что-то делать, а что – непонятно, и лень. Проще повторять одни и те же движения ежедневно до полной апатии и безразличия, и тогда отчаявшиеся становятся равнодушными.

И какие только мысли не посещают мою голову с похмелья! Я стою, прислонившись к двери с надписью «Не прислоняться» и чувствую себя криминальным боссом, поправшим последние осколки общественной морали. Я почти всегда стою в метро, потому что ненавижу уступать место. И считаю, что лучше заранее отказаться от привилегий, чем сперва получить их, а потом потерять. Вкусивши тепло нежного кашемира, так сложно вновь оказаться в обносках. Пока вагон трясется, я вспоминаю давние гастроли. Три? Четыре года назад? Наш оркестр с полными залами выступал по России. И первые концерты мы давали в Санкт-Петербурге, этом сером городе нытиков и обладателей зонтиков «Три слона». Отчего-то

организаторы решили нас поощрить и разместили в самом сердце гайморитной столицы Родины, - на Невском проспекте. Мы жили в потрясшей мое пролетарское воображение гостинице «Коринтия», где у портье был костюм из натуральной шерсти и улыбка голливудской кинозвезды. В коридорах не спеша и горделиво проходили горничные с осанкой прим «Мариинки», а на завтрак подавали французское игристое в сверкающих бокалах. Я чувствовала себя Мадонной в европейском туре, фотографировала на память ванную комнату и от присущей мне мелочности в день отъезда подлым образом похитила тапочки из номера. Они до сих пор служат мне верой и правдой, являясь единственной уликой в моем преступлении. На завтрак я ела яйцо-пашот под голландским соусом, тосты с красной икрой и глазела на помятый после бурной питерской ночи бомонд, который тут же, рядом со мной, жевал ананасы и запихивал в себя экологически чистые фермерские йогурты в ассортименте. Вот это была жизнь! Овации петербургской интеллигенции не смогли затмить мягкость ковров в моем номере и нежность простыней на ортопедическом матрасе. Я совсем не помню тех концертов, зато ясно помню цвет плитки в душевой кабине.

А затем мы поехали дальше, в Мурманск. Где еще холоднее и злее, где мрачнее и страшнее. Хотя что может быть мрачнее Санкт-Петербурга в феврале! И там нас поселили в натуральном хлеву, в обычной гостинице, без звезд и без наклейки «Трипэдвайзера» на входной двери. По утрам горячая вода текла тонкой ржавой струйкой, и первые двадцать человек еще успевали ее засвидетельствовать. Остальным же приходилось закаляться и умирять плоть. По столовой в догонялки играли блохастые драные кошки, а по стенам носились туда-сюда не пуганные тараканы. На завтрак подавали кефир с плесневелой булкой, и я пыталась себя убедить, что всё лишь сон, где мы не спим. А не знай я роскоши постели в стандартном номере «Коринтии», возможно, смогла бы заснуть и на провальной тахте в Мурманске с торчащими пружинами, которые, как бы я не повернулась, тыкали меня под

ребра и оставляли жуткие синяки по всему телу. Не жили хорошо, нечего и начинать. Остальные гастроли прошли в пелене разочарований и тоске по «Коринтии». Оркестр впал в уныние, начались ссоры и скандалы, и даже никто не закрутил интрижку друг с другом. Каждая вечерняя пьянка у кого-то в раздолбанном прокуренном номере с пятнами на ковролине начиналась словами:

- А помните, как было в «Коринтии»...

И все мы помнили, конечно, оттого и пили больше обычного. Кошмарные были гастроли, суровые времена, больная печень. Мало того по приезду мне и дом мой показался убогим и жалким. Не квартира, а конура. Не диван, а прокрустово ложе. Не кухня, а коморка папы Карло. Пришлось запить, позвать гостей, устроить уборку. А потом как-то и отпустило. Человеческий организм он такой, умеет приспособливаться к обстоятельствам, иначе перемерли бы все давно, как малые кроличьи бандикуты.

На Охотном ряду сталкиваюсь с кучей детей, их полная климактерического возраста воспитательница бешено выкрикивает имена:

- Сабина! Ева! Платон! Анжелика! Матвей! Лука!

Я думаю: «А Аристотеля среди них нет? А Иоанна с Марком?». Дети раздражают меня, но чуть меньше взрослых. В конце концов, не их вина, что они появились на свет. Виновными они станут потом, когда вырастут и превратят свою жизнь в бесполезную рутину. Дети толкаются и прыгают вокруг меня, меня начинает тошнить, и я боюсь оконфузиться в присутствии юного поколения. С трудом перебарываю рвотный рефлекс и мечтаю поскорее оказаться в какой-нибудь темной пивнушке с бокалом прохладного сидра в руке. Сидр – надежное лекарство от похмелья. Я закрываю глаза на эскалаторе и живо представляю себе, как пузырьки играют на моем языке, как чуть газированная сладость льется ко мне в рот, как тело крепнет и дух воспрянет, как прояснится мысль и свежей станет голова. Но вот эскалатор заканчивается, и я вновь в вагоне. Рядом со мной встает женщина в фиолетовом пуховике с засаленными рукавами. Из-под беретки торчат

жесткие с проседью волосы. Стальной взгляд, поджатые губы. Если бы меня попросили описать ее двумя словами, то я бы сказала: «Агрессия и несчастье». Она будто нарочно прижимается ко мне, хотя в вагоне полно места. Зажимает меня к дверям, не дает вздохнуть, подталкивает своим замусоленным локтем, пихает дерматиновой сумкой по коленкам. Тетка вызывает меня на вагонный бой, и я должна дать ей отпор, но у меня нет сил. Поэтому меня хватает только на резкий толчок в плечо и скромное:

- Извините.

Соперница не успевает отреагировать, я отталкиваю ее и выскакиваю из вагона. Не оборачиваясь, я чувствую ее прожигающий взгляд на своей спине. Да пошла ты к черту, старая дура!

И вот я уже в зале. Скрипачи настраивают свои инструменты, и мне видится, будто я попала в круг ада, придуманный специально для меня. Звуки вгрызаются в мозг, жуют его, выплевывают и снова жуют своими мелкими хищными зубками. Голоса коллег громовым эхом разлетаются по моей черепной коробке. В глазах темнеет, и я выбегаю в туалет. Меня рвет в писсуар, и я понимаю, что ошиблась дверью. В одной из кабинок нажимают на слив, и мне становится стыдно. Я просто стою и жду того, кто выйдет. Естественно, это Игорь Алексеевич, наш бог и дирижер.

- Катерина, что с вами? Вам плохо?

- Мне уже лучше. Все нормально, - киваю я головой.

Он странно смотрит на меня, недоверчиво и неприязненно.

- Знаете, Катерина, в советское время я бы вызвал вас на товарищеский суд. Вы думаете, я не замечаю, в каком состоянии иногда вы приходите на репетиции?

- Я прихожу в состоянии аффекта, это наша музыка так влияет на меня, музыканты – люди тонкой душевной организации, Игорь Алексеевич. Уж вам-то не знать, - улыбаясь самой себе, отвечаю я ему.

- И вы еще паясничаете! Что за безобразие!

- А вы уже столько лет не можете договориться о репетициях в нормальное время, и все приходят к семи утра сюда! Вот это безобразие.

Я вытираю рот бумажной салфеткой и молча ухожу из туалета. Дирижер выбегает вслед за мной, обгоняет и влетает в зал, громко хлопнув дверью. Про себя отмечаю, что он не помыл руки. И меня вновь начинает подташнивать.

Репетиция проходит нервно. Маша не смотрит в мою сторону, а я не могу даже повернуть головой на пять градусов, боль словно молот бьет меня откуда-то сверху. Да черт с ней! Захочет – подойдет потом сама. А нет, так нет. Тоже мне, подруга дней моих суровых. Не умеешь пить – не пей! Игорь Алексеевич то и дело останавливает оркестр:

- Катерина, опять вы! Катерина, вы заставляете нас делать паузы.

Катерина, вы присутствуете или это только ваша оболочка?

Моя оболочка жаждет опохмела. Наконец, мучения заканчиваются. Я стараюсь ни на кого не смотреть, убираю ноты в рюкзак и выкатываюсь на улицу. Мне по-прежнему тошно. Нет денег, нет выпивки, нет желания жить эту жизнь.

Я звоню Веруне. Она всегда днем дома, ей всегда скучно.

- Похмелье? Ну, приезжай, подлечу тебя, - не удивляется она.

Внезапно Веруня начинает мне невероятно нравится, я почти обожаю ее. Богородица Опохмельская ты моя. Так и вижу икону с портретом Веруни, где вместо младенца Иисуса бутылочка светлого пива, прижатая к груди.

- Только у меня к тебе будет дело, - деловито заявляет она.
- Денег у меня нет, - сразу проясняю я ситуацию.
- Да причем тут деньги! – восклицает Веруня, - мне надо кошку отвезти к ветеринару. Поедешь со мной?
- После поправки здоровья, я с тобой на Юпитер полечу, я с тобой в Лабытнанги поеду, да я с тобой...
- Понятно-понятно, давай, приезжай. Жду!

Веруня дает отбой, а я несусь к троллейбусной остановке, чтобы поскорее добраться до ее дома.

Веруня живет в центре, недалеко от меня. У нее одна шестнадцатая однушки в районе станции метро Сухаревская: старый дом с четырехметровыми потолками, длинные окна, широкие подоконники, скрипучие полы, косметический ремонт, кошка и сожитель из Самары. Тот самый «мужчина». Веруня предпочитает отзываться о нем пренебрежительно, но в глубине души надеется родить от него ребеночка.

В квартире у Веруни легкий запах табака, кошачьего ссанья и страха быть вот-вот изгнанной остальными наследниками престижной недвижимости. Это нервное ожидание совладельцев отражается и в обстановке жилплощади: сплошная Икея от табурета до дивана. От тарелки до занавесок.

- Хотела бы купить Wedgwood, но какой в этом смысл? – говорит Веруня и ставит передо мной открытую бутылку пива Bud, - в любой момент меня могут отсюда турнуть, и куда я дену весь этот английский фарфор? Повезу на съемную хату в Беляево?
- Зачем вообще ты купила тарелки в Икее? Могла бы пользоваться одноразовыми. Их и мыть не надо, - отвечаю я и делаю первый, полный, большой, прекрасный глоток.

Веруня закуривает сигарету:

- Ой, вот только не надо тут острить. Я к тебе по-человечески.
- Да и я вроде не блею, - смеюсь я.

По телу разносятся живительные градусы, и каждая клетка предвкушает порцию любимого допинга. Веруня залезает на подоконник и курит в открытую форточку. Она качает головой, глядя на меня:

- Послушай, у тебя правда все нормально?
- Вроде да, а что?
- Да ты посмотри, у тебя уже руки трясутся, как у алкаша возле продуктового в восемь утра. Совсем ты спилась, - замечает она.

- И что в этом не нормального? Для нашего времени – это как раз нормальное состояние, - пожимаю я плечами.
- Вылетишь на хер с работы, друзей потеряешь, парень бросит, и что тогда?
- Друзей у меня особо и так нет. Парень то есть, то нет, и он тоже алкоголик. А с работы можно в любой момент вылететь. Можно и умереть в любой момент, - разглагольствую я.

Пиво уже действует на меня, и я откидываюсь на твердую спинку деревянного шведского стула. Единственный важный вопрос, который по-настоящему тревожит меня, это – «есть ли у Веруни вторая бутылочка Бада?». Кошка трется о мои ноги, и я аккуратно пытаюсь пнуть ее под столом, чтобы она прекратила свои навязчивые попытки завладеть моим вниманием.

Веруня выкидывает окурок в окно и садится на подоконник, она внимательно разглядывает меня, с эдакой материнской тревогой:

- Где это ты понабралась такой философии? У своего алкоголика что ли?
- Уже не помню, может быть, в книжке прочитала. Не тебе, Верунь, меня судить за алкоголизм. Сама-то прирастилась к бутылке, пока дома сидишь, - огрызаюсь я.
- Но я не начинаю свой день с пива! Ты пойми, я за тебя волнуюсь. Вот скажи, ты помнишь день, когда ты не была пьяна? Я помню, когда мы вместе работали, ты по будням вообще не бухала, а сейчас посмотри на себя! – читает мораль мне Веруня.
- Ребенка тебе надо родить, чтобы было кого воспитывать, - равнодушно бью по больному я.
- Не твое собачье дело, - злится она.
- Аналогично, - говорю я.

Пару минут мы сидим в тишине и мысленно материм друг друга. Я знаю, что она никогда не начнет разговор первой. Принципы, скверный характер,

самоуверенность... А мне уж больно хочется открыть вторую бутылку, поэтому я примирительно произношу:

- Знаешь, как говорил Буковски? «За свою взрослую жизнь я был трезв пять дней подряд, это были самые напрасные дни в моей жизни». Или бесцельно потраченные. Ну как-то так, в общем, ты меня поняла.

Веруня хмыкает:

- Тоже мне! Буковски! Вечно ты любишь цитировать всяких тунеядцев.
- Писатель – это не тунеядец, это творец! Так и про музыкантов можно сказать, что они тунеядцы, - миролюбиво спорю я.

Веруня уже оттаяла, она убирает пустую бутылку со стола и выкидывает ее в мусорное ведро под мойкой:

- Вторую будешь? Да и зачем я спрашиваю?
- Действительно, - счастливо улыбаюсь я.

Вид стоит передо мной, и я знаю, что буду пить его медленно, намного медленней, чем первую бутылку.

- Есть-то хочешь? – интересуется Веруня, - вон худющая какая, почти прозрачная. Одни глазищи и подбородок заострился. Исчезаешь на глазах.
- Ну, давай, - соглашаюсь я.

Она достает из холодильника остатки вчерашнего ужина, суетится, разогревает. А я просто смотрю в окно, смотрю на стену дома напротив, и почти ни о чем не думаю. Прекрасное это состояние – пустота в голове. Руки мои уже не трясутся, настроение улучшается, и я почти искренне интересуюсь:

- А что там с кошкой-то?
- Ой, да там кошмар какой-то, - всплескивает руками Веруня, - мой мужчина любит чесать ей пузо, и вот вчера обнаружил воспаленный сосок. Мы, конечно, сразу кинулись в интернет, прочитали всякого дерьма, сами уже ей поставили диагноз. Я успела и заплакать, и успокоиться, и снова зареветь.

- У тебя пмс что ли? – спрашиваю я, отправляя в рот кусок вчерашней курицы под сливочным соусом.

Веруня смотрит на меня с нескрываемым ужасом:

- Как можно быть такой жестокой? Ну, Катя, ты же из нормальной семьи, консерваторию закончила, музыкант!
- Ты так говоришь, словно консерваторию заканчивают сплошь рафинированные особы.
- Ну я, например, не могу спокойно смотреть на страдания животных, - с возмущением отвечает Веруня.
- В детстве я посмотрела мультфильм «Черная курица», и после этого мое сердце окончательно огрубело, теперь меня вряд ли что-то тронет, - пожимаю я плечами.
- Ох, опять все твои шуточки! Не смешно!
- А между тем, это правда, я и не шутила, - отвечаю я.

Веруня берет на руки свою кошку и что-то шепчет ей на ушко. Кошка отворачивает морду и замороженно наблюдает, как я поглощаю кусок за куском курятину.

- У меня тоже в детстве были домашние животные, - вдруг ударяюсь я в воспоминания под воздействием выпитого пива, - с кошкой отношения как-то не сложились, она больше любила мать, а меня только кусала и царапала. Но это не значит, что я уж совсем не люблю кошек. Вот твоя, допустим, очень даже миленькая, нормальная такая кошка.
- Ну спасибо за комплимент, - фыркает Веруня.
- А еще был пес, прожил со мной пятнадцать лет. Что это был за пес! Лучше всех людей вместе взятых. Умный, ласковый, деликатный. С таким хоть к английской королеве на прием, не стыдно будет. Команды знал, в прятки играл. А когда стал старым, у него начали подволакиваться задние лапы, ну и еще немного писал под себя, когда спал. Одним утром мамаша взяла и без моего ведома отвела пса на живодерню. Я вернулась вечером с занятий, а его нет. Спрашиваю, а

где Лорд? А мать говорит: «А его на мыло пустили. Сам дошел, своими лапами». Вот такие дела. А курица очень вкусная, спасибо.

Веруня еще крепче прижимает к себе свою кошку:

- Какая отвратительная история! Я бы после этого перестала вообще общаться с матерью.
- Да мы и до этого не особо хорошо общались, - заверяю я ее.

Кошка вырывается из рук Веруни и больно царапает ее ладонь. Я вижу, как на руке подружки появляется алая линия. Веруня кричит:

- Твою мать! Вот дрянь!
- Визит к ветеринару отменяется? – интересуюсь я.
- Нет, конечно, - зло отвечает Веруня, - но эта дрянь у меня потом еще получит, когда выздоровеет.

Пока я доедаю курятину, Веруня ловит свою кошку и со скандалом запикивает ее в переноску. С тоской я мечтаю о третьем пиве, но смиряюсь с мыслью, что его нет. Пиво закончилось, еда съедена, и наступает суровый час расплаты – Веруня вызывает такси.

- Я тебе буду очень благодарна, если ты пройдешь все это со мной, - страстно говорит она и сжимает мою ладонь.
- Никаких проблем, Верочка, - отвечаю я, - уговор дороже денег.
- Ох, ну откуда в тебе эта блатная риторика? – вздыхает Веруня и тут же читает сообщение от службы такси, - за нами приедет Магомед Рафамудзинов. Ну, надеюсь будем живы!
- Ни разу еще в Москве не было таксистов-террористов, - замечаю я, - они все больше по общественному транспорту специализируются.
- Успокоила, - с сарказмом отвечает Веруня.

Мы одеваемся и ждем сообщения от водителя. Мне, конечно, лень тащиться куда-либо. С большим удовольствием сейчас я бы оказалась у себя дома, включила бы какой-нибудь детективный сериал на ноутбуке и залипла бы в него с бутылочкой красного вина. Но я не какая-нибудь мерзавка! Слово есть слово. И хотя часть меня хочет под любым предлогом смотаться от Веруни

куда подальше, я все же, в конце концов, сажусь, рискуя жизнью и здоровьем, в такси к Магомеду Рафамудзинову. Веруня называет адрес клиники, и мы едем черепашьям шагом по пробкам и светофорам Москвы.

У Магомеда играет «Дорожное радио» или что-то в этом духе с хитами вроде «Привет куку» и тому подобными песнями, от которых каждую секунду понижается наш уровень интеллекта на один пункт. Веруня шепчет что-то своей кошке, а та отвечает ей раз в минуту:

- Мааау, - говорит кошка.

Мы выезжаем на Садовое.

- Мааау, - говорит кошка.

Мы проезжаем полкилометра по Садовому.

- Мааау, - отмечает кошка.

Я говорю:

- Верунь, а она всегда так в дороге?

- А что такого? Она просто любит общаться, - огрызается Веруня.

- Мааау, - отвечает кошка.

Через три секунды она (кошка, а не Веруня) писается, и Магомед, учуяв запах греха, высаживает нас в районе Курской. Он кричит что-то, но не берет с нас денег, Веруня отвечает ему неприличным жестом. Магомед уезжает. А мы стоим на тротуаре, как сироты, требующие подаяния.

- Вот козел, - замечает Веруня.

- Мааау, - соглашается с ней кошка.

- Я с вами тоже согласна, - поддакиваю я, - но все-таки надо доехать до места назначения. Кошечку-то жалко.

Я пытаюсь быть человеческой, пытаюсь быть социальной, пытаюсь ни чем не отличаться от большинства людей, у которых есть кот или кошка, и я всеми силами подстраиваюсь под их реальность. Веруня оценивает по заслугам мои старания. И вот мы мчимся уже в новом такси в другую сторону Садового кольца. Выходим около станции метро Менделеевская, и Веруня ведет меня за собой в ветеринарную клинику.

В клинике пахнет хлоркой, лекарствами, псиной и тревогой. Мы садимся на лавочку и ждем своей очереди. Рядом пожилая женщина потертого вида разговаривает со своей таксой:

- Кто мой хороший мальчик? Кто сейчас пойдет к доктору и будет себя там хорошо вести? Скоро все закончится, хороший мой. Скоро домой поедем.

У таксы седые усы и брови. Хозяйка треплет своего питомца за ухом:

- Акакий, ну потерпи немного.

Акакий тяжело вздыхает и осматривает приемный покой. Он замечает кошку Веруни, но смотрит на нее равнодушно и утыкается мордой в плечо хозяйки. Акакий уже смирился со своим положением и спокойно ждет, когда, наконец, наступит его очередь идти к ветеринару. Напротив нас сидит женщина в алой беретке с борзой на поводке:

- Катюша, ну хватит дергаться, сиди спокойно, - приговаривает она.

Моя тетка никак не может устроиться на холодном кафельном полу клиники. Она грустно смотрит на меня и переводит взгляд на Акакия. Я интересуюсь у Веруни:

- А что это за мода называть собак человеческими именами?
- Не знаю, - пожимает плечами Веруня, - я не люблю собак. У меня всегда были только кошки.
- Кстати, а твою-то как зовут? – спрашиваю я.
- Фуфа, - отвечает Веруня.
- Серьезно? Фуфа? – смеюсь я.

Кошка смотрит на меня с презрением, ее глаза холодны. Я примирительно глажу ее по голове, но Фуфа пытается уклониться. Она не принимает мои извинения. Веруня нервничает:

- Терпеть не могу больницы. Терпеть не могу врачей! Мне кажется, что у Фуфы рак.
- Ну, это еще не точно, - пытаюсь я успокоить ее.
- А что это может быть по-твоему? – заводится Веруня.

В ответ я хочу послать ее далеко и надолго, но полученное высшее образование не позволяет мне поступить по зову сердца, и я добродушно отвечаю:

- Я не доктор, Веруня, я не знаю.
- Вот и молчи, - хамит в ответ она.

Я замолкаю. Мне хочется достать телефон и проверить What'sApp. Кирилл весь день ничего мне не пишет, и я злюсь и волнуюсь одновременно. Вдруг с ним что-нибудь случилось? Вдруг его сбила машина? Ну, может, это и к лучшему.

Мы сидим в очереди сто сорок три года и девять дней, пока, наконец, толстая медсестра с черными усиками над ярко покрашенными оранжевыми губами произносит:

- Фуфа, третий кабинет.

Веруня подскакивает с места, ее немного колотит. Она бережно прижимает к себе кошку и неуверенным шагом проходит к ветеринару. Я тут же лезу в карман за телефоном. В What'sApp есть несколько сообщений, пара из них от Кирилла. Дурацкие смайлы. Я злюсь и уже набираю ему: «Пошел ты на х**», но стираю эти слова. Мне нужно расстаться с ним. Но как это сделать? Я не люблю сцен, не люблю ссоры, и я слишком труслива для откровенных разговоров. Мне проще, когда люди сами отказываются от отношений со мной. Мне проще быть дерьмом, чем честно сказать, что я больше не хочу мучиться, не хочу страдать и хочу вновь уважать себя. Мне проще, когда бросают меня. Вместо честного «иди на хер», я пишу: «Что делаешь?».

- Что-то, - отвечает он.
- Ну ты и козел, - думаю я.

И отправляю смеющийся смайл. Боже, я прогнила в своем лицемерии. Я достойный продукт современного общества. Внезапно дверь третьего кабинета распаивается, из него вылетает заплаканная Веруня и кидается ко мне в объятия.

- Что случилось? Ты усыпила Фуфу? – спрашиваю я.

Веруня отпихивает меня:

- Ты совсем уже? Ты совсем уже? - повторяет она несколько раз.
- А что стряслось-то? Где кошка? – я краем глаза подсматриваю в телефон.

Кирилл что-то печатает, но делает это слишком долго, и я закрываю мессенджер. Черт с ним, посмотрю потом. Веруня смахивает слезы с густо накрашенных ресниц:

- У нее опухоль. Пришлось оставить на обследование, возможно, это рак, как я и думала.
- Все будет нормально, - малодушно пытаюсь я успокоить Веруню.
- Да что нормально-то?

Я не знаю, что еще ответить, и мы некоторое время сидим молча. Наконец, Веруня достает из сумочки зеркальце и смотрит на себя. Я ловлю ее настроение и предлагаю:

- Кажется, нам надо выпить.
- У тебя мысли только о выпивке, - вздыхает она.
- Возможно, но, согласись, сейчас это просто необходимо, - отвечаю я.

Веруня пожимает плечами. Она достает свой телефон и что-то пишет своему мужчине, потом проверяет сообщения и хмыкает:

- Все-таки мы сегодня напьемся.
- Да? Вот здорово! – слишком бурно реагирую я на ее слова.

Веруня неодобрительно смотрит на меня, затем говорит:

- Да, меня только что позвали на тусовку к одному престарелому рокеру, я раньше тусовалась вместе с его музыкантами.
- В восьмидесятые? – уточняю я.
- Ну ты и жопа, Катька, - смеется Веруня.

Я развожу руками в стороны, а самой уже не терпится узнать подробности, и самое главное – адрес, где сегодня наливают. Веруня продолжает:

- В общем, у него там какой-то сабантуй, и меня пригласили. Одной ехать не хочется, там знаешь, все эти мужики предпростатитного

возраста и их помятые жизнью дамы или молоденькие любовницы с кудрями на пергидрольных волосенках прямым с Павелецкого вокзала. Короче, тоска, но алкоголь дорогой. И наливают щедро.

Я подсакиваю с места:

- То, что тебе нужно! А я, так уж и быть, составлю тебе компанию.

Веруня смеется. Ей вовсе не весело, но она пытается изо всех сил не думать о Фуфе.

- Ладно, поехали бухать, - произносит она магическое заклинание, и мне тут же становится невероятно хорошо.

Мы вызываем Убер, и вот уже едем в сторону Замоскворечья. Я немного волнуюсь, - не люблю собрания незнакомцев, и только присутствие Веруни немного поддерживает во мне уверенность. Я пытаюсь отвлечь подругу от мрачных мыслей о хрупком будущем Фуфы:

- А что это за рокер-то? Мы к кому едем?
- Топор. Слышала про такого? У него когда-то была группа «Тревожная кнопка».
- Конечно. Боже мой! У меня даже кассета их была. Не могу сказать, что я была их поклонницей, но чего в детстве только не слушаешь, - отвечаю я.
- Да ты и «Агату Кристи» слушала, - хмыкает Веруня.
- Я и сейчас ее слушаю, не трогай «Агату», - говорю я, - и как это ты, виолончелистка, затусила с рокерами?

Веруня дергает подбородком:

- Это давно было. Встречалась с одним, он был в их группе звуком. Таскалась на все их концерты. Терпеть не могу русский рок с тех пор.
- Надеюсь, там не будет что-то вроде квартирника? – с тревогой уточняю я, - не выношу посиделки с гитарами.
- Не волнуйся, они там все настолько спились, что кроме стакана ничего в руках уже давно не держали, - заверяет меня Веруня, - «Тревожная кнопка» распалась лет десять назад.

- Тогда в честь чего вечеринка?
- Да это же просто пьянка. Если тебе нужен повод, то вот он – сегодня среда! Нормальный повод? – издевается Веруня.
- А что? Вполне нормальный, - пожимаю я плечами.

«Тревожная кнопка» была когда-то довольно известной группой, но на афишах рок-фестивалей ее никогда не писали заглавными буквами. Это одна из многих рок-групп с невнятными текстами и песнями, похожими одна на другую. Впрочем, у них, как водится, были три хита на десять альбомов, и эти хиты помнят все, кому слегка за сорок. Я не испытываю эйфорического ужаса перед встречей с Топором, в миру Александром Топоровым. К знаменитостям я отношусь сдержанно и придерживаюсь распространенного мнения, что если жопу показывать несколько часов в сутки по телевидению, то эту жопу начнут узнавать, у нее появятся поклонники и ненавистники, свой твиттер, инстаграм и паблик Вконтакте. В наше время быть знаменитостью – не такой уж замысловатый труд. Даже коту с дефектом челюсти это удалось.

Мы выходим на Пятницкой улице, и Веруня ведет меня в подворотню. Через маленький дворик мы проходим к подъездной двери, и Веруня звонит кому-то. Я говорю:

- Надеюсь, ты притащила меня не на оргию?
- Даже не мечтай об этом. Там уже у всех не стоит с горбачевских времен, - отвечает Веруня.

Через пару минут нам открывает дверь какой-то мужик в обтягивающих кожаных штанах. Он непозволительно толстый для подобного одеяния, и его пивное пузо нависает спелым арбузом над широким ремнем с огромной металлической пряжкой. Мужик приветливо улыбается и кивает:

- Верочка, мое почтение.
- Я с подругой, - кивает на меня Веруня.
- Вижу-вижу! Подругам мы всегда рады, - продолжает улыбаться мужик и проводит нас в помещение.

Мы поднимаемся за ним на второй этаж, в большую квартиру, предназначенную, видимо, специально для вечеринок и тусовок. На полу прихожей валяются ботинки, туфли и сапоги, как на благотворительном базаре Красного креста. Я нерешительно мнусь, свою обувь мне снимать совсем не хочется. Веруня замечает мое стеснение и говорит:

- Совсем ополоумели! Не хватало еще грибок тут подцепить. Даже не вздумай разуваться.

Я выдыхаю с облегчением. Мужик не спорит с нашим решением идти против большинства, и пропускает в комнату. Там уже полно людей: постаревшие герои прошлых лет, чьи лица мне смутно знакомы, но я не помню их имен и былых заслуг. Располневшие, сморщенные, облысевшие рокеры в нелепых нарядах, вроде пресловутых кожаных штанов и ботинок на платформе. Обилие черных футболок с потрескавшимися принтами. То и дело до меня доносится чей-то хриплый смех и отборный мат.

- Надо найти того, кто наливает, - деловито говорит Веруня и бросает меня посредине этой ужасной толпы.

Какая-то девица с рязанским лицом и в платье из акрила случайно толкает меня локтем и проходит мимо, даже не обернувшись в мою сторону. Я проклиная ее нос-картофелину и покатый лоб. Из колонок грохочет какое-то техно, но я с тревогой замечаю гитару в углу комнаты. Надо успеть напиться и уехать отсюда до того, как начнется концерт по заявкам.

Я брожу из комнаты в комнату, и вдруг вижу самого Топора. Ему под шестьдесят, но выглядит он старше. Его лицо будто бы вылепленное из красной глины блестит от пота и выпитого алкоголя. Топор одет как многие другие на этой вечеринке: черная футболка, кожаная жилетка с бахромой, черные джинсы. В ухе болтается серьга. Поредевшие волосы зализаны назад в отчаянной попытке скрыть лысину. Надо отметить, попытка эта оказалась неудачной. Топор разговаривает с другими мужиками. Они, прошедшие огонь, воду, медные трубы и пересадку печени, разглагольствуют о ценах на гитары, об отпуске в Испании, о новогодних корпоративах. Я с трудом узнаю

голос Топора, - хриплый, изломанный сигаретами и холодным пивом, этот голос похож на шуршание бумажного пакета из супермаркета. Словно в ответ на мои невеселые мысли, я слышу, как старый рокер говорит кому-то:

- Вот зовут меня на корпоративы, а что я? А я, б****, голос свой пропил. Я его, б****, прокурил! Что я могу? Жопу свою показать что ли?

Свора подлиз смеется над несмешной шуткой Топора. Все эти мужики с пузами и серебряными перстнями на мизинцах – музыканты-неудачники, прихлебатели около угасающей звезды русского рока, пришедшие на вечеринку в надежде найти подработку, ну или хотя бы выпить на халяву.

- На вот, - Веруня находит меня и дает мне в руку стакан виски.
- Ну и компашка, - говорю я.
- Да, прямо-таки звездопад. Я только что видела басиста «Тревожной кнопки», а вот и сам Топор, - рассказывает мне Веруня и делает большой глоток из своего стакана.

Я следую ее примеру.

- Ты лучше не говори, что имеешь отношение к музыке, - советует мне она, - а то эти лысые плейбои начнут тут же доставать тебя насчет работы. По ним дворцы культуры плачут, всякие кружки для юных гитаристов, но нет! Эти всё хотят денег и собрать «Олимпийский».

Виски приятно греет горло и грудь. Горькое сожаление о моем присутствии здесь постепенно стирается из головы. Я слушаю разговоры вокруг – о былых концертах, полетах бизнес-классом, дорогих отелях, безумных озабоченных фанатках, и понимаю, что присутствую на поминках прошлого. Как принято в приличном обществе, о покойнике говорят лишь хорошее. Глаза Топора смотрят куда-то сквозь публику, и я могу поспорить, что вижу в них застывшие слезинки. Он рассказывает о туре по югу России, кажется, случившемся еще в середине восьмидесятых. Какие-то раскрашенные девки, родители которых еще были подростками в то время, с притворным интересом слушают закатившуюся звезду русского рока. Им, конечно, по хрену и на него, и на его воспоминания. Все они в тайне мечтают передать

ему свой диск с надрывными песнями сомнительного качества и содержания, а если совсем повезет, то и хламидии. Меня начинает подташнивать. Я сажусь в угол комнаты на освободившееся продавленное кресло и мрачно тяну свой виски. Лучше бы осталась дома. От нечего делать лезу в телефон и читаю там новое сообщение от Кирилла: «Ну, что? Подаришь мне свою анальную девственность?». Отправляю ему в ответ: «Ты напился?». Он сидит онлайн и тут же пишет: «В будние дни стараюсь не пить, да и тебе пора завязывать с выпивкой. Женский алкоголизм не излечим». Думаю про себя: «Вот ублюдок!». Я оставляю последнее сообщение без ответа. Сердце мое сжимает тоска. На кого я трачу свое время? Что я делаю здесь, среди этих рок-зомби? Они все давно мертвы. Ко мне подходит тип лет пятидесяти, в кожаной куртке с шипами. У него толстое недоброе лицо и редкие пожелтевшие зубы. Он открывает свой мерзкий жабий рот, чтобы о чем-то меня спросить, но я резко срываюсь с места и широким жестом уступаю ему свое место:

- Присаживайтесь, присаживайтесь.

Тип оскорбляется, но не хочет привлекать внимания публики, и садится в кресло, с ненавистью поглядывая на меня. В соседней комнате кто-то начал насиловать гитару. Я не могу разобрать слов и думаю: «Как же хочется плакать от боли или забыться во сне, да что угодно, лишь бы съ***** отсюда».

Проходящий мимо зомби протягивает мне еще один стакан виски, и я выпиваю его намного быстрее предыдущего. В комнату с гитарой мне страшно заходить, и я остаюсь в той, где ораторствует Топор. Стою, прислонившись к стене с поблекшими обоями, и ненавижу все вокруг происходящее. Неожиданно передо мной возникает Веруня:

- Что делаешь?

- Пытаюсь впасть в алкогольную кому, - отвечаю я.

- О, боюсь, тут нет столько выпивки, - сокрушенно разводит руками Веруня, - зато я вызвонила тебе компанию, чтобы ты отвлеклась от своего придурка-алкоголика.

Я настороженно смотрю на нее:

- Это еще кого?
- А помнишь позавчера мы бухали в «Пропке» с хипстерами? – восторженно вспоминает Веруня.

Я становлюсь еще мрачнее, мне не нравится ее энтузиазм:

- Допустим, помню.
- А помнишь там был этот, Ваня? Бородатый, здоровый! – Веруня делает широкие жесты руками в разные стороны.
- Влюбилась что ли в него? И когда вы успели обменяться телефонами! – удивляюсь я.
- Стара я уже для влюбленностей, - парирует она, - успели вот, я уже и на фейсбуке его нашла. Вроде нормальный мужик.
- Такой же алкоголик, как и все остальные, - недовольно бурчу я.

Веруня качает головой, с неодобрением оглядывая меня:

- Катя, тебе не угодишь! Дай ему шанс.
- А мне-то что? Ты его вызвонила, ты с ним и разбирайся, - неожиданно злюсь я.
- Я тебе его вызвонила, у меня мой мужчина есть, - бросает она и резко уходит от меня в толпу зомби-рокеров.

Я допиваю пятую порцию виски, стою и разглядываю потрескавшуюся лепнину на потолке. Мимо меня, спотыкаясь, проходит смутно знакомое лицо. Где-то я его уже видела до всей этой квартиры, возможно, даже по телевизору. Вдруг меня озаряет: да это же Лаврин! Георгий или Григорий Лаврин. Раньше писал песни для рок-групп, наверное, что-то сочинял и для Топора, а теперь пишет книги. Такие книги, в которых обязательно сигаретный дым вьется над оранжевым абажуром, мягко падает снег за окном, на кухне в раковине мокнет посуда, а еще неожиданно на пятьдесят

какой-то странице читателю в лицо начинают тыкаться женские соски, непременно коричневые и большие. Я когда-то читала его книгу, пыталась быть современной, но, увы, не срослось. Я смотрю вслед живому классику, - кто его знает, это сейчас он нищий пьяница, а может потомки сочтут его занудные книги образцом русской литературы начала XXI века. Потомки они ведь такие, от них чего угодно можно ожидать. Может, даже вручат премию, посмертно, «за создание тонкого образа женских коричневых сосков в крупной прозе». Георгий-Григорий под тяжестью моего задумчивого взгляда спотыкается в коридоре, кто-то недовольно шумит. Я слышу ленивую ругань. Надеюсь на скандалец, но тут все слишком стары, чтобы устраивать мордобой.

- Ха! Не ожидала? – слышу голос над ухом и вздрагиваю.

Оборачиваюсь медленно и смотрю на Ваню. На нем черная рубашка, она плохо выглажена и заправлена в джинсы. Эта помятость, однако, ему идет и не вызывает у меня брезгливости. Наоборот, хочется поскорее снять с него эту рубашку и прижаться сиськами к его голому торсу. Да что со мной такое? Алкоголь? Или правы сексологи, утверждая, что женщинам за тридцать сносит голову от гормонов, и они хотят трахаться по несколько раз за день? Ваня добродушно улыбается и тянет мне свою ладонь. Мы жмем друг другу руки, будто находимся на официальном приеме в Кремле.

- Это твоя подруга меня пригласила, - оправдывается Ваня.

- Она пригласила, ее и ищи, - отшиваю его я просто для того, чтобы начать игру. Я хочу с ним переспать, но хочу чтобы нам обоим было интересно.

Думаю ли я в этот момент о Кирилле? Вспоминаю ли его? О, еще как. Вспоминаю его слова о том, что мне нужно вставить силикон в сиськи, ведь они у меня маленькие (обхват груди 90 сантиментов, между прочим, еще недавно это был золотой стандарт, а теперь опять все тащатся от молочных доек). Вспоминаю, как он находит целлюлит у меня на бедрах там, где на самом деле его нет. Я слишком тощая для жировых отложений. Вспоминаю

всех баб, которых он по его словам хотел бы вы*****. Вспоминаю, как он нехотя целует мою грудь после трех или четырех просьб, а потом указывает пальцем на свой член и говорит: «Соси теперь». Я перебираю эти мерзкие воспоминания в своей голове, не чтобы оправдать свои дальнейшие действия, и не потому, что пьяна, и не потому, что меня мучает совесть. Я вспоминаю все это, чтобы набраться смелости переспать с Ваней.

Он еще сам не знает, что его ждет сегодня ночью, но я уже все решила за нас двоих.

- А я боюсь тут ходить один среди незнакомых дядей и тетей, - шутит Ваня, и его глаза улыбаются.

Они у него карие, но не темные, а светло-коричневые, добрые, смешливые. Мне нравится в них смотреть. Я немного улыбаюсь в ответ, только уголками губ и отвечаю:

- Ну, пойдем, составлю тебе компанию. Может, тебя еще за ручку повести?
- Было бы здорово, - тут же подхватывает он, и сам берет меня за руку.

Мы решаемся на опасный шаг и входим в комнату, где бренчит гитара. Исполняют что-то из «Крематория», и я мгновенно вспоминаю концерт этой группы, на котором была, когда мне было лет шестнадцать. Прокуренный зал, потные подростки, прыгают, болтают. Я знакомлюсь с каким-то волосатиком, и зачем-то говорю ему, что сижу на героине, задираю рукав кофты и демонстрирую свежую прививку Манту, которую мне сделали утром в училище. Глаза у волосатика лезут на лоб, и он испаряется в толпе за считанные секунды. А мне становится весело.

Веруни в комнате нет. Ваня идет вслед за мной, он много говорит:

- Ого, да тут настоящий квартирник. Я прямо как будто попал в восьмидесятые. Как будто сейчас тут Цой будет играть. Ничего себе, не знал, что до сих пор такое практикуется. Мы-то обычно собираемся в клубе, да под техно танцуем. Честно говоря, я даже на гитаре не умею играть. Когда-то пытался, но быстро забросил. У меня не хватает

терпения на все эти музыкальные инструменты. Это плохо, да? Ведь ты, насколько я помню, на чем-то играешь? У тебя здесь много друзей? Я, наконец, довожу его до столика с бутылками виски, обновляю свой стакан и наливаю ему порцию, грамм сто пятьдесят, не меньше:

- Ты много болтаешь, вот, выпей.
- Щедро! – замечает Ваня, - ну выпить никогда не повредит.

Он делает глоток. Полчаса мы просто бродим по комнатам, рассматривая людей. Странные дамы предпенсионного возраста в экзотических боа и шляпах. Некоторые из них в чулках, и я замечаю их небритые икры с вспученными венами. Ваня словно вторит моим мыслям:

- Бывшие хиппушки что ли?

Мы, не стесняясь, обсуждаем людей, высмеиваем их внешний вид и повадки. Я пью уже седьмую порцию, и мне невероятно хорошо. Моя рука по-прежнему в его ладони:

- А этот, ты видела? Видела эти его ботинки на высокой платформе? Он, что, кибергот? Эти люди вообще в курсе, что сейчас 2016 год на дворе? Или тут портал в прошлое? – Ваня старается изо всех сил.

Но у меня уже иной настрой. Я достаточно посмеялась и выпила. И если я хочу сегодня трахнуть Ваню, то пора остановиться с алкоголем и начать действовать. Мы оказываемся в тесном коридоре, нам навстречу прут какие-то бабы с толстенными жопами, и чтобы их пропустить, я слишком близко прислоняюсь к Ване. Прислоняюсь и легонько трусь о его ширинку. Его глаза удивленно смотрят на меня, и я делаю вид, что не замечаю этот ошарашенный взгляд. Пусть гадают сам – случайность это, или мой шаг навстречу. Бабы протискиваются в комнату, но я не спешу отстраняться от Вани. Наконец, до него доходит. Он хватает мой затылок свободной рукой и притягивает мой рот к своим губам. Мы пьяно целуемся, долго и сразу же с языками. Я все еще прижимаюсь к нему и чувствую напряжение в его паху.

- Ты когда-нибудь трахался в туалете? – хриплым шепотом быстро спрашиваю я.

- Может, лучше поедем ко мне? – слегка заплетающимся языком предлагает он.

Наши дыхания сбиты, мы никак не можем прийти в себя. Выпитый виски усиливает желание, распаляет нашу похоть, преувеличивает нашу привлекательность.

- А у тебя дома есть чем догнаться? – интересуюсь я.
- Найду, - заверяет меня Ваня.

Я улыбаюсь, он улыбается в ответ. Одним глотком я допиваю остатки виски, хватаю Ваню за руку и тащу в уборную:

- Тогда поедем, но сперва я отсосу тебе в туалете.

Это была давняя фантазия Кирилла, - чтобы я сделала ему минет в туалете какого-нибудь бара или паба, куда мы обычно ходим. Но я ни за что бы не стала этого делать для него. А с Ваней мне хочется нестерпимо. Возможно, потому, что он сопротивляется и пытается убедить меня не делать этого.

- Да что ты творишь, как-то неудобно. Здесь ходят люди! Да блин, я живу тут недалеко, вызовем Убер, через десять минут будем у меня.

Он мелет и мелет, а сам заходит уже в туалет. Комната большая и просторная, на удивление в ней не пахнет человеческими испражнения, и Ваня, наконец, расслабляется и покоряется мне. Он помогает расстегнуть ширинку и сам достает свой член. Я тут же опускаюсь на колени и беру его в рот.

- Черт, - шепчет Ваня, - я сейчас быстро кончу, давно не было такого просто.

В ответ я продолжаю все быстрее и быстрее сосать. Через пару минут он шепчет снова:

- Кончаю.

И кончает мне в рот. Сперма на вкус солоноватая и густая. Я легко проглатываю ее. Ваня помогает мне подняться, он шокирован и немного испуган. Ждет моей реакции, но я отворачиваюсь от него и прополаскиваю рот.

- Наверное, не стоило тебе этого делать... - мямлит Ваня.
- Почему? Тебе разве не понравилось? – я смотрю на него в зеркало.
- Понравилось, конечно. Я о тебе просто подумал. Странно как-то это всё, - пожимает он плечами и застегивает ширинку.
- Нормально всё, - отвечаю я, - ну, что, едем к тебе?

Хотя мне совершенно безразлично, захочет ли он после оргазма привести меня домой. Может быть, он уже получил все, на что рассчитывал и даже больше. Может быть, я ему больше не интересна. Да и мне, собственно, на это наплевать. На душе у меня стало значительно легче, и я почти забыла о Кирилле. Пусть и дальше шлет свои смайлы, пусть и дальше лечит дома насморк, сраный маменькин сынок. Анальную девственность ему? Ха-ха. Теперь мне просто хочется продолжать пить, и я даже надеюсь на отрицательный ответ Вани, но он удивляет меня:

- Конечно, поехали. Пора выбираться из этой коммуналки восьмидесятых.

Пока он вызывает Убер, я пытаюсь найти Веруню, но ее так нигде и нет. Уезжать без предупреждения кажется мне некрасивым жестом по отношению к моей похмельной покровительнице, и я открываю What'sApp. Приходят 53 новых сообщения. Все они от одного абонента – Кирилла. Среди кучи разнообразных смайлов, я разглядываю и текст: «Ты совсем не понимаешь шуток», «Ты обиделась?», «Я же просто шутил», «Давай встретимся завтра?», «Девочка моя, я скучаю». Последнее сообщение вызывает во мне волну невероятного садистского наслаждения, и я набираю в ответ: «Да, я твоя. И я скучаю. Насчет завтра посмотрим». Затем пишу Веруне, что уезжаю с Ваней. Отключаю интернет и думаю: «Какая же я подлая сука, я буду гореть в аду». И мысленно себе улыбаюсь.

Пока мы едем в такси до Баррикадной, где живет Ваня, я ласкаю его член через джинсы и чувствую, как тот вновь начинает вставать. Одна часть меня прекрасно осознает, что все, что я делаю в последнее время – преступно, низко, жалко, что так жить нельзя. Внутренний голос твердит мне:

«Остановись, брось пить по будним дням хотя бы, избавься от лишних людей в твоей жизни, больше времени уделяй музыке, соберись в конце-то концов». И я мысленно киваю ему, как он прав, этот вечно мудрый внутренний голос! Киваю, соглашаюсь, но все равно поступаю по-своему: неправильно, низко, подло, так, как нельзя.

Такси останавливается около сталинской высотки, и я говорю:

- Надо же, я сама живу рядом с такой же.
- Наверное, это знак, - хриплым от возбуждения голосом отвечает Ваня.

Мы прощаемся с молчаливым водителем и выходим на улицу. Уже стемнело.

Я успела протрезветь и поэтому интересуюсь у своего спутника:

- У тебя дома точно есть выпить? Может, зайдём в магазин, пока открыто?
- Точно есть, - уверенно говорит Ваня.

Он шагает в сторону Зоопарка, и я иду за ним. Через пару шагов, он сворачивает во двор стареньких пятиэтажек 30-х годов прошлого века. Домики серые, изношенные, но с шармом. С завистью смотрю на внешнюю шахту лифта. Ваня открывает подъездную дверь, и я прохожу следом. Внезапно я чувствую, что он нервничает, меняется его походка, движения рук становятся дерганными. Будто воришка забрался в чужой сарай воровать кур. Ваня оборачивается ко мне и говорит шепотом:

- Я живу на первом этаже.
- А чего шепотом-то? – спрашиваю я своим обычным голосом.

Он молчит и возится с дверным замком, потом пропускает меня вперед, тихонько захлопывает дверь и отвечает еще тише:

- Родители спят уже наверное.
- Родители? – у меня лезут на лоб глаза, и я хочу тут же покинуть их коммунальную жилплощадь.

Но Ваня кладет мне руки на плечи и пытается меня уговорить остаться:

- Да ты не волнуйся, у нас трешка, они в одной стороне квартиры, мы будем в другой. Никто ничего не услышит. Разувайся, ну чего ты.

Я смотрю на него с презрением. Еще один маменькин сынок! Еще один единственный ребенок мужского пола у родителей, воспитанный усердной женщиной-матерью, пока папаня читывал прессу на диване и тянул пиво. Но уже поздно, и я хочу выпить и, возможно, потрахаться, хотя последний пункт уже под вопросом. Ничего не остается, как снять ботинки и проследовать за Ваней на цыпочках по длинному коридору. Я замечаю, что мою обувь он забрал с собой. Это и смешит, и злит меня одновременно.

Мы заходим в его комнату, - квадратную и небольшую, поклеенную зелеными обоями в белый цветочек, которые ни один нормальный мужик не выбрал бы себе для спальни. Ваня зажигает бра над постелью, и я оглядываю интерьер: платяной шкаф, компьютерный стол, кресло и односпальная кровать. Эта кровать приводит меня в уныние. Я сажусь на уголок и спрашиваю:

- Тебе лет сколько?
- Двадцать восемь, да я знаю все, что ты сейчас мне скажешь, - спокойно отвечает Ваня, - знаю я, что в моем возрасте надо жить отдельно и все такое. Но какой смысл? Я, что, чурка какой, чтобы снимать и тратить бабло, если тут у меня есть где жить.

Я пожимаю плечами:

- Смысл в том, чтобы ботинки девушек в комнату не таскать. У тебя мама думает, что ты мальчик что ли еще невинный?
- Давай не будем про мою маму, я считаю так: меньше знает, крепче спит, - немного разозлившись отвечает он и ставит мои ботинки у стола.

Ваня включает компьютер и спрашивает:

- Какую музыку хочешь послушать?
- Да мне все равно, включай, какая тебе нравится.
- Ну ты же вроде музыкант, - говорит он, и мне хочется тут же сбежать из этой родительской квартиры, из этой конуры инфантильного переростка.

- И что? Ну, музыкант. Ты меня еще попроси что-нибудь сыграть. У вас случайно рояля нет в третьей комнате? – завожусь я.

Ваня садится рядом со мной, кладет мне руку на коленку и примирительно говорит:

- Ладно, прости. Я понимаю, что все это выглядит странно. Но я очень рад, что ты сейчас здесь, со мной. Это все напоминает сон. Я даже не мог мечтать, чтобы сегодняшний день закончился именно так.

Я слушаю его болтовню, его невыносимую наивную болтовню и прерываю этот поток бессмысленных фраз крепким поцелуем. Он быстро раздевает меня и начинает ласкать мою грудь, затем раздевается сам. Его член уже готов, и я чувствую свое возбуждение. Мы трахаемся на его узкой и твердой односпальной кровати, и в моей голове все время крутится мысль: «Сейчас зайдут его родители, сейчас зайдут его родители». Может быть, именно из-за этой навязчивой идеи я никак не могу кончить. Ваня же финиширует мне на живот через несколько минут. В пылу страстей мы забыли о контрацепции.

Я говорю:

- Теперь мне нужно в душ. Это возможно?
- Черт, б****, - ругается он, - я тебе сейчас дам салфетки.

Я лежу и смотрю в потолок, пока Ваня ищет по всей комнате пачку влажных салфеток. Наконец, он протягивает ее мне, и я сама вытираю с себя его сперму. Грязные салфетки я нарочно кладу ему на стол, пусть объясняется потом с мамочкой. Ваня достает из шкафа подушку и одеяло:

- Прости, но у меня все по-спартански. Будем спать в тесноте, но не в обиде.
- Вообще-то мне все равно надо в душ, - откликаюсь я.
- Да я понимаю, но и ты тоже пойми. Мама может встать, потом объяснений на пол ночи. Тебе самой это надо?
- Мне самой надо в душ, - спокойно отвечаю я.

Ваня в сердцах кидает белье на кровать:

- Ну да, вот такое я дерьмо. Живу с родителями, хотя мне под тридцатник.
- Когда предлагают поехать домой, это подразумевает, что квартира свободна, - говорю я.
- Окей-окей, ты меня размазала по стенке.

Я вижу плохой знак – трясущиеся губы, такое несколько раз я уже наблюдала у Кирилла, и знаю, что это предвестник истерики. Пора сваливать на*** отсюда. Ванин компьютер показывает время: 23-25. У меня еще есть шанс успеть на метро. Я начинаю быстренько одеваться, не обращая внимания на Ваню. Он говорит:

- Ну перестань, мы же только что трахались. Блин, да ты мне же только недавно в туалете отсасывала! Я, что, так, развлечение на одну ночь? Что ты за девушка такая? Ну останься! Хочешь, я лягу на полу?

Я натягиваю ботинки, поправляю волосы и хватаю с кресла свой пуховик, который Ваня тоже принес в комнату:

- Да, мы только что трахались, и остатки твоей спермы до сих пор на моем животе, потому что я не могу пойти в душ у тебя дома. А без душа я не могу лечь спать, так что извини, но я домой.

Я порываюсь пойти к двери, но он преграждает мне дорогу:

- Останься, тебя прошу. Ну правда. Нам же круто вместе. Я еще тогда, в «Пропке» положил на тебя глаз. Ты мне нравишься. Может, у нас что-то получится.

В ответ из коридора доносится шарканье ног и чей-то кашель. Мы замираем, как по команде, и я смотрю в испуганное лицо Вани. Нет, дорогой мой, ничего у нас не получится.

- Тише, кажется, это отец, - шепчет мне он.
- Да похрен вообще! Я, что, теперь еще и уйти не смогу? – возмущаюсь я, но тоже шепотом почему-то.

Ваня разводит руками, я думаю о времени, драгоценном времени, которое трачу бессмысленно и бесцельно, и начинаю метаться по комнате. Внезапно

останавливаюсь у окна. Первый этаж. Решеток нет. Обычные стеклопакеты. Повинуясь порыву, я открываю окно и вылезая на улицу. Ваня бросается вслед за мной и шипит:

- Ты ебнулась что ли? Куда ты полезла?

Но я уже стою на земле, немного болит нога, но мне весело и легко. Я на свободе:

- Да пошел ты в жопу, слюняй, - громко говорю я и показываю ему средний палец.

Он ошалело глядит на меня, будто не верит, что все это происходит на самом деле:

- Ты позвонишь мне? – спрашивает он.

- Постучу в окошко, - отвечаю я, поворачиваюсь и ухожу в сторону метро. Козлина.

Мое горло сжимает истерический смех. Я включаю плеер, нахожу The National, и иду под «Conversation 16» до метро. Надо все-таки подобрать мелодию на фортепиано, когда будет время. Офигенная песня. Уже ночь, темно. По подворотням трутся бомжи и прочие криминальные элементы. Группками по три-четыре человека шныряют чурки. Но я никого из них не боюсь. Никто не смеет причинить мне вреда, они отводят глаза и даже не смотрят в мою сторону. Они меня *сторонятся*. Потому что сейчас, в данную минуту, я и есть самый страшный человек на этой улице, в этом районе, во всем этом огромном городе. Я самый страшный и злобный человек. Я иду и улыбаюсь своим мыслям, вспоминая Кирилла и Ваню. Я страшный человек, потому что я никого не люблю. И никогда не буду никого любить. Я знаю, что мое сердце мертво, оно уже не всколыхнется вновь, не забьется сильнее от взгляда на кого-нибудь. Я никого не люблю, и мне плевать на всех.

И это гораздо хуже, чем ощущение, что тебя не любят. Хуже и страшнее. Словно подо мной разверзлась пропасть, и я без раздумий сиганула в ее черное жерло. И теперь мне по*** на всё и всех. От меня исходят мертвые

волны, я – самый жуткий человек на этой улице. Бродяги отскакивают при виде меня и прячутся по углам. Они интуитивно чувствуют опасность.

Я захожу в метро и устало сажусь на сидение в вагоне. Мне необходимо выпить. Но я не помню, осталось ли что-нибудь дома после попойки с Кириллом. Меня немного беспокоит это, но в то же время я чувствую, как сильно хочу спать. Возможно, сегодня стоит лечь пораньше, хотя следующий день, четверг, - мой выходной. И я могу встать хоть в полдень. Закрываю глаза и думаю: «Вставать в полдень, сходить в магазин, купить еды и выпить и начать накачиваться до вечера, никому не звонить, никого не видеть». Кажется, я в раю.

Дома мои опасения подтверждаются: в барном шкафчике шаром покати. Кирилл вылакал все до последней капли, и я, наверное, помогала ему в этом. «Ах ты, ублюдок, гореть тебе в аду», - думаю я лениво и беззлобно. Что ж, ничего не остается, как закончить эту вечеринку в собственной постели, - мягкой и такой родной. Я принимаю душ, чтобы смыть с себя следы Вани, и валюсь без сил на кровать. Нет ничего лучше, чем засыпать дома в одиночестве, раскинув ноги и руки в разные стороны. Уже проваливаясь в сон, на ум приходит: «Как хорошо, что у меня нет кошки».

Ночью мне снится кошмар. Мне снится актовый зал моей старой школы, ненавидимой мною до рвотных спазмов в горле. В его пыльной темноте на протертых стульях сидят знакомые мне люди, - из прошлого и настоящего: родители, бывшие парни, подруги из училища и консерватории, коллеги и соседи по подъезду. Все они - серые и с выпученными глазами, похожие на глубоководных рыб, которых я когда-то видела в передачах Жак-Ива Кусто. Мне становится жутко и неуютно, хочется сбежать, но я словно бы прикована к своему жесткому и холодному стулу на сцене актового зала. Передо мной клавиши фортепиано «Лирика», и я понимаю, что все эти рыбоподобные люди ждут, когда я начну играть. Паника заставляет мое сердце биться в несколько раз быстрее. Что же им исполнить? Здесь же сидят даже мои воспитательницы из детского сада, а вот и первая моя учительница

музыки, старая гримза. Надо их поразить, удивить! Пусть, наконец, поймут, кто есть кто. Пусть обделаются! Ну, сейчас я им устрою! Я хочу положить руки на клавиши и начать играть, но руки не слушаются меня. Они просто висят, и я не могу даже пошевелить пальцами. Я не чувствую своих собственных рук! Животный страх охватывает меня. А что, если это навсегда? Что если все вот так и закончится? Глупо и до смешного просто. Кто я без своих рук и пальцев? По щеке катится теплая слеза, я поворачиваю голову к зрителям и хочу им что-то сказать, но комок слез застревает в горле. Глухое отчаяние сжимает мое сердце. И тут все эти люди начинают синхронно и беззвучно двигать губами, как рыбы, вынутые из воды. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, и вдруг из их ртов вылетают мыльные пузыри. Большие и маленькие, блестящие, переливающиеся, они парят по мрачной полутьме актового зала. И я замороженно люблюсь этим зрелищем. Пузырей становится все больше и больше, они приближаются ко мне, окружают, а я не могу отогнать их, - мои руки по-прежнему обездвижены. Пузыри застревают в моих волосах, на одежде, лезут в уши и нос, прилипают к губам и ресницам. Они плотные и не лопаются. Я пытаюсь вертеть головой из стороны в сторону, чтобы отогнать пузыри от себя, но их слишком много. Скоро я не смогу дышать. А рыбо-люди все раскрывают и раскрывают свои огромные рты с припухлыми губами, все плодят и плодят мыльные пузыри.

Я просыпаюсь на спине, обе мои руки затекли из-за неудобной позы, в которой я заснула от усталости и выпитого. Несколько секунд мое сознание не может понять, куда делись рыбы, мыльные пузыри и актовый зал. Затем от понимания, что это был лишь сон, я начинаю улыбаться. Боже, как хорошо дома, как хорошо, что сегодня четверг, и мне совершенно никуда не надо идти. Как хорошо, что иногда реальность лучше снов. Руки болезненно гудят, и я пытаюсь привести их в порядок, трясу ими изо всех сил, машу в разные стороны, будто пытаюсь взлететь. Наконец, циркуляция крови приходит в норму, я сладко тянусь во весь рост и встаю с кровати.

Восемь утра. Еще четыре часа до открытия бара у моего дома, где я частенько коротаю свои выходные дни. Надо чем-то занять себя. Душ – полчаса. Завтрак и кофе – час. Час на просмотр интернета: погода, новости, котики. Лайки в инстаграме занимают еще пятнадцать минут. Час с четвертью – свободное время. Допустим, на одевание и макияж полчаса... А уже хочется выпить пивка. Все, что случилось со мной в последнее время, давит куда-то в область груди. Хочется стереть из памяти лишних людей и дни, проведенные с ними. Все эти Кириллы, Иваны, прочие ублюдки, девки, даже Веруня, - все они раздражают меня. Я никак не могу успокоиться. Вспоминаю, что завтра свадьба брата, и злюсь еще больше. Ну, почему я не смогла отказаться? Почему не выдумала гастроли, концерт или не сказала, что ложусь делать аборт? Настроение с самого утра испорчено, а ведь четверг – почти мой любимый день. Больше него я люблю только субботу.

Я сажусь за фортепиано и наигрываю мелодию из «Шербургских зонтиков», она печальная и тоскливая, как мое душевное состояние точь-в-точь. Повеситься что ли?

Но вот полдень, и я при полном параде уже толкаю дверь небольшого пивного бара, который находится в двух домах от моего. Знакомый официант приветливо кивает мне, он только расставляет стулья. Я первый посетитель, впрочем, такое случается часто.

Мое любимое место – у окна, там, сидя в одиночестве, я могу наблюдать за прохожими. Официант, его зовут Сергей, приносит мне меню.

- Обратите внимание на новинки, - любезно говорит он.

Я обращаю. Хочется начать с легкого, может быть, вот с этого лагеря с абрикосовым послевкусием? Пять градусов – то, что нужно для утра выходного дня. Заказываю сразу два, чтобы лишний раз не гонять Сергея.

Открываю What'sApp впервые за утро. Сообщение от Кирилла: «Проснулась что ли?». Нет, б****, заснула вечным сном. Удаляю всю нашу переписку, думаю несколько секунд, не заблокировать ли его насовсем, но все-таки не делаю этого. Сообщение от Веруни: «Зачем ты с ним поехала? С тобой все в

порядке? Перезвони мне, я волнуюсь». И чуть позже, уже ночью от нее же: «Твой кавалер спрашивал номер, я написала. Не злись, со своими кобелями разбирайся сама. Целую». Ах, Веруня-Веруня, стерва ты эдакая! Не ты ли сама мне его подсунула вчера? Сообщение от неизвестного номера: «Это Ваня. Напиши, как ты доехала. Извини, если что не так, как-то все странно вышло». Странно ему вышло! Еще бы не странно, в двадцать восемь лет водить тайком девушек в квартиру родителей. Да пошел ты, урод. Такому нужна двадцатилетняя п*****, которой сойдет трах и на одноместной тахте с зажатым подушкой ртом. Оставляю все сообщения без ответа. Сама пишу Тане: «Может, встретимся сегодня? У меня выходной. Поболтаем про мужиков». Мне не особенно хочется ее видеть, но прошлый вечер и прошлая ночь никак не идут из головы. Необходимо рассказать кому-то про это сомнительное приключение, чтобы больше не вспоминать о нем с таким содроганием.

Я допиваю первую кружку и тут же принимаюсь за вторую. Бар начинает заполняться слегка полноватыми мужчинами в деловых костюмах с шелковыми галстуками и кожаными портфелями в ухоженных руках. Они изучают меню на бизнес-ланч и заказывают по нему супы, баварские сосиски и чай с медовиками. Никто не решается брать пиво, и я поглядываю на них с легкой ухмылкой беззаботного бездельника. Постепенно меня накрывает, то ли на старые дрожжи, то ли из-за хронического алкоголизма. Глаза полуоткрытые, в голове – ни одной мысли. Вот я – созерцатель. Смотрю на жизнь сквозь прочное стекло, и все, что творится вокруг, меня абсолютно не касается. Я чувствую себя неуязвимой, сильной и недосыгаемой. За спиной слышу голос официанта:

- Еще что-нибудь?
- Попозже, - лениво отвечаю я.

Этот прекрасный момент истомы нарушает звонок телефона. На экране высвечивается «Таня». Неужели нельзя написать? Я почти разучилась вести телефонные разговоры.

- Да? – немного раздраженно отвечаю я.
- Катюша, привет! Получила твое сообщение и решила, что лучше позвонить, так будет проще и быстрее договориться, - радостно тараторит Таня.
- Так ты сможешь сегодня? –разочарованно уточняю я, ведь мне уже так хорошо сидеть одной.
- Конечно, могу, - с еще большим энтузиазмом откликается Таня, - где встретимся?

Я обвожу глазами свой любимый бар и раздумываю, сдавать ли его Тане, или все-таки стоит оставить это место лишь для себя. Но лень стальной хваткой держит меня на высоком стуле, и я отвечаю:

- Я сейчас нахожусь в баре около дома, могу прислать адрес в What'sApp. Посидим тут, поболтаем.
- В баре? – озабоченно переспрашивает Таня, - но я теперь не пью. Бросила уже как два дня...

Раздражение все больше охватывает меня, и я уже не в силах быть любезной:

- Тань, а как ты представляешь себе наш разговор о мужиках и личной жизни без бухла? Это что еще за извращение такое?
- Ну вообще ты права, - медленно растягивает слова она, обдумывая мое предложение, - а что это за бар? У меня просто не так много денег...
- Это пивной бар.
- Но я не пью пиво, - канючит и капризничает Таня.

Моя интуиция справедливо подсказывает мне послать динамщицу, ну сколько можно возиться с ней? Но, с другой стороны, потребность высказаться оказывается сильнее моей вспыльчивости, и я, тяжело вздохнув, говорю:

- Тут есть неплохой сидр, ты же пьешь его, если я не ошибаюсь?

Голос Тани вновь обретает радостные нотки:

- О, да! Я обожаю сидр. Ну, хорошо, приеду через часик, кидай вотсапку с адресом. Сидр-то не дорогой?

- Четыреста рублей тебе хватит, - говорю я и отключаюсь.

Отправляю Тане адрес бара и заказываю себе еще кружечку эля и картошку фри. Я знаю, что через час подруга точно не приедет, в лучшем случае – через два, два с половиной, так что ждать мне ее еще и ждать.

Кажется, я не могу и дня прожить без выпивки. Не обязательно ежедневно напиваться до черных точек в глазах, но мне необходимо постоянно быть немного под градусом. Наверное, в трезвости я не в состоянии выносить эту действительность. Есть другие люди, их много, они сильнее меня, им удалось найти некий смысл, ориентир, который помогает проснуться утром и заснуть вечером. По-моему, это называется «цель в жизни» или «любимое дело». Я не могу сказать, что я не люблю свою работу. Мне нравится моя профессия, нравятся концерты и даже утренние репетиции. За инструментом получается отключаться и не думать об окружающем тлене. Но музыка не может спасти вечно, и тогда на помощь приходит алкоголь.

Я еще не пьяна, но мне становится грустно. В моей душе, там где-то в области сердца, черная дыра. Я читала в интернете, многие люди чувствуют тоже самое. Я не уникальна, но мне плевать на проблемы других, как и им, собственно, плевать на мои. Моя душа выжжена, как сухая трава в поле в деревне моей бабки. С той разницей, что на том поле каждую весну вырастала новая, а у меня в душе по-прежнему мертвые угли. Жить с ними тяжело, они слишком много весят, и иногда мне кажется, что я больше не могу их таскать. Тогда я иду в туалет и самозабвенно блюю в унитаза. На пять минут отпускает. А потом все начинается заново. Ну, что за б***** планета?

Внезапно меня осеняет мысль, она пронзает мой мозг и сердце как острая пика. Черт! У меня же почти не осталось денег! Вот уже три дня, как я благополучно пропускаю занятия с Викой, и, что следует логически, не получаю денег. Зарплата придет только на следующей неделе... На что же пить? Судорожно я проверяю на телефоне сообщения от банка. На карте осталось 800 рублей, и какая-то мелочь в кошельке. Может, рублей пятьсот, а

может и того меньше. Мне страшно и тоскливо. Таня не тот человек, у которого можно перехватить до зарплаты пару тысяч. Как бы не пришлось еще оплачивать мне ее сидр. Что же делать? Что же делать?

Нервная паника охватывает меня за секунды, спазм скручивает желудок, и я быстрым шагом иду в туалет. Там занято, и я переминаюсь с ноги на ногу в ожидании своей очереди. Рвота несется вверх по моим кишкам, и я инстинктивно глажу горло обеими руками. Потерпи, только потерпи. Скоро станет легче.

Из двери выходит жирный мужик, нечто среднее между пирамидой Хеопса и новогодним холодцом, он оглядывает меня с головы до ног и чуть сторонится, пропуская после себя в сортир. Он понимает: мне надо.

Запираю поскорее за собой дверь и склоняюсь над унитазом. Из него несет воню: смесь дешевого чистящего средства с запахом хвои и человеческих испражнений. Я блюю, закрыв глаза, и стараюсь не замарать одежду. Пиво выходит из меня обратно, кажется, я даже трезвею. Нервозность постепенно отпускает, я смотрю на свое бледно-зеленое отражение. Испуганные глаза затравленного мальчишка, челка, прилипшая к потному лбу, заостренный нос покойника. Я не красавица, но многим нравится. Черт, да сейчас, наверное, уже никому такая не понравится. И вдруг мне хочется, чтобы меня такой увидел Кирилл. Пусть посмотрит, на кого тратит время, пусть поймет, пусть увидит. Пусть сам меня бросит, если уж на то пошло. Я не могу больше играть в наши игры, просто нет сил. А заодно пусть оплатит мой счет.

И я звоню ему, чего никогда практически не делаю. Он отвечает после второго гудка:

- Слушаю, - голос его напряжен. Я слышу офисный шум, разговоры сотрудников. Мне неловко, но надо продолжать, раз уж решилась.
- Это я, привет, - отвечаю я.
- Ну надо же! Это ты! Ну охуеть просто, - говорит он.
- Извини, я не отвечала.

- Ты не отвечала почти два дня, я вообще не понял, что происходит, - я слышу, как он выходит из кабинета, чтобы поговорить со мной без свидетелей. Звук закрывающейся двери, несколько шагов и на меня обрушивается мат:
- Ты, б****, вообще понимаешь, что так делать нельзя? Какого хуя ты ведешь себя как сука? Я думал, ты другая. Я думал, мы друг друга понимаем. Я, б****, вообще-то волновался за тебя! Что за п***** ты устроила? Что я сделал не так?

Разговор получается вовсе не таким, на который я рассчитывала. От его напора мне становится не по себе, хочется поскорее нажать кнопку «Отбой», вжаться в стенку, оставить официанту свой паспорт или взять микрокредит у метро, чтобы расплатиться по счету, только бы не слышать Кирилла.

- Это нормально вообще? А теперь ты звонишь – это я! И что мне, б****, делать? Еще скажи, что скучала! – он заводит сам себя и никак не может угомониться.
- Я в баре около дома, - брякаю я.

Он молчит секунды три, переваривая мои слова, затем, уже спокойным тоном, говорит:

- Ну, поздравляю тебя. Везет! В баре в два часа дня! А я на работе между прочим.
- Я только что поняла, что у меня нет денег, чтобы расплатиться за пиво, - продолжаю я.
- И что? Ты хочешь, чтобы я все бросил и приехал тебя выручать? Или что? Ты пропадаешь, а потом я должен оплачивать твои пьянки? – охуевает Кирилл.

Я прикидываю, на сколько его еще хватит, и говорю:

- Не обязательно бросать всё, я знаю, что ты на работе. Я могу тебя здесь подождать.

- Четыре часа? Ты будешь там напиваться еще четыре часа? А потом я буду за всё это платить? После твоего поведения? Ты меня за идиота держишь? Да пошла ты на***! – кричит Кирилл и бросает трубку.

Я кладу телефон на столик и закрываю глаза. Ну вот и всё. То, что давно надо было сделать – сделано. Самой мне бы не хватило душевных сил бросить его. Я же алкоголичка, зависимый человек. Ближайшие дни мне будет херово, очень херово, ну а потом рассосется. Так всегда кажется, что жизнь закончилась, стоп-машина, расставанье – медленная смерть и всё вот это, про что еще писал Шекспир. Но на самом деле, солнце взойдет на востоке, сядет на западе, теми же маршрутами будут ездить автобусы, те же люди будут в них спать по дороге на работу. Мир не рухнет от того, что двое больше не хотят спать вместе, не хотят любить друг друга, подавать заявление в ЗАГС, оплачивать вместе коммунальные услуги и растить детишек. Но сердце это поймет не сразу. Сначала всегда тяжело, даже первый вздох дается с трудом. Как будто кто-то ударил под дых. Второй уже немного легче, а вот и противный липкий комок слез встал в горле. Я боюсь расплакаться в баре, здесь же Сергей, он меня знает, как я смогу потом показаться ему на глаза? Я щиплю себя за руку, чтобы отвлечься. Чтобы отвлечься, начинаю пересчитывать деньги в кошельке. Шестьсот рублей наличными, на карте восемьсот. Зову Сергея.

- Посчитайте, пожалуйста, меня.
- Так быстро? – удивляется он.
- Сегодня вот так, - я еле держусь и нервно улыбаюсь.

Официант уходит. Я беру телефон, чтобы позвонить Тане. Пошла она на хрен. Со своими псевдо-проблемами и псевдо-переживаниями. Не хочу я сегодня ни о чем с ней говорить, вообще видеть ее тошно, а не то что разговоры вести. Я уже хочу нажать на ее номер, но тут на телефоне высвечивается «Кирилл». Что это? Ошибка? Или он решил еще раз послать меня на х**? Может, хочет обозвать побольнее? Ну, что ж... Я это заслужила.

- Алло? – говорю я.
- Алло, блин! Сидит она там в баре! Денег у нее нет! – своим обычным, слегка насмешливым голосом, говорит он.
- Сижу, - грустно повторяю я, слезливый комок готов вырваться наружу. Мне почему-то очень жалко и себя, и Кирилла. И даже немного официанта Сергея.
- Вот и сиди там. Жди, короче. Приеду около шести. Только глупостей никаких не придумывай и много не напивай. Я тебе не олигарх.
- Ты, что, правда приедешь? – удивляюсь я, и истерика тут же отпускает меня. Я никак не могу поверить в услышанное.
- Ну а куда я денусь по-твоему? Связался на свою голову. Жди. Всё. Мне работать надо, а потом тебя приеду спасать, алкашка ты моя, - последние слова он произносит с неожиданной нежностью.
- Жду, - просто отвечаю я, кусая губы.
- Целую, - скомкано буркает Кирилл в телефон и нажимает «Отбой».

Я все еще не верю в происходящее. Он передумал. Он приедет. Почему? Что всё это значит? А, может, он не просто со мной напивается и трахается? А, может, тут что-то большее? Нет-нет, не надо думать об этом. Не надо надеяться на счастливый исход. Но Кирилл приедет. Все-таки он не бросил меня. Я упираюсь в холодную стену головой и закрываю глаза. Вот так драма! Вот так история любви! Я пытаюсь перевести свои чувства в сарказм, высмеять ситуацию, выставить все нелепым и глупым, но у меня нет таланта моей матери, только у нее это всегда получается легко и просто.

Официант тактично побряхтывает около меня, и я открываю глаза:

- Ваш счет.
- Да, спасибо.

Я смотрю на клочок бумаги и вновь не верю своим глазам:

- А почему так мало? – поражаюсь я.
- А у нас с этого месяца акция: по будням два пива по цене одного! – торжественно объявляет Сергей.

- Тогда вот, - я кладу пятьсот рублей в счет, - и принесите меню, пожалуйста.

Сергей расплывается в улыбке:

- А я знал! Я так и знал, что вы рано не уйдете!

Я растягиваю губы в ответ и киваю официанту головой. Мой алкоголизм ему на руку, хотя, вполне возможно, про себя он думает, что я пропадающая женщина, пьянчужка, и что с такой он бы никогда не стал иметь ничего общего. Но какое мне дело до его мыслей? Я беспокоюсь, что зря затеяла эту трагедию с Кириллом. Ну зачем я ему позвонила? Зачем мне захотелось унизиться и выставить себя спившейся нищенкой? Почему я не могу жить спокойно? Работа-дом, по выходным кино и парки с велопрокатом, лимонадом и кормлением уточек? Рецепты говядины в рукаве из интернета, подписка на подкасты об истории живописи, ожидание новых серий «Игр престолов» - вот это всё такое уютное, вязаное, домашнее, - почему оно меня не устраивает? Я думаю об этом и растерянно листаю меню. Пора взять какой-нибудь стаут. Например, вот этот, с кофейным привкусом и молочным послевкусием. Нашли, чем удивить! Покажите мне стаут без кофейного привкуса, и я оплачу вам его. От недавней рвоты в горле немного саднит, и мне хочется поскорее избавиться от этого неприятного ощущения. Сергей с легкой ухмылкой выслушивает мой новый заказ и кивает. Он уже знает, что сегодня я уйду отсюда поздно и пьяной. Как только официант отходит от моего столика, появляется Таня. На ней черное плотное платье в пол и грубые ботинки на манер армейских. Она ярко накрасила глаза и брови, видимо, подумала, что я пригласила ее в один из тех модных баров в стиле стим-панка или американской кофейни. Таня обнимает меня:

- Привет-привет, Катюша!

Я здороваюсь в ответ и даже слегка дотрагиваюсь губами до ее вымазанной тональным кремом щеки. Обращение «Катюша» вызывает во мне воспоминания о вчерашнем дне – Веруня, Фуфа, ветеринарная клиника, собаки с человеческими именами. Я думаю, что надо написать Веруне и

поинтересоваться здоровьем Фуфы. Так будет правильно. Так поступают нормальные люди. Думаю и через минуту напрочь забываю об этом.

Таня с неприкрытым удивлением рассматривает бар. Она морщится при виде высоких железных стульев с мягкими сиденьями из искусственной кожи.

- Когда ты сказала, что это бар с сидром, я представила себе нечто вроде Let's go, - капризничает Таня.
- Что за Let's go? – спрашиваю я и передаю ей меню.
- Ой, это такое классное местечко на Кузнецком. Там раньше был другой бар, где подавали метровые хот-доги на компанию, а теперь вот открыли Let's go.
- Ну, а в чем его классность? Дешевый алкоголь? Коктейли? Музыка или что? – уточняю я.
- По выходным там ди-джеи играют техно, иногда дип-хаус, коктейли там дороговаты... Трудно объяснить, там просто весело, шумно, много людей, - щебечет Таня и углубляется в изучение меню.

Я оставляю без комментариев ее восторги по поводу Let's go. «Шумно» и «много людей» уже не вызывают у меня радостного трепета, как это бывало несколько лет назад. Я постарела и теперь больше ценю расслабленную обстановку немодных баров, в которых можно тихо выпить без риска оглохнуть и быть задавленной толпой тинейджеров под тридцать. Таня отрывается от меню и восклицает:

- Ого! Тут и правда сидр по двести!

Она счастливо улыбается, мой бар сразу же начинает ей нравится. Подходит Сергей, и Таня делает заказ. А передо мной появляется бокал стаута с запотевшими стенками. Когда официант отходит, Таня вздыхает и смотрит прямо на меня:

- Ну, рассказывай. Как твои дела?
- Да нормально, - я пожимаю плечами.
- С понедельника не могу выкинуть из головы твои слова про мудака, с которым ты встречаешься, - говорит она.

Я поджимаю губы:

- Ну, вроде он и не такой мудака. Наверное, всё дело во мне.
- Нельзя винить во всем только себя! В отношениях ведь участвуют двое. Так не бывает, что один хороший, а второй плохой, - разглагольствует Таня.

Меня охватывает холодная ярость. «Да что ты понимаешь, - думаю я, - в отношениях! Тоже мне психолог-самоучка». Я говорю:

- Ты просмотрела новый обучающий ролик на Youtube про отношения?

Таня не улавливает мою иронию и серьезно отвечает:

- Нет, но я так говорю, исходя из собственного опыта. Поверь мне, если ты хоть раз задумывалась, а не мудила ли рядом с тобой, значит, это так и есть, и пора это всё заканчивать.
- А если я постоянно задумываюсь, не дерьмо ли я, то что это значит? Не пора ли мне заканчивать с собой? Может, пора вешаться, как думаешь? – спрашиваю ее я.

Сергей приносит сидр. Таня делает небольшой глоток и с тревогой смотрит на меня:

- У тебя точно всё в порядке?

Я пожимаю плечами. Как ответить на этот вопрос?

- Да, нормально всё.

Таня не верит мне:

- Понимаешь, есть такой вид отношений, который тебя опустошает. Ты привыкаешь к эмоциональному выжиганию, и тебе кажется, что это норма. Но на самом деле, отношения должны вдохновлять, окрылять, приносить радость, давать силы...

Я взмахиваю руками перед носом Тани, мне невыносимо слушать ее бред, будто бы заученный наизусть из книг по психотренингу.

- Так, стоп! – говорю я, - с чего ты взяла, что отношения тебе чего-то должны? Вообще почему другой человек изначально тебе чего-то должен? Может быть, я встречаюсь с кем-то ради оргазма раз в

неделю. А что? Это тоже неплохо. Или ради совместного распития пару литров пива.

- Но это не твой уровень, Катюша. Ты же музыкант, ты творческая личность. Тебе нужен кто-то, достойный тебя, кто мог бы тебя вывести из всего этого. Ты же реально тонешь в алкоголе, в непонятных отношениях, тусовках каких-то странных, - неожиданно учит меня жизни Таня.

Я отпиваю прохладный стаут, кофейная горечь несется по моему горлу, спасая этот разговор от уныния. Мне хочется послать собеседницу на хрен, хочется сказать ей: «Да что ты знаешь, что ты пережила в этой жизни, чтобы сидеть здесь и учить меня, что такое отношения?». Стаут делает меня терпимее, придает мне силы и мудрости для дальнейшего диалога. Я вздыхаю и говорю:

- Тань, у меня в жизни были всякие мужчины. Были и те, за которых можно замуж выйти и жить счастливо до конца своих дней и детей рожать хоть каждый год одного за другим. Были и такие, от которых бежать надо, а я встречалась с ними год, а то и два, и там тоже было свое счастье. Дело в том, что я сама не подарок, и я это понимаю. Со мной не каждый мужчина будет счастлив. Я раньше притворялась, мерила на себя маски – хорошей приличной девушки, верной надежной жены, и готовила, и убиралась, и не мешала смотреть футбол. Да всякое в жизни было. А потом надоело. Я как-то перестала понимать, кто я такая на самом деле. Вот кто эта морда в зеркале? Я? А что я хочу? А хочу ли я жить вот так, притворяясь хорошей, и что мне нравится выпивать бокал вина в неделю, говорить о театре, ездить в гости к его маме и там обсуждать шарлотку? Понимаешь, я даже музыку слушала такую, которую от меня ожидали, - Вивальди, Чайковский, вот это всё. Нет, я не против классики, но я не хочу качивать ее в айпод, я хочу слушать Эми Вайнхауз, я хочу напиваться в барах, хочу танцевать пьяной, я поняла, что хочу быть

самой собой. Мой бывший это во мне не понял. Я его не виню. Он полюбил маску, а когда я ее сняла, он увидел меня такой, какая я есть, и разочаровался. Ну что поделать, это жизнь. Тут и не такое бывает. А сейчас я встречаюсь... понимаешь он как я, только мужчина. Я себя ненавижу иногда, и его тоже. Но он мне подходит, он странный, да и я не вполне адекватна. Все, что я вижу в нем, - как отражение меня самой, может быть, поэтому я как натянутая тетива, у меня нервы уже ни к черту. Я не знаю, что там у нас дальше будет... В общем, сложно это все.

Мне вдруг становится лень обсуждать Кирилла, я хочу оставить его для себя, не хочу делиться переживаниями с Таней. Она все равно не поймет. Так и выходит. Подруга говорит:

- Но ведь главное – это комфорт! С мужчиной должно быть удобно. Ты же музыкант, как и я. Мне вот важно, чтобы мой мужчина давал мне возможность не работать и заниматься музыкой, чтобы, ну это грубо прозвучит, но чтобы понимал мои потребности...
- Короче, чтобы содержал тебя, - подвожу я ее к главному.
- Ну да, - Таня мнется, - от женщины нужно чтобы она освещала путь мужчины, давала ему стимул для развития в материальном плане, двигала его вперед. А мы, творческие люди, должны просто творить, нести в этот мир свою энергию.

Я закатываю глаза. Таня, этот недомузыкант-хипстер, так любит порассуждать на тему творчества... А на самом деле, ей просто нужен папик, который бы оплачивал ее прихоти и не лез в ее дела. Даже губастые пергидрольные Светы из Воронежей и Самар честнее Тани. Они хотя бы не прикрывают свои корыстные цели благими намерениями. Меня тошнит. Я хочу высказать Тане свое мнение о ней, стукнуть по столу кулаком, или схватить ее за грудки и трясти, пока вся дурь не выйдет из ее головы. Но благословенная лень побеждает всё. Стаут дарит добродушие и поддерживает во мне миролюбие. Разве понять ей, Тане, природу моих с

Кириллом отношений? Разве понять ей, что мужчина может быть единомышленником, собутыльником, сексуальным партнером, которого не надо использовать в своих целях? Что женщина может также желать секса, как и мужчина? Внезапно я вспоминаю свою мать, ее философия схожа с тем, что проповедует Таня. Я мрачнею и говорю:

- Завтра я еду на свадьбу своего брата.
- О! Я думала, твой брат давно женат, - восклицает Таня.
- Это его второй брак. Он рано женился в первый раз, - зачем-то всё это я рассказываю ей.
- Ты переживаешь? – участливо интересуется она.

Ее вопрос меня поражает. Я понимаю, что Таня самый плохой собутыльник на свете, она совершенно не ловит мое настроение, не понимает мои интонации, не умеет вести беседу «под градусом». Мне хочется, чтобы как можно скорее приехал Кирилл.

- В смысле переживаю? О чем ты вообще? – спрашиваю я.
- Ну, все-таки это твой брат, и он уже второй раз женится, там будет вся твоя семья... Все эти разговоры о браке, детях, - Таня смотрит на меня коровьими глазами, и я не могу понять, издевается ли она надо мной, или это плод моего воображения?
- Тань, я не волнуюсь насчет своего семейного статуса. У меня был опыт долгих отношений, столько лет, сколько в браке люди не живут. Мне пока хватило. Пока я хочу развлекаться, выпивать и ходить по, как ты выражаешься, странным тусовкам, - я отвечаю немного резко, и Таня недоверчиво смотрит на меня.
- У тебя словно бы кризис среднего возраста, - делится она со мной своим наблюдением.

П*****, приехали! Я качаю головой, думаю возразить ей, но потом меня отпускает:

- Возможно, - соглашаюсь я, - ведь мне уже так много лет, скоро пора покупать белые тапочки и ползти на кладбище.

Таня спохватывается:

- Нет-нет, я не хотела тебя обидеть! Может быть, из-за того, что ты так рано вступила в серьезные отношения и не нагулялась, тебе теперь хочется отрываться. Это нормально, просто я переживаю за тебя. Если ты хочешь в будущем семью и детей, то сейчас самое время искать подходящего мужчину.
- Боже мой, - ухмыляюсь я, - все вокруг за меня переживают. Ты уже не первый человек на этой неделе, который учит меня жизни.
- Просто ты очень хорошая, - мягко отвечает Таня, - и я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

Я мотаю головой:

- Да не хорошая я, Тань. Я вчера переспала с другим парнем, почти с незнакомцем, а сегодня позвонила своему парню, чтобы встретиться с ним. В чем моя хорошость-то? Может, я самое вонючее дерьмо на свете. А ты говоришь, - хорошая.

Подруга делает большой глоток сидра и смотрит на меня, почти не мигая:

- А тот, другой парень, он кто?
- Такой же долбоеб, как и мой нынешний. В общем, наверное, зря я предложила тебе обсуждать мужиков, как-то не складывается у нас этот разговор.

Большим глотком я допиваю стаут. У Тани еще пол стакана сидра. А мне не терпится заказать следующую порцию, но я держу себя в руках. У Кирилла никогда не бывает много денег, и я не хочу ставить его в неловкое положение, и заставлять оплачивать непомерно большой счет. Таня пожимает плечами:

- Знаешь, я тоже встречалась с разными. У меня был парень, он вел себя как девочка. Помню, один раз он забыл заправить машину, и мы встали посередине пробки. Это было ужасно. Все вокруг смотрели на нас, а он в истерике колотил по рулю. Сейчас я бы вышла из машины и даже ни разу не обернулась, а тогда еще сидела, как дура, и успокаивала его.

- И долго вы встречались? – просто так интересуюсь я.
- Это были мои самые долгие отношения, - почти год. Я кстати виделась с ним недавно, и чуть было опять всё не завязалось, но я вовремя спохватилась.
- А зачем вообще встречаться с бывшими? Ну, кроме секса без обязательств, - спрашиваю я.
- Не знаю... Мне просто захотелось пойти в ресторан на халяву, честно говоря, - Таня смеется и прикрывает рот ладонью.
- А, тогда вопросов нет.

Мне опять становится тоскливо. Знакомое чувство – будто бы я не на своем месте, я должна быть сейчас не здесь, не с ней, всё это такое чужое, совершенно мне не интересное и не нужное. Я хочу просто выпить и поболтать о какой-нибудь ерунде. Мне не надо, чтобы меня учили жизни, тем более вот такие соплячки, как Таня.

- Ты будешь что-нибудь еще? – спрашивает она.
- Да, еще кружечку точно.
- Я тоже, - радостно подхватывает Таня, - но мне больше нельзя, иначе я напьюсь.
- С двух бокалов сидра? – удивляюсь я.
- Ага, мне кажется, у меня непереносимость алкоголя. Я быстро напиваюсь. Вот у меня есть подруга, она очень много пьет. У нее действительно алкоголизм.
- Ты про меня, что ли? – уточняю я, - имей в виду, я здесь и я всё слышу.

Таня хохочет, она и правда немного пьяна:

- Нет, ну что ты! Ты хоть и пьешь, но у тебя пока на лице это никак не отразилось, а у нее, представляешь, сразу заметно – лопнувшие капилляры, покраснения, морщины уже, и это в двадцать шесть лет! Я боюсь, что скоро стану такой же, как она.

Я морщусь:

- От двух сидров в неделю не станешь, что за бред.

- Ну да. И вообще это все генетика. У тебя хорошие гены, кстати, с твоим пристрастием к алкоголю, ты не поправляешься и отлично выглядишь, - отпускает Таня мне комплимент.
- У меня гены алкоголиков, я продолжаю дело своих дедов и прадедов, - серьезно отвечаю я.

Таня опять взрывается хохотом. Она думает, что я шучу. Но я не шучу. Подходит официант и забирает мой пустой бокал. Я заказываю вишневое пиво, Таня просит повторить сидр. Внезапно она опять начинает разговор про отношения:

- Послушай, а почему бы тебе не установить «Тиндер»?
- Зачем?
- Ну как... Там можно познакомиться с разными парнями. Я этим летом ездила в Тель-Авив на пару дней, и через «Тиндер» познакомилась с офигенным мужиком. Все-таки евреи такие обходительные! Это не то, что наши – отрастят себе пивные животы, ничего не делают, слова ласкового не дожدهшься, а требований к девушке выше крыши.
- И как там все прошло, в Тель-Авиве? – спрашиваю я из вежливости.

Таня закатывает глаза от нахлынувших на нее счастливых воспоминаний:

- О, это было всё, как в кино! Мы встретились, и он сразу взял меня под свое крыло. Водил везде. Хочу в ресторан – ведет в ресторан. Хочу в клуб – пошли в клуб. Я могла себе позволить покапризничать, и он даже это терпел! Сказала ему, что хочу на танцы, отвез меня на танцы. Платил всегда за меня, я не потратила ни копейки, представляешь?
- Да, вот оно – счастье, - ухмыляюсь я.
- Точно, - Таня кивает головой, - от наших такого не дожدهшься. Я чувствовала себя принцессой!
- Принцесса, а секс-то был в итоге?

Таня опять заливается смехом:

- Ну, конечно был. Я сама хотела, и секс был тоже на высоте.
- Ну и хорошо, - говорю я, - значит, обе стороны довольны.

- Попробуй, короче, «Тиндер», особенно в путешествии, а здесь дома, знакомиться лучше всего с иностранцами, - советует мне Таня.

Сергей приносит пиво и сидр. Мы делаем по глотку, и я говорю:

- Нет, Танюш, пожалуй, такого счастья я не вынесу и помру от разрыва сердца.

Мой телефон вибрирует. Я достаю его и читаю сообщение от Кирилла: «Еду, жди. Ты уже пьяная?». Отвечаю: «Не очень. Жду». Я смотрю на Таню, она чему-то смеется своему, у нее совершенно пьяные глаза, а я прикидываю, как бы мне от нее поскорее избавиться. Кирилл приедет через полчаса, а у Тани еще полный бокал сидра. Вот черт. Придется их знакомить.

Когда я сообщаю, что скоро к нам присоединится мой парень, Таня от неожиданности открывает рот:

- Ого! Ничего себе! Это тот, с которым ты спала вчера, или тот, который мудак?
- Это Кирилл, тот, с которым я встречаюсь.
- Хи-хи, - смеется она, - вот и познакомимся.

Я даже не утруждаю себя скрыть недовольную гримасу и говорю:

- Да уж. Хи. Хи.

Таня спрашивает:

- А он в курсе, что ты не одна?
- Нет, надо ему написать.

Я отправляю сообщение, и заранее знаю, что он будет раздражен. Кирилл не знает ни одной моей подруги, он всегда избегает подобных знакомств и говорит: «Я стесняюсь». Как маленький мальчик на детсадовском утреннике, когда его просят рассказать стишок Деду Морозу. Я ловлю себя на том, что снова завожусь и злюсь. Наверное, я социопатка, мне нельзя находиться среди людей. Мне лучше в полной темноте.

Кирилл отвечает незамедлительно: «Что? Выгони ее, я не хочу ни с кем знакомиться». Я шлю сообщение: «Поздно, она немного пьяна». От него приходит: «Она симпатичная? Она мне даст?». Я больше ничего не отвечаю.

Может, всё и к лучшему. А вдруг они понравятся друг другу? Уедут вместе, потрахаются, и я смогу с чистой совестью оскорбленной невинности оборвать все связи с ними. Моя фантазия одновременно и гложет меня, и успокаивает. Ревность точит сердце, как ржавчина – металлическую полочку в ванной, но с другой стороны, я думаю о том, что вскоре могу получить освобождение от сразу двух людей в моей жизни. Выйти из ситуации легко и непринужденно. Кажется, у меня не всё в порядке с головой.

Он приезжает, когда передо мной и Таней вновь стоят пустые бокалы. Кирилл подходит сзади:

- Ну здорово, выпивохи.

Я жду, что он меня поцелует, оборачиваюсь, но натываюсь на холодный взгляд, и понимаю, что вечер получится дерьмовый. Улыбка замирает на моих губах. Таня уже пьяна, она кокетливо трогает свои волосы и хихикает:

- Присоединяйся к нам, - говорит она.

- Да уж придется, - буркает Кирилл и подставляет стул.

Он садится рядом с Таней и протягивает ей руку:

- Кстати, я Кирилл.

- Таня, - представляется она.

- Тань, парень есть? – интересуется Кирилл.

- Нет, - смущается Таня.

- И у меня нет, - вздыхает он.

Я смотрю на этот цирк и хочу только одного – поскорее оказаться дома.

- А Катя? – не понимает его «тонкого» юмора подруга.

- А Катя разве парень? Не знал... - Кирилл поворачивается ко мне, - хотя сейчас вижу, что ты права, вон и кадык торчит.

Таня перестает смеяться, она с испугом смотрит на мою реакцию. Я пожимаю плечами:

- Надо быть внимательнее, - говорю я Кириллу.

- Хорошо, в следующий раз – обязательно, - он вновь обращается к Тане, - но ты знаешь, это нормально, я же гей.

- Ты странный, - говорит она в ответ.
- Приму как комплимент. Ну, что пьете? Что-то у вас не веселая атмосфера, - Кирилл хлопает себя по ногам.

Сергей приносит в очередной раз меню. Он узнает Кирилла и здоровается с ним.

- Мне вот этот лагер, - Кирилл сразу делает заказ и спрашивает у нас, - а вы что будете? Надеюсь, ты не много тут напилась, я не олигарх.
- Я помню, что ты не олигарх, но тут сегодня акция, так что я и сама в состоянии оплатить свой счет, - говорю я.

Кирилл морщится и отмахивается от меня рукой:

- Ой, да перестань.

Я прошу Сергея принести мне еще вишневого. Таня, как всегда, берет сидр.

Когда официант отходит, Кирилл спрашивает у Тани:

- Ну, рассказывай. Кто ты, что ты, чего нового, как дела?

Она смотрит на меня и не знает, как реагировать на такое пристальное внимание к себе со стороны чужого парня. Таня пытается прочесть хоть что-то на моем лице, уловить сигнал, но я непроницаема. Я не собираюсь вестись на провокации Кирилла, он этого не дожидается.

- Я пишу музыку, - после долгой паузы, наконец, говорит Таня.
- Ну ё-мое! Еще одна музыкантша! Я-то думал, что хоть ты нормальная. Тоже консерватории заканчивала?
- Нет, я не так крута, как Катя, - скромно отвечает Таня, она хочет сделать мне приятное, хочет вовлечь меня в диалог.
- А на чем играешь? – Кирилл изображает в воздухе игру на рояле, - тоже тренькаешь по клавишам?
- Нет, я сочиняю электронную музыку.

Их разговор прерывает Сергей. Он приносит всем выпить. Кирилл хватается за бокал и с нетерпением делает глоток. Таня смотрит на него с удивлением и легкой неприязнью. Я решаюсь выступить:

- Хоть бы чокнулся для приличия.

- Ой, ну простите, я не музыкант же, не высоких материй человек. Я же быдло, - юродствует Кирилл.

Я смотрю на его модную стрижку из мужского салона, на его идеально выглаженную рубашку и недешевые джинсы и хмыкаю:

- Ну да, конечно. Я и забыла.
- А ты не забывай, - резко отвечает Кирилл.

Мы чокаемся в молчании и пьем. Я чувствую грусть, мне не уютно. Таня расспрашивает Кирилла о его работе, но он не отвечает ни на один вопрос.

- Зачем тебе это всё знать?
- Ну просто, - растерянно говорит Таня, - мне интересно.
- Да ничего тебе не интересно, - грубо говорит ей Кирилл, - мне вот интересно, какие на тебе трусики. Покажешь?

Таня резко выпрямляется на стуле, смотрит прямо на меня, но я продолжаю молчать. Я знаю, этот спектакль Кирилл разыгрывает лишь с одной целью – довести меня до слез. Вытащить из меня отрицательные эмоции, он наслаждается моими переживаниями. Не найдя у меня поддержки, Таня решает в одиночку противостоять Кириллу:

- Ты просто хам и идиот.
- Ха-ха, - смеется он, - всё верно, я такой.
- Не понимаю, почему Катя с тобой тратит время, - начинает заводиться подруга.
- А ты спроси у нее сама, я тоже не понимаю. Может, она дура? – Кирилл поворачивается ко мне.

Я пью пиво и пытаюсь сохранять хладнокровие, хотя внутри меня бурлят эмоции. Мне так хочется вылить на его напомаженную голову полный стакан, хочется устроить в ответ нечто эдакое, но я держусь. Не надо. Это просто неудачный вечер, который нужно пережить и забыть.

- Ну, хватит, правда, - заступает за меня Таня.
- Ты язык проглотила? – спрашивает у меня Кирилл.

- Нет, а что мне говорить? – отвечаю я и стараюсь говорить монотонно, чтобы не выдать своих истинных эмоций.
- Правильно. Молчи, может за умную сойдешь, - ухмыляется он.

Таня нервно роется в сумке, достает кошелек и бросает на стол деньги за свой сидр:

- Кать, на твоём месте я бы давно ушла отсюда. Почему ты все это терпишь? Я уже не могу выносить подобное поведение. Ты действительно заслуживаешь большего. Позвони мне потом, я лучше пойду.

Я не останавливаю Таню. Я с ней согласна – будет лучше, если она сейчас уйдет.

- Пока, потом споемся, - просто говорю я.

Подруга смотрит на меня с сожалением, наверное, она думает, что я слабохарактерная или сошла с ума.

- Оставь телефончик, я тоже тебе напишу, - говорит ей Кирилл.

Таня достаивает его презрительным взглядом и покидает бар. Кирилл, довольный собой, смеется. Он притягивает меня к себе за талию и целует в щеку:

- Наконец-то, она съ*****. Ну и жуткие подруги у тебя. Больше ни с кем не смей меня знакомить.
- Хорошо, - безразлично отвечаю я.

Кирилл отстраняется от меня и пристально всматривается в мое лицо:

- Эй, всё в порядке? Надеюсь, ты поняла, что это была шутка?
- Поняла-поняла, - успокаиваю его я. Мне не хочется сцен и выяснений отношений, я просто пришла сюда, чтобы выпить. Это мой выходной.

Кирилл морщит лоб и поджимает губы:

- Что-то мне не нравится твое настроение. Ты какая-то странная.
- Я нормальная, наверное, мало выпила.
- А вот оно в чем дело! – выдыхает он, - Ну тогда будем исправлять ситуацию.

И мы продолжаем напиваться. В девять вечера я уже плохо соображаю от выпитого, и мне сложно формулировать свои мысли. Сквозь пьяный смех я слышу, как Кирилл рассказывает мне какие-то истории из своей жизни, смешные, ерундовые, забавные, такие, которые бережешь для подобных случаев – рассказать в компании или девушке. Он держит руку на моей ноге и иногда крепко сжимает коленку. Мне хорошо. Я достигаю своего любимого алкогольного состояния, когда все вокруг мерцает и вертится, и ангелы летают под потолком бара. Кирилл кажется мне невероятно красивым и сексуальным, я хочу дотронуться до его уха, хочу понюхать его шею, я наклоняюсь к нему и вдруг шепчу:

- Ты мой любимый.

Он отпихивает меня со смехом и говорит:

- Что? Такие вещи говоришь!

- Ну и черт с тобой, - притворно злюсь я.

Я встаю из-за стола, чтобы выйти в туалет. Мне хочется давно, и терпеть больше нет сил. Он истолковывает мои действия, как обиду, и хватается за руки:

- Подожди, куда ты собралась! Между прочим, это всё взаимно.

- Взаимно! – повторяю я и смеюсь, - пусти, мне надо в туалет.

Кирилл отпускает, и я, слегка пошатываясь, иду в уборную. Захожу, спускаю джинсы и склоняюсь над унитазом. Пока моча выливается из меня, я вспоминаю только что сказанные Кириллом слова. Взаимно? Что происходит, черт возьми? Мы, что, только что признались друг другу в любви? Я думала раньше, что этого никогда не случится. А теперь случилось, но я не знаю, как с этим быть.

Я вытираюсь, встаю, застегиваю джинсы, мою руки и мокрыми ладонями бью себя по лицу:

- Что ты делаешь, твою мать! Что ты творишь! – приговариваю я.

От звонкий пощечин мне становится немного полегче. В голове проясняется, на минуту приходит трезвость. И что мне теперь делать с Кириллом? А,

может быть, это лишь признание по пьянке? Уже завтра он забудет, что было сегодня. Его слова не имеют для меня ценности. Я верчу их в своей голове, повторяя вновь и вновь: «Взаимно, взаимно, взаимно». Но я не люблю его, всё, сказанное мной – это лишь выпитое пиво. Что здесь может быть взаимным, кроме завтрашнего похмелья и перегара? Из рта вырывается стон:

- Ну почему я такая сволочь?

Теперь мне еще сложнее прекратить отношения с Кириллом. Теперь мое малодушие заставит меня отвечать взаимностью, делать вид, что я влюблена, делать вид, что это всё нечто большее, чем ничего. Опять я сама себе приношу неприятности.

Я выхожу из туалета и нарочито бодро иду к столику. Кирилл расплачивается по счету:

- Ничего себе мы насидели!

- Прости, в следующий раз я угощаю, - и мне действительно совестно, я крайне щепетильна, когда вопрос касается денег.

- Да брось ты, - отмахивается он.

Мы прощаемся с уставшим и взмыленным Сергеем и выходим на улицу. Мне хочется, чтобы Кирилл поскорее уехал, но он берет меня за руку и идет рядом. Несколько десятков шагов мы просто молчим. Затем он не выдерживает:

- Ясно всё. Значит ты не хочешь, чтобы я сейчас пошел к тебе.

- Я хочу, чтобы ты сейчас пошел на х**, - думаю я про себя, но вслух говорю, - хорошего же ты обо мне мнения. Я хочу, но я не могу.

- Почему это? – раздраженно спрашивает он.

- Я тебе говорила, завтра свадьба у моего брата, мне надо рано вставать.

- Мне тоже надо рано вставать, мне вообще-то завтра на работу, - обиженно отвечает Кирилл.

Я чувствую, как этот разговор забирает у меня последние силы. Я больше не могу спорить, опьяневший мозг просит отдыха. Почти зимний воздух

приятно холодит лицо, небольшие снежинки садятся на землю и тут же тают. Скоро будет морозно, скоро Новый год. Я думаю о совершенно посторонних вещах, вроде мандаринов в покрытой синей эмалью миске. Вспоминаю вкус конфет «Рафаэлло», которые в моем детстве всегда присутствовали на новогоднем столе. Вспоминаю их звонкий хруст на зубах и нежность воздушного крема на языке. Мне не хочется спорить, мне проще согласиться, и я предлагаю:

- Пошли ко мне.
- Не надо делать мне одолжений, если ты сама не хочешь, то не надо, - продолжает разыгрывать из себя королеву драмы Кирилл. Как же в этот момент мне хочется ударить его в лицо. Но я лишь крепче сжимаю его руку:
- Я очень хочу.

Он воспринимает мои слова и жест, как признание в чувствах, и сжимает мою руку в ответ. У нас всё *взаимно*. И мы вместе идем ко мне домой.

На кухне Кирилл расстраиваться, что нечего выпить, он становится капризным и заявляет:

- Секса сегодня не будет.

Я настолько сильно чувствую усталость, что даже не утруждаю себя показаться огорченной:

- Не будет, так не будет. Давай спать.

Мы ложимся в постель, и Кирилл обнимает меня, он кладет руку мне на грудь и в полупьяном-полусонном бреду шепчет:

- Между прочим, я люблю тебя.
- Это взаимно, - шепчу я в ответ, и сама ужасаюсь, как просто мне даются эти слова.
- Приходи в субботу ко мне, - бормочет он.
- У тебя уезжают родители? – удивляюсь я.
- Почему уезжают? Они будут дома, я хочу вас познакомить, - бормочет Кирилл и проваливается в пьяный сон.

Я не сплю какое-то время, после его слов сон никак не хочет ко мне приходиться. Знакомиться с родителями? Зачем? Я никогда не знакомилась с отцами и матерями своих кавалеров, что за пережитки прошлого? Все эти чопорные знакомства, церемонии, расспросы, салаты в хрустальной посуде. Господи, за что мне это всё? А потом я вспоминаю, какой завтра предстоит мне день. Свадьба, мой брат, опустившийся до пива по 89 рублей за полтора литра, его толстая деревенская невеста, моя мать с неизменно недовольным выражением лица. Как она отреагирует, если я скажу ей про Кирилла, про то, что он хочет познакомить меня с родителями? Вот эта будет хохма. Вот это будет шоу. Я смеюсь, представляя ее удивленное и одновременно расстроенное лицо. А затем, наконец, засыпаю.

Пятница. Раннее утро, а у меня уже похмелье. Я стою на платформе в ожидании Святейших Родителей. В голове - гул, в ушах - стук, во рту – кошачий туалет. Меня слегка потряхивает. Ох уж это российское крафтовое пиво, и что они туда добавляют? Состояние такое, что уж лучше бы вчера водку пила.

Пробуждение далось мне с трудом. Кирилл собрался по-солдатски, за считанные минуты, провел сухими губами по моей щеке и был таков. Чуть позже я получаю от него сообщение: «Какого хрена мы так напились вчера?». Затем еще одно: «Я умираю, мне так плохо, а еще работать». Он бомбардирует меня смс с нытьем и сожалением о вчерашнем вечере. Я не могу этого понять. Дело сделано, у нас нет машины времени, чтобы вернуться в прошлое и всё исправить, какого черта мусолить одно и то же? Самой мне едва ли лучше, чем Кириллу. Руки дрожат, фиолетовые мешки под глазами удалось замазать, красная помада немного освежает внешний вид, но только баночка пива освежит меня изнутри, наполнит мое тело жизнью, вернет надежду в мою ссохшуюся душу. Всего-то одна баночка пива и можно жить! Но ее-то мне не видать, по крайней мере, пока. Я жду родителей и переминаюсь с ноги на ногу. Под пуховиком на мне нарядное платье, и холодный воздух пробирается под него, щекочет ляжки и забирает

последние шансы согреться. Похмельная рвота катается от горла до желудка, устраивает американские горки в моих кишках, бурлит и клокочет. Я готова многое отдать, чтобы оказаться дома, под одеялом. От мысли, какой день меня ждет впереди, становится только хуже. Разве нормальные люди будут жениться в ноябре? С чего вдруг такая спешка, почему бы не дождаться апреля и расписаться на Красную горку? Может, толстуха, наконец-то, залетела, и я скоро стану тетей. Но от моего братца родить она сможет разве что пластиковую баклажку пива «Охота крепкое».

Первый брак моего дражайшего родственника закончился пять лет назад, и причиной тому послужило его беспробудное пьянство. Когда он являлся домой «под градусом», то становился агрессивным при виде расстроенного лица супруги и гневной физиономии тещи. Слово за слово и разрастался скандал. Однажды, когда аргументы в защиту Бахуса исчерпали себя, братишка перешел от слов к делу и ударил жену пару раз о дверной косяк. Его выставили вон из супружеской обители без права быть прощенным. Некоторое время Женя жил в отчем доме, топил тоску в дешевом пиве и от отчаяния потраховивал толстую бабенку из бухгалтерии. Он не успел толком протрезветь, как эта девица переехала к нему на диван на постоянной основе, привезла спортивную сумку со своими вещами и познакомилась с родителями, - так сказать, вошла в семью. Пять лет братец сопротивлялся платить госпошлину, чтобы узаконить эти отношения, но все-таки сдался. Оно и понятно. Мы не молодеем, годы берут свое, а она моложе его на двенадцать лет, всегда рядом, что ни продохнуть, ни перднуть без нее уже невозможно. Схватила крепкой хваткой и не собиралась отпускать. Надо отметить, сокровище ей досталось еще то. Брат не был приятным парнем, к сорока успел обрюзгнуть и облысеть. Работал двадцать лет на одном и том же месте, с одной и той же зарплатой, продолжал пьянствовать и их совместная жизнь быстро вошла в знакомую для него колею: от скандала до скандала. Когда мне звонит мать, и заходит разговор про Евгения, я неизменно интересуюсь:

- Он еще не начал поколачивать Ленку?
- Пока держится, - отвечает мать.

Но что творится за закрытыми дверьми их запущенной квартиры в Нахабино, знают только эти двое. Ленка, шумная, смеющаяся без повода баба, с бровками-ниточками и крашенными в ярко-рыжий цвет волосами, меня пугает. Я не понимаю, как можно в неполные тридцать так наплевательски к себе относиться. От встречи к встрече я замечаю, как растут ее жопа и живот. Да так, что пару раз она казалась мне беременной, и я уж было хотела натянуть нечто подобие улыбки и поздравить ее. Однако, это были жир и газы от чрезмерного увлечения тяжелой пищей.

И эти люди решают создать ячейку общества! Вот так семейка! Меня колотит бодун, и настроение катастрофически падает. В руке я сжимаю билет на электричку и молюсь, чтобы как можно поскорее и без тяжких последствий пережить сей счастливый день. В кармане вибрирует телефон, очередное сообщение от Кирилла: «Зачем столько пить? Я умру сегодня». Он меня раздражает. Соберись, ну же. Я отвечаю: «Пей больше воды, сделай себе чай». Он присылает двадцать грустных смайлов. Я убираю телефон обратно в карман. У меня нет моральных сил, чтобы выносить его нытье, писать какие-то одобряющие фразы, поддерживать и сожалеть. Кто бы меня пожалел.

И вот на платформе появляются мои родители. Оба с большими букетами роз. Оба при параде. Отец в костюме и дубленке. Мать в платье и шубе. Она даже накрасила губы, хотя в обычной жизни почти никогда не пользуется декоративной косметикой. Вместо приветствия отец едва заметно кивает головой и говорит:

- Ты еще больше похудела, совсем как из концлагеря!

Мать качает головой:

- Неважно выглядишь.
- Ага, и вам доброе утро, - отвечаю я нагловатым тоном.

Отец отправляется в кассы, чтобы купить билеты, и я предупреждаю, что у меня уже есть. Пока он стоит в очереди, мать передает мне букет:

- Вот, поздравить невесту.
- Хорошо, - соглашаюсь я, и мне становится смешно при слове «невеста».

Мать молчит, сурово разглядывая меня, ее брови хмурятся все больше и больше. Родители и сами выглядят неважно – постарели, седина уже тронула их головы, я замечаю новые морщины там, где еще полгода назад их не было и в помине. Им обоим слегка за шестьдесят, и я выше их уже на целую голову, хотя раньше смотрела на них снизу вверх. Ссохлись, согнулись. Но характеры остались прежними.

- А почему выбрали этот ЗАГС? Могли бы в Москве расписаться, - спрашиваю я, чтобы не дать возможность матери задать мне какой-нибудь неприятный вопрос.
- Так Женя решил. Им ближе к дому, потом все на лимузине поедem кататься, потом ресторан. Я не вмешивалась в их дела, они все решали сами, - мать поджимает губы.

Первую свадьбу брата она устраивала от и до. Ресторан, ЗАГС, программа развлечений, тамада и меню, - этим занималась мама. Гуляла вся деревенская родня, и все были довольны. Все, кроме самой невесты, которой, наверное, хотелось чего-то более молодежного и современного, нежели смотреть, как напивается наш дядя-алкоголик из села, а его жена лопаet шарики своей необъятной задницей, участвуя в очередном маразматическом конкурсе.

- Надеюсь, в этот раз обойдется без выкупа и фантов? – я вспоминаю с содроганием, как мне выпало задание станцевать вприсядку.

Мать машет на меня рукой:

- Какой еще выкуп! Он же не первый раз женится, сейчас всё скромнее, распишутся да в ресторан.

Я успокаиваюсь. Мне хочется побыстрее оказаться за столом и поправить здоровье. Возвращается с билетами отец, в это время к платформе подходит электричка, и папа нервно кричит нам:

- Садимся, садимся, чего вы стоите, как два столба!

И я понимаю, насколько он напряжен и взвинчен. Отец терпеть не может собрания родни, особенно по радостному поводу. Только на похоронах своей матери он был спокоен и даже не оскандалился.

Мы садимся в вонючий выхоложенный вагон, и электричка везет нас туда, куда я не хочу. От запахов, несущихся из тамбура, меня начинает подташнивать. Чтобы скрыть сей конфуз, я зарываюсь лицом в букет темно-красных роз и говорю:

- Красивые цветочки.

- Это отец выбирал, - равнодушно отвечает мать.

В кармане вновь тренькает телефон, но я не хочу читать сообщение при родителях. Да и что хорошего я там прочту? Мне нужно сосредоточиться, собрать все силы для этого дня. За окном мелькают серые, разваливающиеся и покосившиеся заборы. Гаражи с похабными граффити. Линии электропередач с обвислыми проводами. Небо заволакивает свинцовыми тучами, кажется, скоро пойдет снег.

- Странный выбор – жениться в ноябре, - говорю я, чтобы развеять тягостное молчание.

Мать пожимает плечами:

- Уж как решили, я тоже думаю, что могли бы и потерпеть до весны. Но Ленке невтерпеж. И так ждала пять лет.

- Могла бы еще полгода подождать, - замечает отец.

Мать вновь пожимает плечами:

- Это уже их дело.

- А, может, она беременна? – интересуюсь я.

Отец фыркает, мама отрицательно качает головой:

- Нет, точно нет. Мы были у них в гостях на той неделе, и она пила красное вино.

При упоминании «красного вина» мой желудок скручивается в трубочку и стонет. Я глубже зарываюсь в розы и прикрываю глаза. Вина не хочется, хочется пива и какой-нибудь вредной еды вроде чизбургера из фастфудной забегаловки. «Ох, Катя-Катя, - думаю я про себя, - когда же ты поумнеешь». По вагону проходит худой парень с взлохмаченными кудрявыми волосами в потертой кожаной куртке. Он держит гитару наперевес как автомат, и я жду, что он вот-вот начнет стрелять в пассажиров каверами рок-песен, скорее всего, что-нибудь из репертуара группы «Чиж» или «Чайф». Почему-то всегда это оказывается «Чайф». Но парень цинично осматривает редких попутчиков, - в вагоне, кроме меня и родителей, всего-навсего пара человек. Попрошайка корчит недовольную мину и молча проходит сквозь наш вагон. Мы не достойны, чтобы наслаждаться его искусством. Через хлопающую дверь тамбура я слышу, как в соседнем вагоне зазвучали аккорды «Никто не услышит». Мои виски пульсируют, в желудке вновь начинается борьба. Я бледнею и, кажется, начинаю медленно умирать.

Отец отвлекается от проносящихся мимо пейзажей и вдруг спрашивает:

- Мацуева знаешь?
- Знаю, - буркаю я. Мне не до его глупых шуток.
- Я имею в виду лично, - ухмыляется папаша.
- Да, - нагло вру я назло ему.

Отец с недовольным видом отворачивается к мутному окну. Ему хотелось унижить меня очередным несмешным выпадом, но я уже знаю наперед, что у него на уме. Атака срывается. Он молчит некоторое время, придумывая, как выйти из диалога победителем, и все-таки продолжает:

- Тогда что ж твой Мацуев не возьмет тебя в свой оркестр?
- В оркестре хватает и одного пианиста.
- А он не дирижер разве? – косит под дурака отец.
- Мацуев – пианист, даже я это знаю, - встречается в наш разговор мать.

Отец фыркает:

- Я имел в виду Гергиева. Мацуев, Гергиев - все они на один лад, - ворчит он и, высоко задрвав подбородок, снова смотрит за окно.

Мы переглядываемся с матерью, и она тяжело вздыхает, закатывая глаза.

Пока отец занят разглядыванием деревенских кособоких домишков и унылых хрущевок, мать прижимает мой локоть к себе, наклоняется к уху и шепчет:

- Не обращай внимания, он с утра сам не свой.
- А, по-моему, как раз в обычном своем настроении, - говорю я.
- Да эта свадьба не дает ему покоя. Он не хотел ехать, а теперь нервничает.
- Выпьет и развеселится, - отвечаю я.
- Как бы скандала не устроил, - беспокоится мать.

Я пожимаю плечами. От отца можно ожидать, чего угодно. Он – человек настроения, причем переменчивого, как скандинавская погода. То улыбается, а то и на хер может послать в следующую секунду. Мы-то привыкли, а вот другие люди пугаются. Но мне нет дела до остальных гостей на свадьбе века, мне бы не умереть сегодня там, над майонезными салатами и мясом по-французски. Смерть на свадьбе – это все-таки не прилично, и я не настолько уж терпеть не могу своего брата, чтобы устроить ему такую подлянку. Как ни крути, родная кровь, чтоб ее.

Мы выходим на унылой платформе. С неба сыплется то ли снег, то ли дождь.

Я трогаю свои уложенные волосы и немного переживаю за прическу. Все-таки мне не все равно, как я буду выглядеть на фотоснимках. Вдруг это мои последние кадры в жизни, а на голове чума и мочало. Я спрашиваю у матери:

- Как прическа?

Она пожимает плечами:

- Нормально вроде.

Ее ответ меня удовлетворяет. Мы спускаемся по разбитым ступенькам и идем мимо однотипных серых многоэтажек. Я не верю, что приехала на свадьбу. Атмосфера напоминает скорее посещение больного дедушки в

подмосковном хосписе. Какая-то отчаянная тоска. От нечего делать я достаю телефон и читаю сообщения Кирилла. Среди нытья от него есть и такое послание: «Уже бухнула?». Я решаю ответить и быстро набираю текст большим пальцем: «Пока нет, но очень хочется. Я в Нахабино». Убираю телефон обратно в карман под недовольным взглядом матери. Она не терпит, когда происходит что-то, что она не может контролировать, например, прочитать мои сообщения. Когда я жила с родителями, мать каждый день, пока меня не было дома, устраивала рейд по комнате, проверяла все мои записи, карманы каждой куртки и каждого пиджака, шерстила по всем ящикам. Ей бы работать в исправительном учреждении, у нее талант к обыскам. А потом этот человек еще спрашивает, почему между нами нет доверия. Смешно.

Отец держится от нас в стороне, он вышагивает гордо и медленно, как генерал на параде, всем своим видом показывая, что сюда его занесло случайно, по какому-то нелепому недоразумению. И вот-вот приедет черная ведомственная иномарка, чтобы поскорее забрать из этой клоаки его персону, уважаемую и несомненно влиятельную.

Около ЗАГСа нас ждут ранние гости – мой дядя, закодированный алкоголик с двадцатилетним стажем, и его дочь, моя двоюродная сестра, маленькая, худенькая и злобная девушка с большим лбом и пластмассовыми ногтями. Она едва достает мне до груди, и вместе мы смотримся комично. Я вспоминаю детскую обзывалку про карандаш тупой и острый, и невольно улыбаюсь сама себе. Настя воспринимает мою улыбку как приветствие и растягивает свои тонкие губы в ответную гримасу. Получается жалко. Я киваю дяде. Он тут же жметя к своей сестре, то есть моей матери, и жалуется:

- Ждем уже двадцать минут! Они вообще приедут или нет? Обещали оливье и блины с икрой. Жрать хочется уже.
- Пап, - одергивает его Настя.

Мама добродушно смеется, она обожает своего брата-неудачника и относится к нему, как к большому больному ребенку:

- Потерпи уж, будет тебе и оливье, и блины с икрой. Сейчас молодые оденутся и приедут. Им тут ехать-то минут десять.
- Может, Андрюхе еще и водочки охота, - подмигивает мой отец, обращаясь к дяде.

Фраза получается злой, и дядя обиженно отходит в сторону. Мать презрительно говорит отцу:

- Зачем ты его провоцируешь? Ты же знаешь, что ему нельзя.
- Ну ради такого дела-то! – продолжает юродствовать отец.
- Ради любого дела, - жестко бросает мать и подходит к своему брату.

Они о чем-то шушукаются. Мне холодно и скучно. Возле ЗАГСа огромная грязная лужа, в которой плавают блестящие розовые сердечки. Голые деревья и серые облака отражаются в ней. От нечего делать я интересуюсь у Насти:

- Ну, как дела?
- Нормально, - равнодушно отвечает она и смотрит куда-то в сторону.

Я знаю, что мне она не задаст даже из вежливости подобного вопроса, поэтому говорю:

- У меня тоже.

Настя едва заметно кивает головой. Мы с ней объединены одним желанием: поскорее убраться отсюда. Ноябрьская морось пробирается к животу, и я чувствую, как леденеют мои ноги. «Только бы не заболеть, - думаю я, - вот только этого не хватало».

В молчании мы мнемся перед ЗАГСом, и я громко спрашиваю у матери:

- А что, внутрь нельзя пройти?

Мать пожимает плечами. Отец произносит:

- Там небось еще закрыто.

И в этот момент двери госучреждения распахиваются, и из них выступает на свет божий эффектная дама, - полная, с величественной грудью восьмого

размера, необъятной жопой, облаченная в длинное малиновое пальто с отливом и расцветкой под змеиную кожу. По ее двухэтажному начесу я понимаю: это сотрудница ЗАГСа. Родители почтительно расступаются перед дамой, от нее веет дешевыми цветочными духами, микояновской колбасой и скверным характером. Мы смотрим замороженно ей вслед, пока она удаляется в сторону продуктового магазина. Первая прихожу в себя я, видимо, бодун все-таки притупляет благоговение даже перед лицами власть имущими.

- Я пойду внутрь, - заявляю я, - замерзла уже.

Дядя нерешительно мнетя с ноги на ногу и жалобно смотрит на мою мать:

- Может, тоже пойдем? – робко спрашивает он.

Мать видит его красный замерзший нос и выносит вердикт:

- Ну, давайте зайдем. Не потеряют же нас молодые.

И мы вальяжно заходим внутрь. Я греюсь около гардероба и посмеиваюсь про себя. Каждый раз при слове «молодые» перед глазами встает оплывшее пастозное лицо Жени с огромными набухшими мешками под глазами и глубокими залысинами. Жених! Молодой! Меня разбирает злой смех. С похмелья я не могу контролировать присущую мне жестокость, а среди родственников мои внутренние демоны так и рвутся наружу.

- Во сколько роспись? – спрашивает отец, он начинает нервничать, незнакомая обстановка, предстоящее знакомство с новой родней, близость торжества, - это всё действует на него как один большой раздражитель. И я гадаю, когда отец съедет с катушек.

Его вопрос так и остается без ответа, - прибывают новые гости, и мать обращает все свое внимание на них. В вестибюле появляется пожилая пара, муж и жена, похожие друг на друга как две навозные лепешки. Они оба небольшого роста, оба толстенные, крепко сбитые, широколицые и улыбчивые. Мать кидается к ним с объятиями, и я догадываюсь, что передо мной родители невесты. От них так и веет деревней. Усатый муж смахивает на тракториста, а щекастая жена – на доярку. Я замечаю, что на матери

невесты слишком узкое для ее габаритов платье, а на отце – мешковатый костюм, который явно ему велик. Печаль-тоска съедает мое сердце. Еще даже нет полудня, а я уже устала от всего этого балагана.

Мой папаша даже не соизволит выдавить из себя улыбку. Он холодно здоровается с будущей кумой и резко жмет руку будущему куму.

- Ну где же молодые? – спрашивает мать невесты, я не помню ее имени и не хочу спрашивать его у своих родителей. Эта абсолютно мне не нужная информация.
- Скоро приедут, - обнадеживающе отвечает моя мать.
- Может, им позвонить? – предлагает отец невесты, и тут же, не дожидаясь одобрения жены, достает телефон и набирает номер.

Начинается непонятный бабий галдеж. Обе матери словно сходят с ума, причем одновременно:

- Ой да не надо беспокоить, там у них, наверное, суета, им не до звонков! Пусть спокойной собираются! Да что мы не подождем что ли! – наперебой кричат они. Опешивший отец невесты быстренько убирает телефон обратно в карман пиджака, больше похожего на раскрывшийся парашют.

В неожиданно наступившей тишине слышится вкрадчивый голос моего папаши:

- Конечно, подождем. Пять лет ждали, значит и пару часов продержимся.

Шутка никому не кажется смешной, кроме меня. Я неопределенно крякаю, прикрыв рот рукой. У мамы сверкают глаза. Родители невесты смущенно улыбаются.

Тем временем подходят остальные гости. Я никого не знаю, но рассматриваю их без особого интереса. Мне голодно, скучно и хочется выпить. Я почти готова рухнуть в обморок, но рамки приличия поддерживают меня в вертикальном положении.

К нам присоединяются три подружки невесты. Две из них страдают крайней степенью ожирения, и Настя невольно жметя ко мне. Мы переглядываемся с ней, и я шепчу:

- Вот это туши!
- Зато на их фоне Ленка будет выглядеть стройнее, - ехидно говорит Настя. Мы тихо хихикаем.

Третья врывается в ЗАГС, как моряк в портовый бордель, - нахраписто и шумно. С громким смехом, присущим б*****, с какими-то шутками, которые она рассказывает взхлеб, и никто не понимает ни слова. Я отмечаю ее нос-сливу, кривые ножки и небольшое пузико, как бы нарочито подчеркнутое платьем-водолазкой. Ее посеченные волосенки закручены в жидкие кудри. Девушка бежит от гостя к гостю и представляется:

- Марина, подружка невесты, ахаха.

Она даже не смеется, а гогочет.

- А я так хотела выкуп! Ну почему без выкупа? Это так весело! Блин, ну где Ленка? Кабан, - обращается она к одной из толстух, - ну где Ленка?

Я закатываю глаза. Вот она – моя головная боль. Этот хорохорящийся перестарок с дешевыми браслетами и колготками в зацепках еще достанет меня сегодня, я это чувствую интуитивно. Кабан в ответ жмет плечами и надувает щеки. Марина негодует и требовательно спрашивает у моей матери:

- Свекровь, а вы чего не захотели выкуп? Как у всех людей. Все-таки традиция, я бы конкурсы подготовила, помучила вашего сынишку, - продолжает гоготать она.

Я не могу оторваться от ее рта с длинными желтыми зубами. Их так много, кажется будто бы в два раза больше нормы. Марина меня пугает, я прячусь за столб в вестибюле и не хочу уже ничего. Матери, конечно же, не нравится эта шумная бабенка. Ей претит обращение «свекровь» и вообще вся эта фамильярность. Мать дергает головой и отвечает спокойным холодным тоном:

- Организацией занимались молодые. Как они захотели, так и будет.

- Тем более у жениха уже был выкуп, - язвительно замечает мой отец, намекая на первый брак Жени, - а потом и откуп.

Мне опять смешно, и я опять кричаю в ладошку. Не то, чтобы мой отец был для меня эталоном комика, эдакий Джордж Карлин местного разлива, но иногда его жестокие шутки приходились аккурат к месту, особенно, если они не касались моей персоны. Пыл Марины слегка остужают ответы моих родителей, и она отходит в сторону, чтобы досаждать толстухам. Те разодеты ни дать ни взять в занавески из тюля. Кружева делают их жопы еще огромнее. Рыхлые груди вываливаются из преступно глубоких декольте. Я вижу их растяжки и синие вены, и ежусь внутри своего пуховика. Настя прижимается почти вплотную ко мне и шепчет:

- У них целлюлит на руках? Ты видела? Ты это видела?

Мы, две тощие селедки, держимся вместе. Я в ужасе киваю головой. Мне уже жарко, но я боюсь снимать пуховик. Он как моя броня и защита от взглядов этих свиноматок. Нет, я все понимаю, нынче модный бодипозитив, модели размера плюс, и прочие революционные новшества. Каждый имеет право быть таким, какой он есть. Но для моей психики это все чересчур. Особенно тот факт, что у относительно молодой девушки есть прозвище, и это прозвище – Кабан. И она на него откликается! Простите, я отказываюсь это понимать.

Наконец, подтягиваются последние гости. Наконец, это молодые люди. Трое ребят в немодных дешевых костюмах, и еще один, в красном галстуке, с нагловатой ухмылкой на губах. Я отчего-то сразу понимаю, что этот – не приятель Жени, разные они совсем люди. Скорее брат мог пригласить этого типчика ради какой-то выгоды, или потому что не мог не пригласить. Я безразлично скольжу взглядом по вновь пришедшим.

Один – невысокого роста худой блондин с лицом пятнадцатилетнего дегенерата в очках без правы, которые портят его внешность, хотя кажется и так, хуже некуда.

Второй – типичный работяга с багровым лицом, испещренным оспинами. Он забавно стесняется и прячет глаза, будто бы впервые в своей жизни увидел порнофильм.

Третий – самый молодой, и на безрыбье, пожалуй, самый симпатичный. Высокий брюнет с ямочками на щеках. На вид ему от силы двадцать пять. Он вежливо улыбается всем и никому, погруженный в свои мысли. Кажется, во мне открывается дар телепатии. Я знаю, о чем думает брюнет: «Как бы поскорее свалить отсюда». Я сочувствую ему.

И, наконец, тот, четвертый, с сытым и наглым выражением лица. Он старше остальных, и на его пальце я замечаю тонкое обручальное кольцо. Воротник его сорочки хорошо отглажен, щеки гладко выбриты. Над поясом свисает небольшой живот. Ему лет тридцать пять. Он ведет себя излишне самоуверенно, как бы стараясь в очередной раз подтвердить свой статус альфа-самца.

Словно бы в ответ на мои размышления о гостях, мать в полголоса говорит:

- А этот – Женин начальник, Егор, - и кивает в сторону четвертого.

Всё встает на свои места, и я поражаюсь собственной проницательности.

Шилопопистая подруга Марина так и увивается вокруг начальника Егора. Она гогочет, задирая свою голову так высоко, что можно пересчитать пломбы в ее зубах. Толстые девки заискивающе лыбятся, признавая заранее свое поражение в пользу Марины. Моя мать оттаскивает в сторону Настю и дает ей свои наставления:

- Смотри, сколько женихов, не уппусти момент!
- Ну, тетя Валь, у меня есть парень, - капризным и писклявым голосом отвечает Настя.

Я не выдерживаю обыденности происходящего и дергаю мать за рукав:

- Во сколько церемония-то? Где главные герои?
- В десять, я же тебе говорила, - недовольно буркает она.

На моем телефоне уже пять минут одиннадцатого, но молодых пока нет. На мгновение я переношусь в мир своих фантазий. Вот был бы скандалец, если

бы они передумали! Например, накануне Евгений безобразно напился и, наконец-то, дав волю истинным чувствам, побил Ленку. Или они поругались утром, когда та не смогла влезть в свадебное платье... Да что угодно могло произойти! И не будет никакой росписи, никаких увеселительных поездок по Нахабино. И не надо весь день тратить на пластмассовые улыбки. И можно поехать домой первой же электричкой, выпить пару пива и лечь спать. Боже, какое блаженство!

Но тут, как бывает в страшной сказке, двери ЗАГСа распахиваются, и на пороге появляются жених и невеста.

На фоне своей избранницы брат выглядит даже презентабельно. На нем темно-серый шерстяной костюм, который удачно скрывает выращенное на российском пиве пузо. Белая рубашка однозначно ему к лицу, а голубой галстук подчеркивает цвет глаз. Однако, лысину не скроешь, увы, никакой одеждой. За то время, что мы не виделись, брат стремительно облысел, и форма его головы теперь напоминает куриное яйцо. Мне понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя и улыбнуться. Я подхожу ближе, мы обнимаемся. Воссоединение семейства. Брат рассеянно улыбается в ответ, возможно, он сперва не узнает меня, его мысли заняты предстоящим окольцеванием. Как любой мужик, он боится всех этих росписей и печатей, но его уже прижали к ногтю, как блоху, и с этого корабля бежать ему некуда.

С замиранием сердца я разглядываю наряд невесты. Мне кажется, будто Ленка сбежала из табора. На ней кричаще дешевое и вульгарное красное платье в пол, расшитое пайетками и бордовым бисером. Я не верю своим глазам. Неужели я, наконец, допилась до белочки? Быть может, это видение, посетившее меня в момент жестокого бодуна? Но нет, это всё на самом деле. Реальность хуже любого кошмара. Красное платье обтягивает целлюлитные формы невесты, подчеркивая без исключения каждую жировую складку на ее грандиозном теле. Конечно, Ленке далеко до Кабана, но все-таки третий подбородок в неполные тридцать... Это пугает. Я отмечаю наращённые ресницы и челку, утром накрученную на бигуди и опрысканную лаком до

состояния старой вяленой рыбы. Ленка постоянно улыбается и нервно моргает. Я целую ее в щеку и чувствую исходящий от нее запах кислого пота и сладких духов. Меня вновь мутит. Отец с отвращением смотрит на молодых, его челюсть ходит ходуном туда-сюда, кажется, скоро ждать скандала. Мать замечает, что я еще стою в пуховике и говорит:

- А ты чего не раздеваешься? Мы сейчас уже идем на роспись.

Я обреченно вздыхаю и иду в гардероб. Там уже переодеваются гости, молодые парни. Блондин в очечках радостно улыбается при виде меня:

- А мы, кажется, еще не знакомы! Ты со стороны жениха или невесты?

- Я сестра Жени, - мрачно буркаю я и снимаю пуховик.

Блондин становится еще радостнее, он подхватывает мою верхнюю одежду и отдает ее гардеробщице. «Настоящий джентельмен», - ехидно думаю я.

- Я Леша, - представляется он, - а ты значит Катя.

- Точно, - подтверждаю я его догадку. Я обнаруживаю рядом с собой Настю и выпихиваю ее вперед:

- А это Настя, наша двоюродная сестра.

Но Леша не обращает на нее никакого внимания, он все также глупо улыбается мне:

- А чем ты занимаешься?

- В данный момент присутствую на свадьбе, - отвечаю я.

Блондин подобострастно смеется над моей несмешной шуткой. Он тыкает пальцем в своих друзей и знакомит нас с ними:

- Это Дима (багровые пятна, думаю я про себя). Это Саша (самый молодой, отмечаю я). Мы работаем с Женей вместе. А еще тут есть Егор, но он вроде как свидетель, поэтому сильно занят, - отчего-то смеется Леша.

- Понятно, - мямлю я, - ну мы пойдем.

Я разворачиваюсь, но Леша быстро ориентируется и идет рядом со мной:

- Ты хорошо знаешь Лену? – задает он дурацкий вопрос.

- Да не особо, - хмыкаю я, - не мне же на ней жениться.

- Ну все-таки она теперь часть вашей семьи, - не отстаёт блондин.
- А не пойти ли тебе на х**, уважаемый, - так и хочется ответить ему, но я говорю:
- Да ради бога. Мне не жалко.

Разговор, на мое счастье, заходит в тупик, и Леша возвращается к своим друзьям. Мы поднимаемся на второй этаж и ждем, когда сотрудница ЗАГСа пригласит нас в зал церемоний.

Я вспоминаю, как один раз в своей жизни хотела замуж. И не просто абстрактно, а даже за конкретного человека. Как я представляла нашу свадьбу, где я – в белом платье в стиле двадцатых годов с обручальным кольцом простого дизайна, но непременно с бриллиантом, круглым и сверкающим, пью шампанское в окружении приятелей и приятельниц. Мы в каком-то павильоне на открытом воздухе, и мой новоиспеченный муж то и дело подносит мне бокал за бокалом и иногда пироженку. Играет джазовый оркестр, а в лучшем отеле города нас ждет свадебный люкс. И завтра после полудня мы улетаем в Ирландию. Я зажмуриваю глаза, погружаясь в старые переживания. Жених в смокинге с бело-голубой бутоньеркой, мы улучаем момент и наспех трахаемся в гардеробной среди плащей и курток гостей. Я немного переживаю за внешний вид свадебного платья, ведь я надеюсь передать его потом нашей дочери. Но все мои тревоги оказываются напрасными. Смеясь, мы выходим к гостям, и я смущенно поправляю прическу.

А потом мне стукнуло двадцать лет, и Эминем мне перестал нравиться как мужчина. И все эти мечты о нашей свадьбе остались позади.

Из полусна меня отрывает отец:

- Вот, кто-то уже по второму кругу пошел, а ты все в девках, - подкалывает меня он.
- Такова судьбинушка, - пожимаю я плечами.
- Так и останешься одна, - с довольным видом прорицает он.
- Возможно, - поддакиваю я ему, и папаша вновь уходит ни с чем.

Когда я была маленькая и глупая и хотела, чтобы папочка меня любил, ему легко удавалось доводить меня до слез своими подколами и жестокими шутками. Но то время давно прошло, как и любовь к Эминему. Теперь мне все равно. Особенно, на отца. У Эминема шанс еще есть.

Звучит заезженная запись марша Мендельсона, двери в зал открываются, и нас приглашают на церемонию создания новой семьи. Я оказываюсь в первом ряду вместе с матерью и Настей. У мамы в глазах стоят слезы, и мне становится неловко. Как тогда, когда мы ходили с ней на творческий вечер Игоря Крутого. Ей так понравился концерт, что она прорыдала все два часа выступлений, и еще час после того, как всё, наконец, закончилось.

Гости занимают свои места, и в центре остаются жених и невеста. Необъятная тетка, которую мы уже видели на улице, сотрудница ЗАГСа, произносит торжественную речь. Бла-бла-бла. Мать не выдерживает первой и начинает тихонько всхлипывать. Я держу ее за руку, чтобы она не пустилась в рев. Наверное, мне не дано понять ее переживаний – радостный ли это плач, или горькие рыдания. Что чувствуют матери, когда их единственный сын в сорок лет женится второй раз? Отрывается ли пуповина в этот момент? Разрывает ли душу сердечная боль? Или это просто эмоции пожилой женщины, перенесший климакс?

Когда Женя произносит долгожданное «да», уже начинается всеобщая истерика. Я слышу шмыганье носов со второго ряда, там, где сидит мать невесты. Да и сама Ленка, дрожащим от волнения и переживаний голосом говорит «да», и пускается в самозабвенные рыдания. Я не могу выдавить ни слезинки и, честно говоря, даже не пытаюсь этого сделать. Вся эта кутерьма напоминает мне провинциальный театр, где актеры играют из рук вон плохо, а мне хочется уже поскорее добраться до буфета, чтобы опрокинуть рюмочку армянского коньяка и закусить бутербродом с сырокопчёной колбаской.

Женю и Ленку официально объявляют мужем и женой, и брат тоже, - вот неожиданность, - плачет!

Начинается обычная суэта с поздравлениями, фотографиями, объятьями и поцелуями. Я быстро отделяюсь, прислоняюсь щекой к мокрой щеке брата и бурчу:

- Поздравляю.

Потом тоже самое проделываю с Ленкой и отхожу в сторонку. Щелкают фотоаппараты и смартфоны. Всеобщая радость и ликование. Я выдыхаю с облегчением, как и мать невесты, но поводы у нас разные. Для нее наступает счастливое время, дочь вышла замуж, - жизнь удалась! А для меня наступает время распития шампанского. Я удачно перехватываю пластиковый бокал с розовой шипучкой и делаю большой глоток. Газированная кислота встает комом в горле, и я рефлекторно кривлю лицо. Ну и дерьмо! Но организм просит градус, и я, пересиливая себя, допиваю дешевое игристое до последней капли. Отец предлагает обновить бокал, но я отказываюсь. Еще не хватало умереть от отравления паленым алкоголем. Подожду до лимузина, вдруг там нальют чего получше. Ко мне подходят мать и Настя. У матери красные от слез глаза, она никак не может взять себя в руки. Настя смущена, и я ее понимаю. Мы с ней единственные представительницы женского пола без зареванных физиономий. Мать дергает Настю за рукав и толдычит:

- А Настя тоже пустила слезу!
- Нет, не плакала я, - возражает та.
- А я видела, что ты всплакнула! – упорствует мать.
- Да не плакала я! – грубо отвечает Настя и отворачивается.
- оставь ее в покое, - заступаюсь я за двоюродную сестру, и за это достаиваюсь презрительным взглядом матери.

Настя поспешно отходит от нас к своему отцу. Но он возвращает ее обратно, и тут же интересуется:

- Ну, что теперь? В ресторан?

Мать вытирает глаза бумажным платочком и отрицательно качает головой:

- Нет еще, мы еще поедem гулять. Там какая-то программа у молодых. Женя сам придумывал.

Дядя разочарованно вздыхает:

- Ну вот, а я думал, сейчас уже оливье, наконец, поедим.

Мать неожиданно раздражается, ей не нравится напор младшего брата и то, что никто из нас не разделяет ее сентиментального настроения:

- Да успеешь ты еще пожрать свой оливье! – грозно набрасывается она на брата и отворачивается спиной.

Дядя осекается и бурчит:

- Да я просто... да чего ты, Валь...

Нас зовут фотографироваться у ЗАГСа. Я встаю сбоку, чтобы по возможности не попасть на общее фото. Кто-то вдруг обнимает меня за плечо, я недовольно оборачиваюсь и вижу блондина в очках. Но не успеваю ничего ему высказать, фотограф заставляет надеть улыбки и казаться счастливыми.

После мучительной фотосессии около мутной лужи мы, получив в гардеробе свои вещи, садимся в длинный лимузин. Меня тревожит неизвестность, и я спрашиваю у одной из подружек Ленки:

- А теперь куда?
- Кататься! – дебело улыбаясь, отвечает мне она.

Я усаживаюсь поудобнее и прикрываю глаза. Рано или поздно этот день закончится, - успокаиваю я себя.

Лимузин набивается гостями, мы сидим, плотно прижавшись друг к дружке. Я оказываюсь между матерью и Настей, напротив меня широко улыбается Леша. Подружка невесты Марина гогочет без пауз и виснет на начальнике Егоре. Ее кривенькие ножки то и дело скользят по его брючинам. Марина инициирует пьянку:

- Товарищи! Свадьба в разгаре, а мы еще даже не подшофе! Ну что вы такие все хмурые!
- Поэтому мы и хмурые, - без тени улыбки говорит отец.

Я думаю про себя: «А эта Марина ничего». Благодаря ей, в руках у каждого появляется по бокалу с всё тем же противным игристым. Мы чокаемся и

выпиваем. Марина захватывает внимание Егора и флиртует с ним, как будто торгуется на овощном рынке:

- Ой, ну мог бы и в щечку поцеловать! Не чужие же люди! Не первый раз пьем на брудершафт!

Мать перегибается через меня и шепчет Насте:

- Вон, учись, как надо!

Я говорю:

- Да он же женат вроде.
- Сегодня женат, завтра уже нет, - выдает мать.
- Отличный тост для свадьбы, - отвечаю я, - надо запомнить.

Лимузин тяжело разворачивается на улицах Нахабино, мы едем мимо новостроек и старых панелек. Я отрешенно смотрю в окно, но чувствую на себе взгляд блондина в очках, мне не хочется поворачиваться, не хочется вступать в диалог. Однако, быстро заканчивается пойло, и мне приходится развернуться, чтобы подставить свой бокал под очередную бутылку игристого. Леша ловит мой взгляд и тут же начинает разговор:

- Катя, так чем вы занимаетесь?

Мать задерживает дыхание и внимательно следит за нашим разговором.

Настя тыкает в телефон, расставляя лайки в инстаграме. Я ей завидую.

- Играю в оркестре, - лениво отвечаю я. Третий бокал шипучки действует умиротворяюще, бодун постепенно отпускает, и меня накрывает на старые дрожжи.
- Как интересно! – оживает Леша, - а в каком оркестре? Где вас можно послушать?
- Да можно на ты, - милостиво разрешаю я.
- Где *тебя* можно послушать? - с особой, почти интимной интонацией, переспрашивает он.

Я пожимаю плечами:

- Пока не знаю, первые концерты под Новый год.
- Пригласишь? – наглеет Алексей.

- Пригласит, пригласит! – вмешивается мать, - а вы Настю с собой берите, - тут же суетится она, переживая за будущее племянницы.
- Тетя Валя! – не отрываясь от смартфона, возмущается Настя.
- А что? – натужно смеется мать.

Наш разговор обрывается. Блондин не хочет продолжать его в присутствии моей матери, а я не хочу продолжать в принципе.

Лимузин петляет по дорогам со скоростью хромой бабушки. Марина затягивает песню:

- Парней так много холостых на улицах Саратова!
- Странный репертуар для свадьбы, - вмешивается мать невесты.

Но Марину уже не остановить. От газированного пойла начинает ныть и болеть желудок. Мне снова становится нехорошо, и я мысленно жалею себя.

- А еда есть какая-нибудь? – с надеждой спрашиваю мать.
- Вот да, - поддерживает меня дядя, - хотелось бы уже хоть что-то пожрать.

Наши мольбы слышит отец невесты и кричит дочери:

- Лена! А где пироги? Вы не забыли захватить пироги?

Новоиспеченная жена, заплаканная и счастливая, совсем не хочет думать про какие-то там пироги, она то и дело обнимает Евгения и что-то шепчет ему на ухо. Однако, брат отпихивает ее и кричит тестю в ответ:

- Взяли! Взяли! Ленка, чего расселась, люди жрать уже хотят, пока мы до ресторана доедем!

Откуда-то из-под юбок подружек невесты появляются коробки с пирогами. Я думаю: «Только бы не с яйцами и рисом». Мне достается пирог с капустой, и я успокаиваюсь. Блондин наклоняется ко мне и вежливо говорит:

- Приятного аппетита.
- Хм, спасибо, - отвечаю я.
- Вкусно? – беспокоится он так, будто бы сам пек эти пироги.
- Нормально, - безразлично отзываюсь я.

Дорога начинает казаться веселее. Все едят пироги и запивают их игристым.

Марина поет:

- На Тихорецкую состав отправится! Вагончик тронется! Перрон останется!

Леша заботливо говорит нам с Настей:

- Девушки, вы особенно не налегайте на выпивку. Мы сейчас едем на пивоваренный завод, там будем тоже выпивать.

Настя натянуто улыбается в ответ, я от скуки спрашиваю:

- А что ты так волнуешься о нашем здоровье?
- Я просто надеюсь еще пообщаться и потанцевать. Как ты относишься к танцам? – клянусь мизинцем, Леша мне подмигивает при этих словах.

Подмигивает, как в дурной комедии. Меня смешит эта ситуация, и я отвечаю:

- Терпеть не могу танцы.

Блондин заметно расстраивается, но не отчаивается:

- Это ты со мной еще не танцевала.
- А вы с Настей потанцуйте! – вновь мать вмешивается в разговор.
- Тетя Валя! – сразу же следует реплика Насти.

Я хохочу. И вдруг думаю, что на самом деле не отказалась бы потанцевать. Не обязательно с блондином, а просто так, глупо и пьяно подрыгаться на танцполе. Меня начинает забирать русская свадьба. Хочется отпустить себя и почувствовать то, что в данный момент чувствует Марина. Она успешно усаживается на коленки Егора, ее платье неприлично задирается, и все успевают заметить, что на ней черные кружевные трусы. Мой отец грустно вздыхает и отворачивается к окну. У него, наверное, лет двадцать не было секса.

Среди родни я забываю о том, кто я, как я живу, что у меня есть совершенно другая, своя жизнь. Здесь я опять маленькая девочка, дочь своих родителей, сестра своего брата. Мне неуютно, я хочу сбежать. Но из лимузина, набитого полупьяными людьми, не так уж и просто выбраться. Звонкий голос Марины

пробирает до печенки, и я понимаю, что мне остается только одно – нажраться до зеленых пузырей.

По стеклу бьют мелкие капли дождя, мы медленно катим между новостройками и панельными хрущевками. Тоска берет за сердце, и хочется грустить. Я размышляю, будет ли уместным сейчас достать плеер и послушать пару песен «Агаты Кристи», бросаю украдкой взгляд на мать и понимаю, что она не позволит мне даже на пять минут выпасть из этого безудержного свадебного веселья.

Игривое делает свое дело, и я начинаю хотеть в туалет. Ерзаю по сидению туда-сюда и спрашиваю, как капризный барчук:

- Когда мы приедем-то?

Мать пожимает плечами:

- А тебе-то что? – равнодушно спрашивает она, - сиди, пей, ешь пироги и наслаждайся.

- Я в туалет хочу, - обиженно говорю я, как будто в этом виновата лично она.

Мать поджимает губы:

- Ну я тоже хочу, и что дальше?

Я отворачиваюсь от нее. Как всегда, никакого сочувствия. Дешевый алкоголь ударят мне в голову, и я игриво улыбаюсь Алексею. От неожиданности моих действий он забавно смущается и краснеет.

- Катерина, - мило обращается он ко мне, - обещай мне сегодня танец.

- Ну, хорошо, - соглашусь я, - обещаю.

Блондин довольно улыбается и перемигивается с приятелями. Настя пихает меня в бок локтем и делает огромные глаза.

- Да ладно, - отмахиваюсь я, - к вечеру я уже напьюсь, какие тут танцы, - в полголоса говорю я ей.

Настя неодобрительно качает головой, но тут же утыкается обратно в телефон. Краем глаза я замечаю открытую страницу Вконтакте. Меня нет в

социальных сетях, и я, кажется, впервые жалею об этом. Вот как еще убить время в этой гребаной машине счастья?

Малая нужда вскоре скручивает меня в морской узел. Я практически складываюсь пополам и хватаю мать за коленку.

- Прекрати, что ты делаешь, - шипит мать на меня.
- Мне плохо, я сейчас умру, - канючу я, - сколько можно тащиться?

Отец чувствует назревающий скандал и тут же обращает на меня свое внимание:

- Что такое? Ее тошнит? – спрашивает он у матери.
- Она хочет в туалет, спроси, когда мы приедем, - нервно отвечает мать.

Но отец ни у кого ничего не спрашивает, он только пялится на меня в ожидании конфуза. К счастью, это придает мне сил для подавления природных сигналов, и я, взяв себя в руки и укротив на несколько минут мочевого пузыря, расправляю плечи и нарочито широко улыбаюсь всем окружающим. Отец хватает початую бутылку игристого и интересуется у меня:

- Шампанского?
- У меня еще есть, - машу я полупустым бокалом.
- И все же, позволь обновить, - ехидно говорит он и наливает мне до краев.

Я терплю и растягиваю губы в подобие улыбки. Думаю про себя: «Ну подожди, сволочь, на твоих похоронах я зальюсь французским шампанским и обоссу тебе весь гроб».

Неожиданно резко лимузин тормозит. И я проливаю немного игристого на пол, но даже не смущаюсь этого.

- Приехали? – громко спрашивает Марина.
- Сейчас будет небольшая фотосессия в парке! – орет Ленка.

Гуськом мы выходим из автомобиля. Под мелким дождем гости невольно ежатся и хмурятся. Серое небо, грязные лужи, облысевший ноябрьский парк, - вот что вам нужно для удачной свадебной фотосессии.

Начальник Егор выступает в роли фотографа и ведет молодых куда-то вглубь унылой местности. Я переминаюсь с ноги на ногу. У меня возникает шальная мысль отойти в кусты, но листья с них уже опали, и меня будет видно со всех сторон. Следующая моя идея кажется мне гениальной. Пока гости наслаждаются моросью и по-зимнему холодным ветром, я отзываю в сторону Настю и шепчу ей заговорщицким тоном:

- Покарауль лимузин, пока я там буду.
- Это еще зачем? – удивляется она.
- Так надо, это вопрос жизни и смерти. Скажи, что я там переодеваюсь или еще что, только чтобы никто не заходил.

Настя задумывается на минутку, но ей смертельно скучно и хочется чего-то эдакого, поэтому она быстро соглашается. Я залезаю обратно в теплый салон, а она остается на шухере. Действовать нужно стремительно.

На полу валяются пустые бутылки из-под игристого. Я хватаю первую попавшуюся, забиваюсь в дальний угол и стягиваю с себя колготки. Мочевой пузырь руководит мной, он шепчет:

- Быстрее! Быстрее! Я еле терплю!

Я спускаю трусики, аккуратно подношу бутылку и, наконец, справляю малую нужду. Облегчение наступает не сразу, - слишком долго я ждала этой минуты. Подле двери автомобиля то и дело кто-то проходит, раздаются голоса гостей. Я слышу, как Настя отвечает моей матери, что я где-то по близости. Наконец, дело сделано.

Я наспех натягиваю обратно трусы и колготки, в дверь кто-то ломится, и не успев придумать ничего подходящего, я ставлю наполненную моей мочой бутылку обратно в автомобильный бар. На моих руках остаются несколько капель мочи, и я вытираю их о первые попавшиеся вещи, - красное меховое манто невесты, опрометчиво забытое ею в лимузине. На красном не видно желтых следов моего преступления. Как только я сажусь в непринужденной позе на сидение лимузина, в салон заглядывает мой отец:

- А ты чего тут? Греешься?

- Греюсь, - киваю я, лениво потягиваясь.

Мне становится невероятно хорошо. Теперь можно кататься хоть до второго пришествия. Фотосессии, пивоваренные заводы, ЗАГСы, рестораны – я готова ко всем испытаниям. Это называется блаженство.

Отец пропихивается ко мне и за ним залезает Настя. У нее фиолетовые губы.

- Ты совсем замерзла, - говорю я очевидную вещь.

Настя пожимает плечами и садится со мной рядом. Отец открывает дверцы бара и говорит:

- Тут шампанским дело не исправишь, может, у них есть что по существеннее?

Я тут же оживаю. Мы, словно преступники, затеявшие ограбление века, затихаем и стараемся не привлекать внимания остальных гостей. Отец выуживает из бара неоткрытую бутылку коньяка и довольно улыбается:

- Ну вот! Другое дело! Будете?

Настя мнется и в нерешительности смотрит на меня, я же без лишних раздумий отвечаю:

- Наливай, конечно. Мы уже задубели.

Отец достает коньячные бокалы и разливает на троих. В пакете на сиденье рядом я нахожу конфеты «Три медведя» и раздаю своим собутыльникам. Настроение у меня космическое. Мы тихо чокаемся и выпиваем. Тепло разносится по всему организму, я чувствую доброту и умиротворение.

- Еще по одной? – торопит отец.

Мы с Настей молча киваем.

Перед третьей рюмкой наше уединение прерывает мать. Она все-таки обнаруживает нас и приходит в ярость:

- Вы что тут устроили? Ты зачем девок спаиваешь? – накидывается мать на отца.

- Да мы замерзли, мам, - вступаюсь я за него, - у Насти вообще были синие губы.

- Синие, - кивает пьяненькая Настя.

Мать хлопает дверью, а мы снова выпиваем.

- Дожить бы до ресторана, - философски и в никуда говорит отец.
- Доживете, - добродушно отзывается Настя, щеки ее разругались, а губы приобрели здоровый розовый цвет.

Несколько минут мы втроем наслаждаемся тишиной и спокойствием пустого лимузина. Как будто мы внутри мыльного пузыря, ограждены от суеты и шума внешнего мира, но мыльный пузырь – слишком ненадежная защита, и вскоре стенки его лопаются, и мы вновь оказываемся внутри празднования и счастья.

Салон набивается гостями, Марина всех пересчитывает по головам и дает отмашку водителю:

- Погнали на пивной завод!

Тяжело вздыхая, лимузин не спеша покидает мокрый парк. Я вновь оказываюсь напротив Леша, но мне теперь не хочется больше играть с ним в гляделки. Я выпила, но не достаточно, чтобы он начал казаться мне привлекательным. Леша улыбается:

- А чего вы в машине-то просидели? Егор неплохо фотографирует, поставили бы новую фоточку на аватарку Вконтакте, - пищит он.

Начальник слышит свое имя и видит в этом шанс избавиться, наконец, от надоедливой, как жирная муха холодным утром, Марины. Он наклоняется к нам с Настей и говорит:

- Кажется, мы еще не знакомы. Я Егор, начальник отдела Жени.
- Катя, - неприветливо сухо бросаю я.
- Настя, - не поднимая головы от экрана телефона, отвечает Настя.
- Девчонки не стали фотографироваться, - сетует Алексей.
- Ну это мы исправим, - покровительственно заявляет Егор, - на пивзаводе тоже можно устроить фотосессию.
- Это без меня, - буркаю я и достаю из кармана свой телефон.

Я проклиная себя за слабость, но мне невозможно больше участвовать в этой беседе без реального шанса сойти с ума, взбеситься и передуть всех своих

попутчиков полиэстеровой лентой с надписью «Свидетельница». Пока мать распыляется перед Егором в никому ненужных извинениях за мое поведение, я открываю What'sApp. От Кирилла куча сообщений, но я читаю только последнее: «Со мной в столовой флиртует телочка». Не уверена, что это правда, но даже если и так, зачем мне это знать? Борюсь с собой некоторое время, уж слишком велико детское желание ответить тем же. Например, написать про блондина. Или вообще соврать, что вокруг меня сплошные мачо, и мы мчим навстречу пьяным приключениям в «Стрелку». Хотя... кому это надо. Я набираю: «А ты что?». Кирилл тут же читает сообщение, он в сети и быстро отвечает: «Я тоже флиртую». Я откидываюсь назад, на сидение, у меня вдруг начинает сильно болеть голова. Хочется выпить еще, хочется больше не знать этих людей, никогда не встречаться с Кириллом, оказаться дома и заказать пиццу «Пепперони». И два литра светлого пива, какого-нибудь простого вроде «Короны».

Я убираю телефон в карман, оставляя его сообщение без ответа. Да и что тут ответишь? Я не ревную, мне всё это надоело. Мои глаза закрыты, веки тяжелы и воспалены. Но и минуты не проходит, как кто-то дергает мой рукав. Я раздраженно смотрю на мать. Она протягивает мне бокал с шампанским:

- На-ка, а то совсем загрустила.

Мотаю головой, но мать настойчиво сует мне алкоголь. Внезапно я замечаю *ту самую бутылку* в руках у Егора. Он разливает из нее последние капли в бокал Алексея, и я понимаю, что в бокале, который дает мне мать, тоже плещется моя моча. Блондин улыбается и подмигивает мне. Я смотрю на него, как замороженная, беру у матери бокал и чокаюсь с Алексеем. Он выпивает содержимое залпом, как водку, кряхтит и немного удивленно трясет головой. Затем причмокивает и пьяно кричит вглубь лимузина, где сидят молодые:

- Вы меня извините, но это ваше шампанское на вкус – настоящая моча!
Все хохочут, Марина орет:

- Да ты напился, Лешка! А ну-ка, горько!

Все подхватывают:

- Горько! Горько! – и Ленка лезет с поцелуями к новоиспеченному мужу.

Я делаю вид, что мне невероятно смешно, складываюсь пополам от притворного смеха и разливаю свой бокал на пол. Мне кажется, что выходит достаточно естественно. Несколько капель попадают на обувь матери, отца и Алексея. Все трое тут же подбирают ноги. Я продолжаю свой моно спектакль и деланно пьяно прошу прощения:

- Ой-ой, простите ради бога! Это все он, - я показываю бокалом в сторону блондина, - насмешил меня!

Блондину, как и любому мужчине, не пользующемуся успехом у женщин, льстит этот факт: как же, он смог развеселить девушку, она смеется над его шутками, а значит, вполне возможно, сегодня ему что-то обломится. Алексей даже распрямляет плечи, мягко отнимает у меня пустой бокал и извиняется перед моими родителями:

- Это я во всем виноват.

Мама глупо улыбается в ответ, отец отворачивается в окно.

Через долгих пятнадцать минут мы, наконец, приезжаем на пивоваренный завод. Все это время мне приходится выслушивать нудный рассказ блондина о фигурном катании и катке на Красной площади:

- Ты там была?

- Нет, никогда.

- Надо обязательно сходить, - отваживается блондин.

- Ну, может быть, - неопределенно отвечаю я.

Настя вновь пихает меня в бок, и я делаю ей страшные глаза. Мы с ней тихонько смеемся.

Женя хочет прослыть оригиналом. Ему претят обычные русские свадьбы с тамадой и конкурсами «Кто быстрее сядет на стул», тем более подобная у него уже была. Где-то в интернете он отыскал экскурсию на пивзавод, и решил, что лучше и оригинальней придумать для дня свадьбы невозможно. В

чем-то он прав. Но я вижу здесь нечто другое. С юных лет он пил пиво, обычное, русское дешевое пиво, «Арсенальное» или «Охота крепкое». Он любил пиво, он вырос на нем. С братом вместе я впервые отведала девятую «Балтику», а потом мне было очень плохо, и я блевала в окно собственной спальни. Мой брат и пиво шли и идут рука об руку на протяжении всей его жизни. Именно пиво познакомило его с первой женой. Женя возвращался в час ночи с какой-то пьянки у друзей и встретил девушку, на которой спустя год женился. Пиво и развело его с ней по прошествии пяти лет. Но самое удивительное, что и этот брак тоже свершается не на небесах, а по повелению хмельного напитка! После развода Женя полностью отдался в руки Джону Ячменное Зерно, и запил с завидной самоотдачей, я даже скажу, - с самоотречением. И где-то между запоями он и начал «встречаться» с Ленкой. Они упивались пивом и расшатывали мой старый диванчик в родительской квартире. Так оно все и случилось, и вот спустя еще пять лет, мы тут, на пороге Пивного храма, обители хмеля и солода. Совсем рядом гудит Ярославское шоссе. Боже мой, как же надо так жить, чтобы очутиться в Мытищах!

Несмело мы шествуем внутрь пивоваренного завода. Мать хватает меня за ладонь:

- Катя, мне нужно в туалет. Отведи меня.
- Ага, я же тут каждый день бываю. Мам, откуда я знаю, где он?
- Спроси у Жени или у кого-нибудь, я больше не могу терпеть, - чуть ли не плачет она.

Мне, конечно, ее становится жалко. Не сволочь же я все-таки, хотя об этом многие бы поспорили. На проходной стоит улыбчивая молодая девушка, на вид ей не больше двадцати пяти, она ярко накрашена и одета в корпоративный костюм завода темно-красного цвета. Сотрудница с энтузиазмом показывает нам уборную.

- Ты не пойдешь? – успевает удивиться мама.
- Я перехотела, - говорю я.

Она подозрительно смотрит на меня, но нужда берет свое, и мать скрывается за дверьми заводского туалета.

Мы толпимся в фойе и ждем ее. Отец начинает нервничать, наверное, он хочет есть, или еще выпить, или просто лежать перед телевизором, как он привык за все свои шестьдесят лет. Егор и Женя суется вокруг девушки-экскурсовода, что-то выясняют, бегают туда-сюда. Алексей улучает момент и подходит ко мне:

- Катерин, а ты пьешь пиво?
- Не особо, - зачем-то вру я.
- О-о, - расстраивается он, - тогда тебе тут будет скучно.
- Почему это? Мне всё новое интересно, а на пивном заводе я еще не была, - говорю я.

Коллективно и дружно мы сдаем вещи в гардероб и получаем номерки. Пока все медленно проходят турникеты, я, как ответственная дочь, жду мать из туалета. Она выходит через несколько минут и растерянно смотрит по сторонам:

- А чего меня не подождали?
- Семеро одного не ждут, - пожимаю я плечами.

Мать сдает свои вещи, и мы спешим догонять нашу группу. Приятная девушка-экскурсовод водит нас из зала в зал. Меня потрясают размеры чанов, я задираю голову и вдыхаю запах солода. Пол липкий, и после нас остаются следы. В залах холодно и шумно, и мне почти не слышно, что рассказывает сотрудница завода, но все равно интересно. Поразительно, но эту поездку я нахожу увлекательной.

Я начала пить поздно. В школе, помню, в девятом классе я впервые попробовала шампанское. Была какая-то авантюра, в которой уже в полной мере проявился мой характер. Одноклассница стащила из родительского буфета бутылку «Советского». Кажется, это я ее надоумила. Мы собирались в театр на «Даму с камелиями». Стоял прекрасный зимний вечер, как написал бы писатель Лаврин, - «пушистый снег медленно падал крупными ленивыми

хлопьями». Мы заперлись у меня в комнате, я принесла с кухни полотенце, и одноклассница попыталась откупорить бутылку. Как ни странно, у нее это вышло. Мы выпили ее в два счета, и нам было невероятно весело и хорошо. Идти в театр уже, конечно же, не хотелось, но и дома оставаться было нельзя. Я спрятала пустую бутылку под свитером, чтобы ее не нашла мать, а затем выбросила на ближайшей помойке. Помню, как забавно было ехать в метро и смеяться, все казалось таким ярким и беззаботным.

Мы все-таки отправились на спектакль. Моя одноклассница икала все полтора часа без пауз, а я сидела молча, впившись глазами в актеров. Когда все закончилось, и мы вышли на улицу, я разрыдалась под желтым фонарем, и никак не могла успокоиться. Одноклассница тут же перестала икать, и все гладила меня по плечам.

А затем меня отпустило, мы вновь ехали на метро и смеялись. Дома я повалилась на кровать и тут же уснула.

С тех пор шампанское ассоциировалось у меня с чем-то запретным, приятным, веселым, но грустным одновременно. Оно будто бы погружало меня в состояние шизофрении. То светлый период, то мрак и отчаяние. Я вспоминала свои ощущения, и они мне нравились.

В музыкальном училище эти детские бредни были сразу же позабыты.

Я попробовала водку. С сокурсниками мы отправились на «пикник» в какой-то богом забытый парк. Из угощения на пикнике присутствовал каравай черного хлеба марки «Столичный», майонез «Провансаль» и бутылка водки «Московская». Нас было шестеро, и мы упились.

Затем был второй курс, и я мешала красное и белое вино. Мне было плохо каждый раз, когда я так делала, но я воспитывала в себе характер. К концу училища я пила все, кроме пива, - мне не нравился его горький привкус. Все поражались: «Как так! Катя перепьет любого, но от пива ей плохо». А мне не было плохо, я просто его не любила.

С возрастом это прошло. Помню, я добавляла немного виски в горячий чай перед занятиями в консерватории, просто так, от скуки, чтобы было веселее

доехать до учебы, чтобы хотя бы первый час в тот день прошел «с огоньком» и задорно.

Помню, как подбивала друзей прогуливать последние лекции в пользу посиделок в рюмочной. Но я всегда знала свою меру. После двух-трех неприятных историй с участием моих рвотных масс, извергаемых публично, я следила за собой и своим состоянием.

А затем я влюбилась в непьющего (вот угораздило-то) и отказалась от алкоголя на долгое время. Естественно, отказалась не на совсем. Мы могли себе позволить пару бокалов дорогого вина или виски, пили медленно и смаковали. Ходили на винные дегустации и делились потом впечатлениями друг с другом и общими друзьями. Но это все было не то, этого, конечно же, мне было мало.

Когда любовь прошла, мое пристрастие вернулось в десятикратном размере. Я, наконец, впустила в свою жизнь алкоголизм. Но делала это тихо, украдкой, как мастурбируют подростки, - чтобы не слышали родители за стенкой. Моя родня вовсе и не догадывается, какой досуг я предпочитаю. Женя ведет себя по-другому. Он – алкоголик-экспозиционист. Ему нужно вовлечь, как можно больше людей в свою болезнь. Нужно участие каждого, кто входит в его жизнь. Мой брат напивается шумно, с истерикой, с выяснением отношений, с выкидыванием вещей, с перебиранием покрытых плесенью и пылью воспоминаний. Его презирают, но ему и сочувствуют. Смотрите – гибнет человек! Гибнет на наших глазах. Это вызывает любопытство, смешанное с отвращением. Как если бы вы наступили в дерьмо, но ненароком заметили, что в нем что-то блестит. И хочется рассмотреть поближе, и противно. Мать в курсе каждого его запоя, она звонит мне и оповещает об этом. Ему предлагают помощь, но Женя самодостаточен, - он уверенно идет к своей цели: циррозу печени или остановке сердца. По словам матери, ему уже два раза вызывали скорую, причем один раз на работу.

На фоне всего того, что я знаю про его совместную жизнь с бутылкой крепкого российского пива, эта экскурсия кажется мне и чудовищной, и пророческой одновременно. Она напоминает мне новость про женщину, вышедшую замуж за Эйфелеву башню. А Женя женится на всем российском пиве.

Поплутав полтора часа по холодным залам и сделав три групповые фотографии (Алексей неизменно вставал рядом со мной и клал мне руку на правое плечо), мы, наконец, оказываемся в зале дегустаций. Гости, уже успевшие протрезветь, лезут к бару за бесплатным пивом. Леша пихает мне в руку бокал с мутным коричневым пойлом. Я осторожно нюхаю жидкость, и желудок мой стонет в ответ:

- Нет, Катечка, пожалуйста, только не это. Хватило с меня сегодня той газированной кислятины.

После крафтовых изысков обычное разливное пиво, пусть и прямо с завода, кажется мне ужасной отравой. Я сную между гостями, чтобы оторваться от Алексея и незаметно отставляю свой полный бокал в сторону. Его тут же хватает девушка по имени Кабан и в два глотка осушает. Она довольно крикает и рыгает, прикрыв, однако, рот своими толстыми пальцами-сардельками.

Я маюсь среди выпивающих гостей и поэтому всех достаю с расспросами:

- Что вы пьете? И как? О, ну надо же! А что у вас? Как интересно.

Моя общительность вскоре выходит мне боком, - силы заканчиваются, вновь подступает тошнота, а в глазах появляется резь. Виски стучат тамтамом.

На мое счастье, Женя отдает команду:

- Возвращаемся к лимузину!

Встрепенувшийся дядя, которому вся эта экскурсия кажется чрезвычайной дикостью, ведь он закодирован и не может отведать продукцию завода, шепчет где-то над моим ухом:

- Едем в ресторан... Накормят, наконец-то.

В мечтательной тишине наша группа спускается вновь в фойе и забирает свои вещи, как вдруг над толпой гостей звучит звонкий и отчетливый голос моего отца:

- Хозяйка – б****, пирог – говно!

Котлеты ваши из конины!

Подайте шляпу и пальто,

Е*** я ваши именины!

Мир словно бы замирает в этот миг. У кого просунута только одна рука в рукав, тот так и стоит. Мать невесты прикрывает рот руками в немом крике ужаса. Женя красный, как этикетка «Трехгорного пива», вращает глазами в порыве ярости, но не двигается с места.

Отец, удовлетворенный произведенный эффектом, медленно обводит всех злым и холодным взглядом, он подходит ко мне, берет меня под руку и спрашивает:

- А ты пила когда-нибудь «Маккалан» двадцатилетней выдержки?
- Нет, - качаю я головой.
- Ну, приезжай как-нибудь в гости, у меня есть бутылочка.

Теперь уже и на меня гости смотрят с ужасом, будто бы я тоже часть этой выходки, будто бы мы с ним соучастники. Мне хочется провалиться сквозь натертый мраморный пол.

Мама первой приходит в себя, она громко спрашивает, и голос ее заметно дрожит:

- Сынок, в ресторан сейчас едем?
- Да, - хрипло отвечает Женя.
- Ой, как хорошо, - плохо играет мать радость, - и экскурсия была замечательная, но пора и поесть!

Она подмигивает дяде, и тот издает нервный смешок. Обстановка разряжается. Все думают о застолье, и постепенно поступок моего отца отходит в их памяти на задний план. Возможно, гости вспомнят о нем завтра

или через пару дней, когда будут реконструировать события этой свадьбы, но не сегодня, уже не сегодня.

Мы грузимся в автомобиль, и продолжаем путешествие. На улице темнеет, а пробки увеличиваются. Наше неуклюжее средство передвижения еле ползет по шоссе. Все молчат, и только Марина прерывает эту паузу:

- Ну что все такие грустные-то опять! Как будто не свадьба, а поминки! Виновата ли я, виновата ли я, что мой голос дрожал, когда пела я песни ему! Ух! Ух! Девки, подхватывайте!

Но никто не подхватывает, и она вновь карабкается на коленки к начальнику Егору.

Я думаю о том, прилично ли выйти раньше и не поехать со всеми в ресторан. Но за этой приходит другая мысль: неужели я зря вынесла все события этого бесконечного дня? Неужели, когда осталось самое приятное, я сдамся и сойду с дистанции? Да не в жизнь!

Впереди банкет, еда, алкоголь. Я воодушевляюсь и с легкой улыбкой смотрю на капли дождя, стекающие по автомобильному стеклу. За окном только темнота и свет фар проезжающих мимо машин. Мне хочется послушать Radiohead, но из приемника водителя доносятся задорные мотивы «Дорожного радио». Скорей бы уже выпить.

От пивоваренного завода до ресторана дорога бесконечна, быстрее совершить полет на Марс и обратно.

- А где будет банкет? – спрашиваю я у матери. Она называет адрес, и я ужасаюсь ее ответу.
- Но это же у черта на куличках! – не сдерживаю я своих эмоций.
- Организацией занимались молодые, - с каменным лицом в который раз произносит мать, - какой ресторан выбрали, туда и едем. И, по-моему, там рядом станция, им как раз удобно потом ехать до Нахабино.
- Естественно, - подхватываю я, - ведь такси еще не придумали.

Отец зловеще улыбается. Наверное, он вспоминает свою недавнюю выходку, и память об этом греет его ледяное сердце. В разговор о ресторане вклинивается воодушевленный дядя:

- Главное, чтоб там оливье было!
- Да будет тебе оливье! – раздраженно отвечает мать.

Мы все чувствуем себя уставшими и немного обманутыми, на часах почти вечер, а в желудках у нас только кишечные палочки.

Как назло, сволочной водитель лимузина путается в улицах периферийного района и завозит нас не туда. Егор выпрыгивает на улицу под морозящий снегодождь и стучит в водительское окно. Я слышу их ругань и обреченно вздыхаю. Пятничный вечер. Сейчас в барах полно веселых людей, они берут меню, заказывают луковые кольца и крепкие эли, играет рок-музыка, официанты носятся с подносами туда-сюда, и почти невозможно найти себе столик, если ты не озаботился вопросом бронирования пару дней назад.

Внезапно тоска по Кириллу окутывает мое сердце колючим душным пледом. Я думаю о том, как бы мы провели этот вечер вместе, - пьяные разговоры, шутки, страстное трогание друг друга под столом бара, а потом короткими перебежками от заведения до магазина, и наконец, домой, на кровать, быстрее заняться сексом, а затем пить до трех утра, рассказывая друг другу нелепые истории.

Грусть съедает меня изнутри, я почти плачу в этой машине любви, где мне явно не место. Настя дергает меня за рукав и спрашивает:

- Посмотри, не сильно помялось платье сзади?

Она встает с места и поворачивается ко мне своим тощим задом, но я даже не смотрю:

- Настя, это жизнь, - горестно вздыхаю я, - тут лица мнутя, а ты беспокоишься о каком-то платье.

Настя закатывает глаза и качает головой:

- По-моему, тебе больше пить не стоит.
- Как раз наоборот, - возражаю я.

Наконец, мы у ресторана. Желтыми неоновыми буквами над козырьком здания светится его название «Дивная история». Вокруг стоят припаркованные автомобили местных жителей, урны у входа переполнены мусором и сигаретными окурками. На пороге нашу компанию дежурной улыбкой встречает узбек-метрлотель. Дядя испуганно прижимается к моей матери и шепчет:

- Это, что, кавказский ресторан?
- Скорее, средне-азиатский, - я еще больше пугаю родственника, и он удрученно плетется за нами следом, повесив голову на грудь.

Из гардероба наш провожают в банкетный зал, играет прекрасная восточная музыка. По стенам ползут пластмассовые виноградные лозы, по углам стоят керамические вазоны с трещинами под старину, пол устлан голубой плиткой, куда ни посмотри – наткнешься на улыбчивого раскосого халдея. В общем, как там у Ахматовой:

Все опять возвратиться ко мне:

Раскаленная ночь и томленья

(Словно Азия бредит во сне),

Халимы соловьиное пенье,

И библейских нарциссов цветенье,

И незримое благословенье

Ветерком шелестнет по стране.

И на меня снисходит благословенье, только вполне себе зримое и осязаемое, как только я замечаю на столах бутылки с виски. Настроение улучшается за минуту, как подскакивает температура у горячечного больного. И вот я уже улыбаюсь и весело ерзаю ножками по полу.

Стол ломится от холодных закусок и салатов, но тут через Настю, которая сидит рядом со мной, я слышу горький, разочарованный шепоток дяди:

- А оливье-то и нет.
- Твою мать! – говорит моя мать и подзывает официанта.

- Скажите, у вас в меню есть оливье? – строго спрашивает она.
- Есть, - услужливо улыбается узбек, - но для банкета его не заказывали.
- Мне нужна всего одна порция для вот этого мужчины, - мать указывает на своего брата, тот стыдливо прячет глаза и кашляет в накрахмаленную салфетку, - я оплачу отдельно, - уточняет она.
- Хорошо, - кивает официант и уносится в сторону кухни.

Проходит неловкая суэта, когда гости рассаживаются по своим местам, отряхивают несуществующие крошки со своих платьев и брюк, делают очевидные замечания по поводу ресторана: «О, смотрите-ка, какие необычные вазоны»; «Это узбекский ресторан?»; «А здесь очень даже уютно». Никто из нас не верит, что все мучения, наконец, позади. Никаких больше фотосессии и разездов на лимузине. Все замирают в приятном предвкушении пьянки и обжорства.

Официантка делает опрос:

- Что вы будете пить? А вы? А что вы предпочитаете?

Выбор предстоит сделать из трех кандидатов: вино, водка и виски. Когда доходит очередь до меня, мама, сидящая по левую руку, вмешивается:

- Мы будем вино.
- А вот хрен тебе, - думаю я, - у меня нет столько места в желудке, чтобы успеть напиться «Изабеллой».

Я отстаиваю свое право оказаться пьяной через полчаса и говорю:

- Маме вино, а я буду виски.

Мать удивленно смотрит на меня, но молчит. Персонал хлопочет над нашими бокалами, в тарелках уже лежат салаты – шедевры советской кухни, и даже дядя, слава тебе господи, получает свой оливье. Первые тосты, вновь слезы на глазах у матери невесты, кто-то жалуется, что помидоры с сыром слишком горькие.

- Горько! Горько!

И я кричу, что тут поделать, ради выпивки и не на такое пойдешь. Я выпиваю и блаженная нега разносится по всему моему организму. После второй

рюмки приходит осознание, что свадьба эта не так уж и плоха. По крайней мере, отсутствует тамада и конкурсы, а значит больше времени на еду и виски. Я откидываюсь на стул и довольно улыбаюсь всем и никому.

Мое наслаждение прерывают молодожены. По расписанию приходит время первого танца. Все хлопают, я тоже. Пока они проходят на танцплощадку, под шумок выпиваю еще рюмку. Вдруг слышу возглас моего отца:

- Как же я ненавижу эту жирную дуру, - имеет он в виду новоиспеченную супругу своего сына.

Но все слишком заняты просмотром танца, грохочет музыка из «Титаника», и кроме нас с матерью никто так и не услышал его откровенного признания.

Молодожены мнутя на пяточке, сбивчиво перебирая ногами, когда невеста поворачивается к публике спиной, за ее необъятным задом совсем не видно жениха.

- Какая красивая пара, - перекрикивая музыку, орет Марина, и ей вторят другие подружки.
- Они с Женей очень подходят друг другу, - выдает Кабан.

Я могла бы поспорить, но мне лень. Виски действует на меня расслабляюще, а официант обновляет мою рюмку, как только та становится пустой. Мне все очень нравится, я забываю про телефон и сообщения от Кирилла, я забываю про то, что я среди своей семьи, в общем, я играю в буддиста и не вижу плохого. Поэтому когда ко мне вдруг подходит блондин и приглашает на танец, я неожиданно для себя отвечаю согласием.

Леша ведет меня за руку, рука у него потная и прохладная, наверное, он нервничает, а может, просто болен вегето-сосудистой дистонией. Для нас включают какое-то диско, и тут начинается феерия. Оказывается, Алексей танцор. К моему ужасу, мы не просто топчемся на месте, как школьники на новогодней дискотеке, а действительно танцуем.

- Доверься мне, - загадочно шепчет блондин, и крутит меня из стороны в сторону, то прижимая к себе, то отпуская.

Стены и потолок проносятся перед моими глазами, и я чувствую себя юлой из передачи «Что? Где? Когда?». Что со мной делается? Где конец этому всему безобразию? Когда же он меня отпустит? Эти мысли не покидают моей головы. А песня длится бесконечно. То и дело мои глаза натываются на дебелую улыбку Алексея, он отчаянно крутит бедрами и выкидывает такие коленца, которые и не снились Лиепе. Старается произвести впечатление. Ну, что ж. Я впечатлена. Он мутузит меня, как собака любимую игрушку, - яростно, до изнеможения.

Когда замолкает музыка, я еще пьянее, чем раньше. Ноги мои заплетаются, и я иду вслед за своим мучителем обратно. Гости хлопают нам, а мои родители смотрят на меня иными глазами:

- Ну ты выдала, - говорит мать.
- Да нормально всё, - хватаюсь я за рюмку, - это Алексей у нас Нижинский, а я так, не упала и ладно.
- Настя, иди потом ты потанцуй с Алексеем, - советует мать.
- Ну, тетя Валь! У меня есть парень, - капризно отвечает Настя. Она держит телефон на коленях и тайно переписывается Вконтакте с кем-то, возможно, что как раз со своим парнем, а может, уже и с другим, сейчас ведь молодежь лишена такого неудобства как моральные устои.
- А чего ты его не привела? – пьяно интересуюсь я.
- Он работает, - кратко говорит Настя.
- А, ну понятное дело, - киваю я.
- Да и вообще, - она красноречиво обводит глазами гостей и задерживается на моих родителях.

И я вновь ее понимаю:

- Да ясно всё, ясно.

Небольшая отдышка и кровь колотит в висках, стара я уже для таких выходов. После рюмки становится чуть легче. Опять я слушаю тосты, все хвалят молодых, желают им детей да поскорее.

- Ну нет, - категорически мысленно я не согласна с большинством, - на земле и так полно уродов.

Мама роняет слезы в салат из крабовых палочек и в порыве охвативших ее волнительных чувств хватается меня за руку:

- Ну, пожелай и ты что-нибудь молодым! – чуть громче, чем надо говорит она мне.

Я в ужасе отдергиваю руку и раздраженно шепчу:

- Я не могу ничего придумать нового к тому, что говорила на прошлой свадьбе. Мне просто нечего добавить.
- Почему? Почему ты такая злая? – театрално вопрошает мать, косясь на прислушивающихся к нашему разговору родителей невесты, - ты, наверное, очень несчастна.
- Конечно, - подтверждаю я ее слова, - перефразируя классика, отвечу: нет счастья на земле, но счастья нет в выше.

Мать обреченно качает головой, затем поднимается для тоста. Она говорит противным дребезжащим голосом, который бывает у старух, когда те едут в маршрутке по бездорожью, и рассказывают о своей никчемной жизни случайным попутчикам:

- И тогда в шестьдесят девятом году я как раз устроилась работать на стекольный завод.

Боже, да всем плевать, кто ты такая и когда ты, наконец, пристроила свою задницу в тепленькое местечко. Я смотрю на мать со смешанным чувствами стыда и презрения, заранее зная, что сейчас за слова исторгнуться из ее рта.

- Дорогие Женя и Лена! Вам тут пожелали уже многого, и я присоединяюсь ко всем теплым поздравлениям. Сама же я вам желаю одного: родить мне внука, как вы и обещали, когда мы с отцом покупали вам квартиру. Я человек уже пожилой и хочу выйти на пенсию, и буду вам помогать с ребенком по мере возможностей.

Голос ее срывается и утихает. Слезы дрожат в уголках глаз и скапливаются в морщинах. Родители невесты красноречиво глядят на свое чадо. Ленка спохватывается и лопочет:

- Тетя Валя, конечно-конечно! Обещаем вас обрадовать к концу следующего года!
- Мам, ну чего ты, - смущенно краснеет опьяневший молодожен, - обещали – сделаем! – по-комсомольски задорно произносит он.
- Спасибо, - растроганно отвечает мать и садится на место.

Я подхватываю на вилку рулет из баклажана и жую его долго и сосредоточено.

А вечер набирает обороты. Приносят жульены и запеченную курицу. Я люблю и жульен, и курицу в любом виде. Набрасываюсь на еду, хотя и помню, что закуска крадет градус. Но мне необходимо поесть, иначе все закончится так же быстро, как и началось. Затем вновь танцы. Марина вытаскивает Егора, и парень в оспинах бредет вслед за Кабаном на площадку. Ко мне подбегает блондин:

- Не желаешь повторить?
- Ну давай, - решаюсь я на опрометчивый поступок, дожевывая кусок курицы.

Мы расталкиваем робкие пары и принимаемся опять за старое: Алексей крутит меня то вправо, то влево, а я стараюсь вовремя перебирать ногами. У меня неплохо выходит, на мой взгляд, и я даже начинаю получать удовольствие, мне весело и смешно, я как марионетка из театра кукол. Песня заканчивается слишком быстро, я жажду продолжения, но ресторанный Дэвид Гетта ставит медляк. Разочарованно хочу уйти, однако, блондин резко прижимает меня к себе, и мы опять танцуем. Этот танец мне вовсе не нравится. Слишком близко чужой человек, человек, которого я не знаю и не хочу знать. Мое интимное пространство нарушено, я мучаюсь и думаю: «Вот тебе наказание, получите – распишитесь». Но не выкручивать же ему руки? Я смиряюсь со своей участью и трагично кладу блондину голову на хрупкое

плечо. Он думает, что я в экстазе танца, а я просто не хочу видеть так близко его золотушное лицо. Музыка длится дольше полярной ночи, от блондина пахнет потом, он часто дышит и сопит. Мне хочется разнообразить вечер, хочется вытворить чего-нибудь эдакого, и я слегка касаюсь своими губами его влажной шеи. От неожиданности он вздрагивает и замирает. Так и слышу его мысли: «Показалось? Или она действительно хочет поцеловать меня?». Я чувствую его напряжение, и алкоголь подталкивает меня на необдуманные чудачества. Зачем мне это, я не знаю сама, внутренний демон так и шепчет: «Давай же, поиграй с ним, будет весело». И я еще раз касаюсь губами шеи Алексея, на этот раз чуть сильнее, чтобы он понял: ему не показалось. Блондин трепещет, я хохочу про себя. Ах, милый мальчик, знал бы ты меня чуть лучше! Ты бы бежал сейчас без оглядки, забыв пальто в гардеробе. Ты поменял бы место работы, номер телефона, город и сделал бы себе лоботомию, чтобы забыть обо всем, что сегодня было и, возможно, будет. Но Алексей меня не знает, поэтому он только крепче обнимает меня за талию, и мы танцуем, будто влюбленные, нашедшие друг друга наконец-то в этом жестоком мире, сотканном из обмана и одиночества. Как наверное бы написал писатель Лаврин. Все эти разговоры о счастье, любви и детях будят во мне только худшее, наверное, это гены отца берут свое, и я изо всех сил стараюсь совладать с непростым наследством.

Потом я сажусь на свое место, и Женя обращает на меня свое внимание:

- Ты знаешь, Леха отличный парень.
- Угу, - бормочу я, поднося очередную (седьмую или восьмую?) рюмку ко рту.
- Он такой положительный, ответственный, добрый.
- И ранимый, - вставляет Ленка.
- Да, и ранимый, - соглашается супруг, - ты если не хочешь с ним ничего, то лучше и не начинай, - предостерегает меня брат.

- Да вы с ума что ли сошли от счастья? – поражаюсь я, - это же свадьба, тут все веселятся, как могут. Что, мне теперь нельзя просто потанцевать? Сразу надо планировать детей и ипотеку? – завожусь я.

Мать неодобрительно наблюдает за мной:

- И что плохого в детях и ипотеке? Может, приглядишься к парню-то? Вон он как на тебя смотрит.

Я опрокидываю рюмку и от охватившего гнева даже не получаю никакого удовольствия от выпитого, что расстраивает меня невероятно.

- Нет, мы не то имели в виду, - быстро лопочет тупоглазая Ленка, - просто он будет на что-то надеяться, он такой вот человек. Он уже с тебя глаз не сводит. Он, понимаешь, романтик!
- Да идите вы, - хочу сказать я, но сдерживаюсь, - ладно, я поняла, что не достойна вашего приятеля, не переживайте, его девственность останется при нем, - говорю я.

Я резко поднимаюсь из-за стола и выхожу в курилку, спутав двери от слепой злости. В затянутом дымом помещении мрачно курит начальник Егор, опершись о стол и обхватив одной рукой голову. Он воплощает в себе одинокое русское пьянство, - горькое и безутешное.

- Ой, я думала, это выход на улицу, - смущенно говорю я.
- Садись, не стесняйся, - пьяно предлагает он, подняв на меня мутный стеклянный взгляд.

Бесы внутри меня заводят хоровод. Я все еще злюсь на Ленку и Женю с их предостережениями, и темная часть моей природы требует продолжить безумства. Тем более я достаточно пьяна, чтобы захотеть курить.

- Одолжишь сигарету? – спрашиваю я и присаживаюсь рядом с Егором.

Он молча достает одну и прикуривает мне. Я не курила много лет, и голова сразу же начинает кружиться. Меня не заботит тот факт, что в любой момент может кто-то зайти сюда и застукать нас. Да и кто скажет матери про курение? Кабан или Марина? Вряд ли они станут это делать. А даже если и

донесут, то что с того? Мне не шестнадцать лет, я не боюсь получить нагоняй от мамки.

Некоторое время мы молча курим, я вижу, что Егор пьянее меня, и советую:

- Тебе бы выйти на улицу, освежиться, а ты еще сидишь в прокуренной комнате, здесь же душно!
- Ты права, потом проводишь меня, - ухмыляется он в ответ, - только смотри, чтобы Марина меня не увидела. Я еле от нее отвязался.
- Хорошо, я буду твоей защитницей, - посмеиваюсь я.

Между нами сплетается некая интимная атмосфера, этот дым как фата невесты опутывает нас, создавая защитный кокон. Мы оба отделены от всего остального мира, мы плохо что соображаем и движимы лишь природными инстинктами.

Я решаюсь на вопрос для разрядки обстановки:

- Ну, как мой брат работает? Когда, в конце концов, ты повысишь ему зарплату? – я шучу, мне, на самом деле, плевать на работу моего брата и его оклад, но неожиданно Егор всерьез берется за разговор.

Он долго и нудно объясняет мне суть их работы, и что зарплату нельзя повысить просто так, что брат мог бы работать и лучше, но слишком ленив и любит выпить.

- Ты, я смотрю, тоже выпить не дурак, - отмечаю я.
- Да, но я начальник! – смеется Егор, он вдруг отстраняется от меня и смотрит, прищурив глаза:
- А ты, я смотрю, красивая.
- Ну так целуй меня, - выдаю я просто так, проверяя, решится он или нет.

Егор пододвигается ближе, и мы долго и страстно целуемся. От нас пахнет сигаретами и алкоголем. От меня виски, от него – водкой. Мы мерзкие, и любого затошнит от нашего запаха и вида. Это отвратительное зрелище. Но мы поглощены друг другом, как дворовые кот и кошка, которые трахаются на глазах у прохожих, просто потому, что им этого хочется, так повелел им зов природы. Я слышу, как открывается входная дверь, и кто-то некоторое

время смотрит на нас, потом деликатно уходит. Мне интересно, кто это может быть, но Егор слишком сильно занят моими губами, чтобы его прерывать.

От поцелуя перехватывает дыхание и начинает мутить, нам необходимо выйти на воздух, и я повторяю:

- Пошли на улицу.
- Ты понимаешь, я же женат! – с неподдельным отчаянием восклицает он, старательно вглядываясь в мое лицо. Наверное, в процессе поцелуя он забыл, кто я, и сейчас, убедившись, что я не Марина, испытывает явное облегчение.
- Я понимаю, но я же не предлагаю тебе развестись, я говорю, что нам надо проветриться.
- Как тебя зовут? – спрашивает он, забыв, что мы уже представлялись друг другу.
- Да это не важно, - пожимаю я плечами.

Егор делает попытку подняться, но тело уже не слушается его, он брякается обратно на стул, а голова его ударяется о крышку стола.

- Б****, - говорит он.

- Ты в порядке? – испуганно спрашиваю я и пячусь к двери.

В ответ слышатся неразборчивые звуки, как будто кто-то пытается говорить под водой в сломанный рупор. Спиной я утыкаюсь в дверь и быстренько ретируюсь из курилки. Мне срочно необходим свежий воздух!

На улице никого нет, и я в одиночестве наслаждаюсь моросью позднего московского вечера. Вспоминаю случившее в курилке и невольно хихикаю сама над собой. Ну, Катька, ты творишь! Выпитое гудит в моей голове, и я хочу вернуться за стол, чтобы продолжить веселье. Танцуй, пока молодой! Правда, танцевать я больше не собираюсь. Особенно с блондином. Ведь он – романтик и ранимая личность, а я могу проехаться по нему бульдозером разочарований и навсегда искалечить его тонкую душу.

У гардероба стоят мои родители, мать хватает меня за руку:

- Мы уезжаем домой.
- Ну, до свиданья, - равнодушно отвечаю я.
- Ты тоже, - сурово говорит она.
- Что? Это еще почему?
- Потому что тебе уже хватит пить, и ты не в себе! Я видела тебя, - последнюю фразу мать шепчет так, будто бы прокликает меня на латыни.
- Ну и что? – ничуть не постыдившись переспрашиваю я, - мы все взрослые люди и имеем право отрываться, как хотим.
- Но он же женат и начальник твоего брата! – визгливо вскрикивает мать.
- Да что я сделала-то? Он здоровый мужик, и сам принимает решения.

Мать напяливает силой на меня пуховик, я вяло сопротивляюсь, но все-таки поддаюсь:

- Ты танцевала с Алексеем, а потом пошла с другим, это как называется?
- Это называется «веселюсь на свадьбе», - говорю я в ответ.
- Мальчик, между прочим, расстроился. Он искал тебя.
- Это его проблемы.

Родители силой волокут меня к выходу, но я резко вырываюсь и заявляю:

- Дайте хоть с братом попрощаться, совсем уже! Вызывайте пока такси.

Я возвращаюсь в зал, подхватываю со стола чью-то рюмку с виски, возможно, даже свою собственную и лихо выпиваю ее одним глотком.

Издаലെка машу рукой брату и его жене и покидаю место праздника.

На улице встревоженные родители ждут моего появления. У них замученные и бледные лица.

- Вам надо чаще расслабляться, - говорю я им.
- Да уж, ты-то умеешь, - качает головой отец. Он ожидает от меня всего чего угодно, но только не распутного поведения. В его глазах я всегда была «гадким утенком», которого не замечали мужчины. А тут такое! Он, наверняка, до сих пор уверен, что я не принимала в себя ни одного

члена, и знать не знаю, что такое мужские яйца, и как с ними надо обращаться. А теперь он смотрит на меня с ужасом отца, осознавшего, что его тридцатилетнюю дочь, возможно, кто-то когда-то трахал.

Приезжает желтая машина, и я вваливаюсь в салон, чуть не разорвав колготки. Мать сует мне какие-то деньги:

- Напиши, как доедешь, мы будем волноваться.
- Хорошо.
- Выпей воды дома, ты перебрала, - говорит отец.
- Да всё нормально, ну что вы, - бормочу я, захлопывая дверь.

Такси везет меня домой. Я знаю, что от меня сильно пахнет сигаретами и алкоголем, и скоро этим амбре провоняет вся машина.

«Ну и по***, - думаю я, - у водителя будет причина поскорее отвезти меня».

Мы проносимся мимо баров и ресторанов, я вижу толпы курящих возле них людей и вспоминаю о Кирилле. Я так и не ответила на его сообщения. В моем телефоне нет ничего нового, хотя я вижу, что Кирилл недавно был онлайн. Может быть, ждал меня, а может, переписывался с новой телочкой. Пальцы сами нажимают кнопку вызова. А сердце от ужаса сжимается: зачем я это делаю? Что я ему скажу? Ну неужели я докатилась до пьяных телефонных разговоров? Почему почти всем людям в определенной степени опьянения необходимо делать вот такие звонки?

- Алло, зая? Зая, прости меня за всё, - шепчут миллионы заплетающихся мужских голосов в трубку в три часа ночи, - надеюсь, ты не держишь зла и сейчас счастлива. А что делаешь? Не хочешь приехать? – интересуются они у своих бывших, которые успели уже выйти замуж и родить пару малышей.
- Привет, узнал? Это я, даже не знаю, зачем тебе позвонила. Просто вспомнила, как мы... Нас... Я скучаю, правда, скучаю. Что? Ты не можешь говорить? Чей это голос на заднем фоне? У тебя женщина?! – изумляются бывшие, позвонившие тем, кого бросили пару лет назад.
«Как! Он даже не узнал мой голос! И у него там какая баба!

Представляешь – баба! Сукин сын! Вот он мудака. Давай еще по одной и кажется, нам строят глазки те парни за барной стойкой».

Кирилл не берет трубку. Не слышит или не хочет говорить со мной, ведь он знает, что я напилась. Мне гадко от самой себя, мерзкая-мерзкая ты девка. Но тут же на ум приходят сцена из курилки и наши танцы с блондином, и улыбка сама по себе появляется на моем лице. Катитесь к черту, эта свадьба, здесь надо веселиться!

Дома, конечно же, я забываю написать родителям, сбрасываю свои вещи прямо на пол, как какой-нибудь бунтарь, кое-как умываюсь и валюсь без сил на кровать. Я слишком пьяна и устала, чтобы жить дальше этот день. Мне надо успеть заснуть до того, как пьяная тоска поселится в моем сердце.

Субботнее утро начинается со звонка. Он ревет в моих ушах, жестоко пиная барабанные перепонки:

- Вставай, сука! Просыпайся, тварь!

Я стою. Меня выдрали из сна, как выскабливают плод из лона матери в начале второго семестра беременности. «Простите, но я не чувствую биения сердца. Вот вам направление, приходите завтра», - говорит стерильный доктор с бесцветным взглядом. Его, как и мой телефон, не интересует, что чувствует при этом женщина. Он всё это видел уже и не раз.

- О-о-о, черт, - говорю я и тяну руку за телефоном.

Алкоголь еще бродит по моим венам, а сердце колотится как забойный молоток. Я хлопаю по кровати в поисках раздражителя. Вот же он.

- Алло?- хрипло и тихо бормочу я, даже не успев разглядеть номер абонента.

- Алло, б**!* – это Кирилл, - звонила она мне вчера два раза!

Я пытаюсь вспомнить, состоялся ли наш разговор, но память подсовывает мне черное полотно, как на знаменитой картине Малевича.

- Извини, - на всякий случай говорю я.

- Да что извини, - я слышу, как Кирилл улыбается, - я был в душе и не слышал, а потом уже не стал перезванивать.

Его голос звучит издевательски бодро и звонко. А мне хочется сжаться в маленький комочек, накрыться одеялом и умереть, закрыв глаза.

- Я вчера сильно напилась, - признаюсь я.
- Я так и понял, - хихикает он в трубку. Но тут же интонация его меняется, в голосе появляется серьезность и решительность:
- Но это не значит, что ты не приедешь ко мне домой сегодня.
- Что? – хриплю я в ответ, и думаю, что сейчас самое время подавиться собственной рвотой и сдохнуть, как забытая рок-звезда 90-х.
- Ты слышала. Ты обещала сегодня приехать в гости, я уже предупредил своих родителей, - твердо говорит Кирилл.
- Но я в непотребном виде.
- И что? Встанешь, выпьешь таблетки, примешь душ, намажешься, оденешься и вперед. Адрес вышлю в СМС.
- Ты шутишь? – переспрашиваю я, не веря собственным ушам. Уж кому-кому, а ему точно известна вся мерзость состояния похмелья. Как он может заставлять меня пройти через подобное? Мы же одна команда, коллеги, товарищи на алкогольных фронтах!

Голос Кирилла становится ледяным и чужим:

- Я всё сказал. Через два часа ты должна быть у нас. Мама готовит утку.
- Ох, б**, - выдыхаю я. Самое время сказать, что нам пора расстаться. Но вместо этого я слышу, как некто говорит моим голосом:
- Хотя бы дай мне три.
- Давать тебе будет мой х** в постели. Через два с половиной.
- Хорошо, - скулю я в телефон.
- Ну, ждем тогда, - смягчается Кирилл, и спустя секунду добавляет низким, почти нежным тоном, - целую, алкашка ты моя.

Я нажимаю кнопку отмены и кидаю телефон на подушку. Пристрелите меня, как старую клячу, зачем, ну зачем я медленно уничтожаю себя, когда есть столько быстрых и удобных способов? Например, упасть под поезд метро. Или выпить стеклоочиститель. Или, в конце концов, поехать поздно вечером

в Гольяново. Не с первого раза удается встать с кровати. Голова кружится, и перед глазами все плывет, как в детском калейдоскопе. Жесткое похмелье сидит в моей голове, бьет меня по печени, колошматит сердце. Я провожу рукой по спине и слегка нажимаю пальцем в район поясницы. И тут же чувствую боль.

- Черт, допилась, - говорю я себе.

Мне становится страшно. Нет, я не боюсь умереть, но я боюсь оконфузиться. Например, в метро, или в гостях у родителей Кирилла. Или в собственном подъезде, - упасть, потерять сознание, доставить другим людям удовольствие рассказывать потом про меня целые истории.

- Представляешь, иду сегодня выносить мусор, а там лежит девушка. Ну, такая вроде приличная, худая такая, - говорит какой-нибудь тип из соседнего подъезда.
- Что, хуже меня? Ты хочешь сказать, что я толстая? – заводится его неухоженная полная бабенка с двухгодовалым диатезным отпрыском на руках.
- Ну, что ты, зая, ты у меня лучше всех. А эта вообще... Я сначала принял ее за наркоманку, хотел пройти мимо, но потом смотрю – знакомое лицо.
- Понятно! Значит, ты на нее засматривался? Дрожил на нее? – продолжает истерику бабенка.
- Да на что там засматриваться? Говорю же, наркоманка наркоманкой! Кожа да кости. Я просто у тебя ответственный человек, смотрю – знакомое лицо, соседка все-таки, подхожу ближе, а у нее изо рта желтая пена и лицо синюшное, ну просто фильм ужасов.
- Да, ты у меня добрый... - смягчается жена.
- Короче, позвонил, вызвал скорую. Врач сказал, что скорее всего какие-то проблемы с печенью. И это в таком-то возрасте! – возмущается тип.
- И, что, ее увезли?

- Да, конечно. Сразу же увезли. Такие дела! – охает мужик, открывая баклажку «Охоты крепкое».

Жена качает головой:

- И вот с такими людьми мы живем в одном доме!
- Ну, зая, соседей не выбирают, - пожимает плечами тип, - а я сделал всё, что мог. Возможно, жизнь ей спас.
- Супермен ты мой, - хихикает бабенка, сегодня вечером, после того, как, наконец, уложит свое сопливое чадо в зеленке, она позволит муженьку потрахать ее растянутую вагину.

От представленного мне становится дурно. Рвота подкатывает к горлу неожиданно резко, я собираю все свои силы, вскакиваю с постели и несусь на кухню. Меня тошнит в раковину, но ничего не выходит из организма. Это просто похмельный синдром. Мне надо поесть. Мне надо выпить сидра или легкого пива, чтобы стало полегче. Но в таком случае, я останусь дома и не пойду ни в какие гости. Одна надежда, что за столом нальют.

В ванной долго смотрю на себя в зеркало. Осунувшееся лицо бледно-серого цвета, фиолетовые мешки залегли под впавшими глазами. Сухая кожа местами шелушится.

- Ну и п*****, - говорю я себе.

После душа становится чуть легче. Тело требует сна и отдыха в постели, оно вызывает ко мне болями в пояснице, и я чувствую себя старой и разбитой. В голову приходит знакомая мысль, что пора бы перестать пить. Или хотя бы перестать пить так много.

На кухне я жду, пока вскипит чайник, и просто смотрю в окно. Обычное замызганное ноябрьское утро: серая полупустая улица, коричневая грязь на асфальте, с неба сыплется противная морось. Погода не шепчет, она кричит:

- Оставайся дома!

Я тяжело вздыхаю и пью черный чай, заедая тоску бутербродом с чуть заветренным сыром. Часть меня настаивает послать всё к черту. Зачем мне эти гости? Это знакомство, которое в итоге ни к чему не приведет. Кто мне

Кирилл? Что, действительно жених? Да я по сто раз на дню мечтаю расстаться с ним и больше никогда не видеть. Говорю себе:

- Здоровье важнее, сходи купи «Доширак», или свари куриный бульон, ляг, посмотри «Теорию большого взрыва», поспи, тебе будет так хорошо, и организм скажет «спасибо».

Но другая часть меня, всесильная и темная, перебивает голос разума:

- Представь, как это будет офигенно! С похмелья, с плохо соображающей головой приедешь хрен знает куда и к кому. Ты видишь этих людей в первый и последний раз, заодно отделаешься и от Кирилла. Устрой там шоу, будет, что вспомнить. А что ты вспомнишь, проведя день дома? Шутки Шелдона? Ты забудешь их, как только закончится серия. Ну, в самом деле, неужели это старость? Раньше ты бы ухватилась за любую возможность повеселиться. Да и потом, подумай сама, родители наверняка накроют стол... Поешь домашнего и выпьешь, наконец-то.

Последний аргумент выигрывает в моем внутреннем споре. Я легонько бью себя по щекам, чтобы взбодриться, и быстро одеваюсь. Ничего нарядного, чтобы не думали, что я слишком много жду от этой встречи и хочу произвести благоприятное впечатление: обычные синие джинсы и черная рубашка с длинным рукавом. Крашусь не ярко, а так, чтобы скрыть следы вчерашнего. Периодически желудок скручивает, и я невольно хватаюсь за живот. А вдруг меня вывернет на их белую скатерть? Или в тарелку с борщом, или что там падают при знакомстве с потенциальной невесткой? Я хихикаю сама с собой.

Конечно, я опаздываю. Сборы занимают слишком много времени, делаю все медленно, так как руки и ноги отказываются мне служить. Я выхожу в ноябрьский мрак и отправляю сообщение Кириллу: «Извини, немного опоздаю». Через мгновение ловлю его ответ: «Тебя все ждут». И тут я начинаю нервничать, как великовозрастный девственник перед проституткой. Мне нечего сказать этим людям, а я собираюсь делить с ними

стол, преломлять хлеб и, надеюсь, пить вино. Я войду в их дом, заявлю свои права на их сына: вот смотрите, я та, которую трахает ваш отпрыск. Вы почти тридцать лет растили свою кровиночку, подтирали ему задницу и смазывали кремом пиструнчик, а теперь я ночами беру его в рот и сосу до тех пор, пока ваш сынок не кончит. Фу блин, как же это мерзко. Зачем знакомить своих родителей с тем, кого ты ебешь? Что за извращение такое? Мои ладони потеют. Я сама потею, как сволочь, и ничего не могу с этим поделаться. Как хорошо, что на мне черная рубашка, на ней не видно следов от пота подмышками.

В метро становится еще хуже. Меня раздражает каждый запах, каждый пассажир, каждая остановка гулко отдается в сердце, которое колотится, что есть мочи. Я смотрю на свои костлявые руки с прозрачной кожей и вижу, как они трясутся. Мне надо успокоиться, но это означает, что надо выпить.

На пересадке слегка подводят коленки, я неловко приседаю, но все-таки успеваю сохранить равновесие. Во рту пересохло. В глазах – резь. Не факт, что я смогу пережить этот день, и не окочуриться где-то в вагоне метро по пути на Пражскую. На Пражскую! Есть люди, которые там живут! Покупают там квартиры! Ездят оттуда на работу, а самое смешное – и с работы снова на Пражскую!

Пока метро везет меня в это захолустье, я успею три раза испытать клиническую смерть и десять раз войти в кому и выйти из нее. Последний раз – самый мучительный и долгий.

Около выхода со станции меня ждет Кирилл. Я пытаюсь улыбнуться ему. Улыбка выходит кривой и слабой. Он, как назло, побрит и свеж. Меня вдруг поражает, насколько он некрасив: его нос слишком велик, а губы слишком тонкие, его глаза немного на выкате, а брови почти слились в одну на переносице. Что за гоблин? Зачем я провожу с ним столько времени, ведь он мне даже не нравится.

Кирилл целует меня в щеку и берет за руку. Мы идем по улице к его дому.

- Мама уже приготовила всё, накрыла на стол, - говорит он.

- О, здорово, - вяло отвечаю я.
- Небось трубы горят? – понимающе спрашивает Кирилл.
- Еще как! – искренне отзываюсь я.
- Тогда терпи, там отец вроде вискарик приготовил.

И по моему телу волнами разносится нежность, благодарность и любовь. Кирилл уже не кажется некрасивым, да и нос у него как нос, мужской, не кривой, не перебитый, да и брови не такие уж заросшие, а руки горячие и нежные.

Мы заходим в подъезд обычной многоэтажки из восьмидесятых, где слегка пахнет кошками и мусором. В узком лифте едва хватает места на двоих, я невольно прижимаюсь к Кириллу, и он лапает меня под пуховиком за задницу. Затем нажимает цифру десять, мы едем.

- Волнуешься? – спрашивает он, пристально вглядываясь в мое зеленое лицо.
- Немного, а ты?
- Есть такое дело.

Мы успеваем крепко поцеловаться, прежде чем двери лифта открываются на нужном нам этаже. Перед дверью квартиры Кирилл оборачивается и говорит:

- От тебя пахнет перегаром и потом.

Я раскрываю рот, но ничего не могу сказать. Первая мысль: тотчас же кинуться к лифту и убежать прочь, уехать с проклятой Пражской, забыть обо всем.

- Ужасно, - отвечаю я, ноги мои ватные и тяжелые. На таких далеко не убежишь.
- Да ерунда, кроме меня, это никто не заметит.

Он нажимает кнопку звонка, и дверь квартиры почти сразу же распахивается. На пороге стоит высокий толстый мужик в светло-голубой рубашке экстремально натянутой на пузе и серых брюках.

- Ну вы так быстро, я не успел надеть галстук, - низким и очень громким голосом трубит он.

- Ничего страшного, - бормочет Кирилл.
- Проходите, - грохочет отец и впускает нас внутрь.

Я краснею и стесняюсь, как трехлетка на первом утреннике. И никак не могу оторвать взгляд от колоссальной фигуры папеньки Кирилла. Он огромен! Под два метра ростом, и столько же в объёме. Глаза у него шуточные, озорные, как у школьника-хулигана. Он часто трогает себя за нос, словно бы хочет снять прилипшую козявку. Ко мне приходит мысль, что я не знаю, как зовут родителей Кирилла. Паника охватывает мое похмельное тело, и я от волнения не могу снять ботинки. Суэта в прихожей отнимает слишком много сил. Из кухни появляется стройная высокая блондинка, мать моего кавалера. У нее приятное, доброе лицо и милая улыбка. Она похожа на актрису из рекламы хлопьев для завтрака или йогуртов, полезных для нашего пищеварения. На ней голубые джинсы и кардиган цвета спелого персика. «Красиво стареет», - думаю я, отмечая морщинки вокруг ее глаз и рта. Мама Кирилла одаривает меня внимательным взглядом и говорит:

- Здравствуйте. Проходите.

Мои ботинки, наконец, падают на пол. Носки на мне приличные, новые, поэтому я немного успокаиваюсь и обретаю толику самоуверенности.

- Здравствуйте, спасибо, - улыбаясь в ответ, отзываюсь я.

Кирилл провожает меня в ванную комнату.

- Послушай, я ненадолго. Ужасно себя чувствую, - шепчу я ему.

Он дергает плечами и раздраженно отвечает:

- Мама готовила всё утро, старалась. Ты не успела прийти, уже обратно хочешь. Зачем вообще было приезжать?
- Ты настаивал, - честно говорю я.
- Вот полотенце, - Кирилл показывает мне голубое полотенце и выходит из ванной. Я ругаю себя за то, что забыла спросить имена его родителей.

Оставшись одна, я, наконец, могу немного отдышаться. Тошнота все еще не отпускает меня. Мешки под глазами проступают даже под толстым слоем

косметики. Я подношу руку ко рту и дышу на нее, стараясь понять, правда ли от меня разит. Ничего не ощущаю. Мою руки чуть дольше, чем это необходимо, и разглядываю коробочки на полке: крем от морщин с лифтинг-эффектом, средства для бритья и после, несколько видов зубных паст: отбеливающая, обычная, для чувствительных зубов. Средство от пародонтоза. У этой семьи какие-то стоматологические заморочки. Может, и мне стоит почистить зубы перед тем, как сесть с ними за один стол? В стаканчике я вижу шесть зубных щеток, но зачем так много, ведь здесь живет только три человека?

Сама ванная комната маленькая, как в типичных многоэтажках, и полностью забита недавно постиранным бельем, - я наслаждаюсь видом широченных мужских трусов, без сомнения принадлежащих отцу семейства. Они лаконично темно-синие. Рядом с трусами сушится небольшой кружевной бюстгальтер кремового цвета, - имущество хозяйки. Футболки, тренировочные штаны, рубашки, блузки, - я охватываю все это беглым взглядом и хватаюсь за предложенное мне полотенце. Возможно, я слишком резко дергаю за него от переизбытка эмоций, - но вот полотенце в моих руках, а с ним и крючок, на котором оно висело. Я в ужасе дрожу посередине ванной, как драный кот в помойном баке, которого преследует стая собак. Что делать? Как объяснить трагедию? Предложить возместить ущерб? Замести следы преступления? Хорошенькое начало для знакомства, ничего не скажешь.

В дверь стучат, я сглатываю бешенные слюни. Глаза у меня вращаются, как у безумной.

- Катерина, все в порядке? – гроыхает отец Кирилла.
- Да-а, - протяжно вою я в ответ не своим голосом.
- Крючок там не оторвался от стенки? – огорошивает меня он.
- Да, - обескураженно говорю я и капитулирую, открывая дверь.

Отец Кирилла широко улыбается:

- Да у нас тут все разваливается, надо бы заняться квартирой, да все руки не доходят. Работа, работа, сама понимаешь.

Он берет крючок из моих рук и со всей силой впечатывает его в стенку, старая липучка, на которой крючок когда-то крепко держался, вновь нехотя прилипает к положенному месту. Конфликт исчерпан.

Отец выводит меня на свободу, и мы идем по небольшому коридору на кухню.

Посредине стоит стол, накрытый белой скатертью с вышитыми на ней белыми же розами. Кирилл сидит около плиты, и рядом с ним нет места. Это вводит меня в ступор на несколько мгновений, и я застываю в нерешительности. «Зараза, он специально так сел, чтобы я не могла сесть с ним рядом», - думаю я.

Мама Кирилла хлопочет у столешницы, она оборачивается и приглашает:

- Катерина, садись на диван. Тебе там удобно?

Я делаю так, как она говорит. Мне нормально.

- Да, удобно, - мямлю я.
- Представляешь, опять отклеился крючок, - смеется отец Кирилла, как будто бы и в самом деле случилось нечто забавное.
- Ох, - огорчается его жена, - давно пора его приклеить заново.

Затем она обращается ко мне:

- Да тут полно всего, что надо заново переделать!

Ее рука вспархивает к потолку, я провожаю ее полет взглядом и замечаю желтую люстру, провод которой перемотан синей изолентой. Затем рука фланирует к раковине, и я вижу наклоненный сильно влево смеситель. Наконец, рука опускается, и я наблюдаю отсутствие плинтуса около двери на кухню.

- Переделаем со временем, - добродушно обещает отец Кирилла. И я понимаю, что его «со временем» - бесконечно, как наша Вселенная. Веселый он мужик.

Мать семейства торжественно ставит посредине стола блюдо с запеченной уткой и садится напротив меня. Хозяин дома усаживается рядом со мной на диван, от чего тот немного проседает.

- В тесноте, да не в обиде, да? – хохочет он.

- Ммм, даа, - вежливо улыбаясь, блею я.

Вид утки вызывает у всех полнейший восторг. Надо отдать должное, выглядит она и впрямь потрясающе. Коричневая, ароматная, с приправами и яблоками. Даже у меня просыпается аппетит. Помимо утки на столе стоят два вида салатов: овощной и нечто традиционное, майонезное, с натертым сыром и яйцом. Глубокая тарелка с жареным картофелем и луком. И бутерброды с икрой.

- Катя, ты не стесняйся, бери все, что нравится, - говорит мама Кирилла.

- Хорошо, - бубню я, жутко стесняясь, хватаюсь за вилку с двумя зубцами и неловко отрываю кусок утки.

- Картошечки? – в ухо гремит отец Кирилла.

- Да, спасибо, - тону я под волнами вежливости и стеснения.

В ответ он щедро накладывает мне в тарелку гарнира, от которого еще идет пар. Запахи возвращают меня к жизни. Тошнота успокаивается, и я позволяю себе немного расслабиться. Кирилл не смотрит на меня, он старательно прячет глаза, или делает вид, что занят уткой.

- Попробуй салат, это наш семейный рецепт, - предлагает хозяйка.

- Конечно, - заверяю ее я и кладу себе пару ложек майонезного нечто.

«Обожраться и умереть», - думаю я про себя. Тарелка моя ломится от еды, а рядом с ней сироткой стоит пустой бокал для виски. Отец Кирилла уже во всю уплетает утку, тщательно обглаживая каждую косточку. После его трудов косточки остаются гладенькими и абсолютно чистыми. Ювелирная работа. Я так не умею. От неловкости ситуации почему-то начинаю ковырять утку вилкой, и Кирилл тут же злорадно делает мне замечание:

- Вообще-то дичь едят руками! Тоже мне! Интеллигенция.

- Кирилл, ну ты что... Пусть она ест, как хочет, - вмешивает хозяйка, но глаза ее смеются, я понимаю, что все они потом будут вспоминать именно этот момент и с наслаждением обсуждать мой провал в владении искусством этикета.

Я краснею и продолжаю ковыряться в утке. Птица получилась действительно вкусной и сочной, - румяная корочка хрустит, а нежное мясо само рассасывается во рту. Эх, к такой закуске да пару светлого пива! Или белого вина, какого-нибудь итальянского. Вдруг отец хлопает в ладоши, и от неожиданности я вздрагиваю. Часть майонезного салата падает с моей вилки на белоснежную скатерть. Это не остается незамеченным. Кирилл тут же цокает:

- Блин, ну ты даешь! Это ж надо! – он огорченно качает головой.

Я его уже достаточно ненавижу и принимаю решение устроить какой-нибудь перформанс в конце вечера. Нет, срать им на стол я не буду, но лично Кириллу сделаю какую-нибудь подлянку.

- Да все в порядке, - по-прежнему ласково улыбаясь, говорит его мама. Она протягивает мне салфетку. Я благодарю:
- Спасибо...

Истинный виновник произошедшего даже не удостоивает секунды своего внимания этой трагедии. Он вскакивает из-за стола и спешит к верхнему ящику кухни, открывает его, и я замечаю ряд бутылок с алкоголем. Вот он – Святой Грааль, домашний бар.

- Совсем же забыл! Вот у меня тут есть виски. Пили когда-нибудь такой? – отец Кирилла достает непочатую бутылку светло-коричневого цвета. Название мне ни о чем не говорит, и я отрицательно мотаю головой.
- Я не пил, - отвечает Кирилл.
- Ну, сейчас оценим, значит. Это мой приятель привез из Америки. Ездил туда по делам, налаживает бизнес, - зачем-то говорит хозяин.
- О, здорово, - бурчу я себе под нос.

Виски льется по бокалам, и предвкушение приема «лекарства» делает мою жизнь чуточку лучше. Мама Кирилла едва заметным жестом останавливает мужа, когда он наливает ей совсем чуть-чуть:

- Хватит.
- Понял, - откликается хозяин, затем закручивает бутылку, хватается за рюмку и кричит мне в ухо:
- За знакомство!

Мы чокаемся и выпиваем. Виски идет хорошо, легко проскальзывает внутрь меня, приятно обжигая гортань, доходит до желудка. Я наслаждаюсь и почти кончаю. Отец Кирилла морщится и кривит рот, он тут же закусывает бутербродом с икрой и интересуется:

- Ну, как вам?
- Хороший, - говорю я.

Кирилл с гримасой отвращения пихает в себя семейный салат и просит у матери сока. Пока та суетится, он произносит свой вердикт:

- Жестковат.
- Да, вот и я так думаю, - подхватывает отец, - все-таки лучший виски делают в Шотландии! Американцы не умеют!
- Это вы пить не умеете, - хочу ответить я, но молчу и думаю про себя: почему он сказал в Шотландии? Почему не Ирландия? Но не собираюсь задавать лишних вопросов. А то вдруг больше не нальет.

Впрочем мои опасения напрасны, бокалы вновь наполнены. Пить, правда, пока никто не спешит. Мама Кирилла решает, что настал момент для поговорить:

- Кирилл нам многое о тебе рассказывал.
- Да? – удивляюсь я, так как вроде положено удивиться.
- Да, ну много я имею в виду для него. Он у нас закрытый мальчик, - продолжает мама.
- Молчун, - хохочет отец мне в ухо, - из него ничего не вытянешь и щипцами!

Кирилл смотрит куда-то мимо меня и придерживает пальцами свой бокал. Я так и вижу, как в голове у него проносится мысль: «Скорей бы выпить еще».

- Но мы не так давно вместе, - говорю я.
- Как недавно? – спорит со мной хозяин, - месяца три? (я киваю в ответ)
А мы с Наташей спустя три месяца знакомства уже ждали его, Кирюху.
Жизнь она такая! И вот почти тридцать лет вместе!

Отец Кирилла с нежностью бросает взгляд на жену. Она же смотрит на меня:

- Вам, конечно, не обязательно следовать нашему примеру. Это у нас так получилось. А вы еще молодые, гулянки, свидания – это всё пока не надоело, то пользуйтесь свободным временем. Потом, когда дети пойдут, уже не до чего будет.

Я в ужасе таращу на нее глаза. Дети? Позвольте, какие-такие дети у меня с их сыном? Кто вообще говорит, что у нас что-то серьезное? А как пользоваться контрацептивами, чтобы спустя три месяца не забеременеть, к своим тридцати годам я уж умею. Тем более в наше время это доступно и обществом не порицаемо. Я завожусь и злюсь. Что я тут делаю? Почему мою судьбу решают без учета моего мнения? Что за старорежимные замашки?

- Давайте за родителей! – гремит хозяин.

Чокаемся, выпиваем. Кирилл тут же запивает виски яблочным соком. Слабак, - думаю я с отвращением. Какие тут дети, если человек не может выпить чистый виски и не поморщиться?

- Катерин, а кем работают твои родители?
- Мама бухгалтер, а отец разработчик компьютерного обеспечения, - говорю я.
- Ну надо же! – почему-то сильно удивляется папа Кирилла. Он обращается к жене:
- Наташ, вот это да! Я-то думал, что если Катерина пианистка, значит у нее все в семье такие возвышенные!

Он в который раз разрождается зычным хохотом и толстыми пальцами в воздухе имитирует игру на фортепиано. Мама Кирилла снисходительно улыбается, а затем спрашивает у меня:

- А как так получилось, что ты стала музыкантом?

Я думаю, что сегодня вечером вскрою вены у них в ванной. Или отковыряю от стенки крючок, запихаю себе в рот и подавлюсь им насмерть. Получайте, б**, нате вам! Меня напрягает это знакомство-собеседование. Куда я попала? Второй отборочный тур в жены для Кирюши? Только лишь мое воспитание не позволяет мне встать и послать их всех на хер. Ну и внушительная фигура хозяина дома.

- Это заслуга бабушки, - уныло начинаю я рассказ, который озвучивала уже миллиард раз за всю свою жизнь, так наверное чувствуют себя музыканты группы Eagles, когда в очередной раз исполняют песню «Hotel California».

- Она хотела, чтобы папа стал музыкантом, но у него не было способностей, тогда бабушка решила взяться за меня и отвела в пять лет к частному педагогу. Он подготовил меня к школе, а дальше пошло-поехало. Училище, консерватория, - вздыхаю я. За этими разговорами никак не дождешься третьей рюмки.

- Надо же, как интересно, - чуть шире распахивает глаза Наталья Незнаюотчества, - получается вся твоя жизнь была уже определена!

- Выходит так, - вяло соглашаюсь я. Зачем тут спорить и что-то доказывать? Им незачем знать, что я много раз пыталась сойти с намеченного мне судьбой пути, но она все равно победила.

- И как это оплачивается, нормально? – встревает отец.

Меня коробит настолько прямой вопрос. Люди, да что с вами? Разберитесь лучше со своим слюнтяем-сыном, который живет с вами рыбой-прилипалой и в ус не дует. Я жду, что мама Кирилла, как самый разумный человек из всего семейства, сделает уместное замечание своему мужу, но она и не думает об этом, а наоборот, - смотрит на меня в ожидании ответа.

- Нормально, - выдыхаю я, - не бедствую.
- У нее своя квартира в центре, - объявляет Кирилл. Он словно бы вышел из состояния транса, но спустя секунду вновь погрузился обратно. Сученок.

Родители мило улыбаются мне. Я улыбаюсь в ответ. Приятнейший вечерок. Милейшие люди. Все такое вкусненькое. Меня опять начинает подташнивать.

- Двушка? Трешка? – продолжает продавливать отец Кирилла.
- Одношка, - признаюсь я в этом тяжком преступлении. И под тяжестью собственной вины опускаю голову чуть ли не в тарелку над остатками утки.

Хозяин дома откидывается на диване и с облегчением вздыхает, он посмеивается и похлопывает себя по животу:

- В однушке - это не жизнь, так, конура. Ну, может, одной еще нормально, да и то, как в тюремной камере! Я вот люблю пространство. У нас большая, как видишь, трехкомнатная. Со временем и Кириллу справим квартиру. Двушку, не меньше, - повествует он.

Я киваю головой на все его слова. Конечно, дядя. Конечно. Кто ж с тобой будет спорить. Его самодовольство такое плотное и густое, что мне становится тяжело дышать. Хочется выпутаться из всего этого, как из липкой паутины, и бежать не оборачиваясь.

- Здорово, - говорю я.

Отец Кирилла наклоняется ко мне и смотрит прямо в глаза своим хитрым насмешливым взглядом:

- Ну а вот, если не секрет, сколько стоит твоя квартира?

И вновь за столом тишина.

- Миллионов семь, - честно, как на исповеди, рублю я.
- О-о, - чмокает он и с уважением смотрит на меня, затем переводит взгляд на жену и слегка кивает головой.

- Надо же, какие цены на квартиры в центре! – поражается мама Кирилла.
- Там сталинский дом, - подтягивает Кирилл.

«Боже мой, - думаю я, - они, что, банда черных риелторов? Сейчас напоят меня отравленным виски, заставят подписать документы, а потом всё – привет, 101 километр! Хорошо, если еще почку не вырежут». Как бы в ответ на мои мысли, отец разливает снова.

Чокаемся без тоста и выпиваем.

Отец Кирилла двигается ко мне все ближе:

- Но ты не думай, Катерина, что мы какие-то зачуханы. Мы простая рабочая семья. У меня свой бизнес, мама у нас за дом отвечает. Сын при мне работает. Живем нормально, в достатке.
- Отлично, - киваю я, одобряя быт и нравы их семьи.
- Со временем Кирюхе передам дело, пока пусть учится. А я, может, пивной ресторан открою, немецкой кухни! Ела когда-нибудь баварские сосиски?
- Да она была небось сто раз на гастролях в Германии, - вмешивается Кирилл.
- Ну не сто, но была, - с не охотой подтверждаю я.
- А-а, ну вы-то музыканты! Ля-ля-фа! – хохочет отец.
- Давайте выпьем за любовь! – вдруг предлагает его жена, - я очень рада, что ты сегодня пришла к нам, что мы, наконец, познакомились. Надеюсь, не в последний раз вот так сидим. Приходи к нам почаще!
- Спасибо-спасибо, - смущенно лепечу я, молясь о том, чтобы этот раз и оказался последним.

Рюмки обновляются в четвертый раз, мы чокаемся и выпиваем. Теперь уже я стараюсь не смотреть на Кирилла. Но чувствую, как его нога под столом скользит по моей ноге все выше и выше. Мне это неприятно. Я всего этого уже не хочу. Одна польза – похмелье меня отпускает. Голова не болит, и желудок не мучают спазмы.

За расспросами и разговорами стол незаметно пустеет. Салаты съедены, от утки остаются лишь косточки. Хозяйка прибирает за нами. Никто из мужчин ей не помогает, и я чувствую себя некомфортно. Словно бы мы перенеслись в Тару из «Унесенных ветром», и нам за столом прислуживает заметно похудевшая и побелевшая няня Мамушка.

- Чай, наверное, попозже? – уточняет мама.
- Да, мы еще выпьем по одной, - вальяжно говорит отец Кирилла. Он снова обращается ко мне:
- Тут вот такое дело. Я бизнесмен и привык думать наперед. Вот вы сейчас молодые, встречаетесь туда-сюда, хотя ну как молодые! В твоём возрасте Наталья уже была матерью, и Кирюхе было лет двенадцать! Ха-ха! Двенадцать лет! Это уже большой пацан!
- Господи, за что ты так со мной, - неслышно бормочу я.
- Так вот, - чуть успокоившись, продолжает он, - времени-то получается у тебя не так много, а Кирюха говорит, у вас любовь. Значит, свадьба. Значит, дети. А без чего всего этого не получится?
- Без меня? – с надеждой спрашиваю я.
- Ха-ха, - грохочет отец, - Ха-ха! Без квартиры! Вы, конечно, первое время можете и с нами пожить, у нас метры позволяют, но Кирюха против, он желает отдельно. Ну это его право, я тоже за то, чтобы новая семья жила отдельно.

Я чувствую ногу Кирилла на своей ноге. Он двигается все активнее. Чего ему надо? На что он рассчитывает? Что сумеет этим возбудить меня, и я в порыве страсти соглашусь на весь этот бред, что мне пытается сказать его отец?

- Но ближе к делу, - говорит хозяин, - у тебя есть капитал, назовем так твою квартиру, верно?
- Ну да, - нерешительно соглашаюсь я, уже не уверенная моя ли она еще.
- И у нас есть капитал! Миллионов восемь точно найдем. Можно объединиться и купить хорошую квартиру с ремонтом прямо в нашем дворе! – выпаливает он.

Мама Кирилла решает поддержать мужа:

- У нас тут прекрасный район, - парки, детские сады, школы. Конечно, это не центр, но зачем растить детей в центре? Там же преступность, экология, даже приличных магазинов нет, мне Кирилл говорил.
- Да, с продуктами там жопа, - кивает Кирилл и тут же одергивает себя, - прости, мам.

Та притворно грозит сынишке пальцем.

- Здорово, - как во сне твержу я и жду момента пробуждения.

Отец Кирилла хлопает в ладоши и радостно смотрит на жену и сына:

- Ну, вот и порешили! – объявляет он.

По бокалам льется виски. Мы чокаемся и выпиваем. Я понимаю, что виски мне больше не нальют и мрачней. Мне нужно в туалет, нужно выйти, нужно сбежать отсюда, как можно скорее. Но будущий свекр преграждает путь на волю. Его феноменальное тело распластывается по всему пространству, и давит на меня.

Я неловко встаю и жестом прошу выпустить меня. Смущенно улыбаюсь.

- А, что? – вздрагивает отец Кирилла, - а тебе сортир нужен? Ну, где это, ты знаешь, - хохочет он.

По моему затылку бегут мурашки. Взять бы да тюкнуть папашу чем-нибудь по голове.

В туалете, наконец, я дышу, как бы странно это ни звучало. Наедине с собой мысли обретают стройность. Расстаться, нам нужно немедленно расстаться. Завтра. Завтра я напишу ему сообщение в WhatsApp, а затем тут же заблокирую. Да, потом будет тяжелое время, когда я не смогу отвечать на звонки с незнакомых номеров – вдруг это Кирилл? Буду нервничать при сообщениях с других телефонов. Наверняка прочитаю кучу дерьма о себе. Возможно, Кирилл даже осмелится показаться у моего подъезда. Есть вероятность, что даже с бутылкой кислоты. Но все это, весь этот кошмар, ожидающий меня впереди, ничто по сравнению с планами их семьи на мое дальнейшее будущее. Я не собираюсь становиться женой их сына, чтобы

потом всю жизнь выслушивать от него про свои недостатки, учить рецепты семейных салатов и зависеть от настроения своего мальчика-мужа.

В туалете я обращаю внимание на три освежителя воздуха. Кто держит у себя целых три баллончика? Запах вашего дерьма на выбор. Ассортимент на любой вкус: освежающая мята, лесные ягоды и аромат венского штруделя. Рассеянно я верчу в руках последний освежитель. Мне почему-то становится обидно за австрийский десерт. Это же одно из моих любимых лакомств, и вот некто додумался делать маскировщик вони с его запахом! Случайно палец чуть сильнее давит на кнопку, и волна из спрея опрыскивает мою рубашку на груди.

- Черт, - ругаюсь я, - ну, блин!

Я ставлю обратно освежитель и судорожно машу руками вокруг себя, надеясь отогнать брызги, но вместо этого делаю только хуже, - запах венского штруделя проникает в ткань рубашки все глубже и глубже. Теперь вся я – сплошной штрудель.

На кухонном столе уже подан чай с шоколадным тортом. Я сажусь на свое место, понутив голову.

- Все в порядке? – обеспокоенно спрашивает мама Кирилла.

- Да, всё нормально, - натянуто улыбаюсь я.

За столом только мы вдвоем. Кирилл с отцом где-то в квартире, наверное, строят планы по захвату моего имущества. Кирилл диктует список вещей, а отец бегло оценивает их стоимость. Возможно, даже делают таблицу в «Экселе».

- Катя, тебе все понравилось? – не отстает хозяйка.

- Да, все замечательно, - отзываюсь я, как можно любезнее. Она милая женщина, и я не хочу ее обижать.

- Попробуй торт, - говорит она.

- Вы сами приготовили? – я кладу себе небольшой кусок.

- Нет, - смеется она, - какой там! Тут за день и так целый день у плиты, до торта руки уже не дошли. У нас ведь как – один не ест щи, а

другому щи подавай. А кто ест щи, не ест борщи. И вот целый день крутишься, то один суп, то второй. Кирилл категорически отказывается есть рис, а папа наш рис обожает. Значит, два гарнира. Хоть оба мясо любят, с горячим голову не приходится ломать, - вздыхает женщина.

Я в ужасе проглатываю кусок торта и думаю: «Какая мучительная жизнь». Липкий холодный страх пронзает меня насквозь. Жить вот так? Между плитой и стиральной машинкой? Я теряюсь и не знаю, что ей ответить, и брякаю:

- Вкусный торт.
- Ну и хорошо. Ешь, а то ты такая худенькая.
- Вы тоже стройная, - я нахожу момент для комплимента.
- Ой, да ладно, - довольно улыбается она и одергивает на себе кофту.

Ей хочется поговорить о чем-нибудь еще, возможно, эта жажда по женскому общению, разговорам о какой-нибудь чепухе, вроде личной жизни киноактеров, или поделиться воспоминаниями из своей молодости. Но тут наше уединение прерывает мужская часть семьи.

Отец Кирилла вваливается на кухню и плюхается рядом со мной:

- О, вот и чаек! – грохочет он. Я успеваю заметить, как на секунду сморщивается лицо его жены. Это всего мгновение, но оно говорит больше, чем весь этот вечер. Да она его еле выносит.

Мы пьем чай. Кирилл капризно спрашивает, указывая на торт:

- А почему ты купила шоколадный? Ты же знаешь, я его не люблю.
- Зато я его люблю, - хохочет отец.
- Я подумала, что он понравится Кате, обычно девочки любят шоколад, - оправдывается мама.
- Я люблю шоколад, - подтверждаю я.
- Вот видишь, - говорит она.
- Но я не люблю! – настаивает Кирилл, - ты оставила меня без сладкого!
- Ты же не ребенок, - вдруг ляпаю я раздраженно. Эта сцена начинает меня нервировать. Поведение Кирилла кажется мне возмутительно

детским. Дать бы ему ремня. Выбить бы всю дурь. Мои родители никогда бы не позволили мне так себя вести за столом, я бы уже лежала с отбитой задницей на своей кровати и редела в подушку.

Кирилл смотрит на меня с презрением и морщит нос. Его мама подбегает к холодильнику и хлопчет:

- Кирюш, у нас же варенье малиновое есть. Ты же его очень любишь.

Она достает банку и машет ей перед Кириллом. Тот все еще морщится, потом снисходительно разрешает:

- Ну давай свое варенье.

Мать радостно улыбается. Угодила. Загладила свою вину. Мне всё это, конечно, противно. Я заранее жалею женщину, которая когда-нибудь вляпается в брак с Кириллом. Бедняжка, ей придется ежедневно наблюдать недовольную физиономию по каждому пустяковому поводу. Вина за любой проступок будет нависать на ее хрупких плечах все больше и больше, пока окончательно не придавит к полу. Тошнота подкатывает к моему горлу. Кажется, я переела. Хочется выйти из кухни и заблевать им всю их шикарную квартиру. Я настраиваю себя на скорый отъезд домой. Надо просто сказать: «Спасибо, мне пора». Перетерпеть недолгое прощание, быть милой и вежливой, а затем, когда за мной захлопнется входная дверь, вздохнуть полной грудью и хорошенько выругаться. А дальше по привычной схеме: везде заблокировать абонента и никогда, никогда не отвечать на звонки с незнакомых номеров.

Отец расслаблен и доволен тем, как проходит вечер. Он достает смартфон и показывает мне фото из летнего отпуска. Вся семья ездила на Кипр. Пляж, развалины, рестораны с полным столом. Все улыбаются, всё хорошо.

- Мы жили в пяти звездах, - говорит отец, - ты была на Кипре?

- Ой, да была небось, - вмешивается Кирилл.

- Нет, не была, - качаю я головой, - да и не особо хочется, - думаю про себя.

- Как же так! – подкалывает меня мой кавалер. Но я пропускаю мимо ушей его слова.
- Ну, может, как-нибудь все вместе еще разок поедим, - обещает потенциальный свекр, - там очень хорошо! Море теплое, пляжи, а еда! Еда там обалденная!
- Рыба вкусная, - соглашается с ним жена.
- Рыба воот такая огромная, на гриле, готовили при нас, только утром рыбаки вылавливали в море, - ударяется в воспоминания глава семьи.

У меня тренькает телефон, я с облегчением выдыхаю:

- Прошу прощения.

Отец непонимающе смотрит на меня, затем до него доходит, что мне надо выйти:

- А, конечно-конечно!

Ловлю на себе подозрительный взгляд Кирилла. В прихожей у меня мелькает шальная мыслишка: а не накинуть ли пуховичок, подхватить ботинки и смотаться отсюда по-тихому? Вот это будет номер! Сбежавшая невеста, ни дать ни взять, как в фильме с Ричардом Гиром. Вместо этого проверяю сообщение. Оно от Лизы, матери моей ученицы: «Екатерина, мы вынуждены отказаться от Ваших услуг. Нас не устраивают занятия раз в неделю». Думаю: «Вот сука, а меня не устраивает, что ты мне денег должна». Хочу написать ей что-нибудь грубое или хотя бы напомнить про долг, но я понимаю, что всё это бессмысленно. Всё вообще не имеет никакого смысла. Всё на свете кончится ничем. Пусть ищет другого преподавателя, который будет мотаться за копейки на другой конец города, чтобы выслушивать нытье три часа в неделю, как плохо живется домохозяйке с маленьким ребенком. Я даже рада, что всё так вышло, сама бы я вряд ли смогла отказаться от уроков с Викой. Эти объяснения, оправдания, извинения – всегда даются мне с невероятным трудом. С улыбкой я убираю телефон обратно в карман, и только тут замечаю стоящего рядом со мной Кирилла:

- Приятные новости?

- Скорее наоборот, - отвечаю я.
- Любовник написал? – с усмешкой спрашивает он. У него недобрый взгляд, и мне не по себе от того, как Кирилл посматривает на меня.
- Муж написал, - говорю я.
- А-а, заждался тебя?
- Да, пишет, чтобы домой побыстрее ехала.
- Знаешь, что... - Кирилл хватает меня за руку и тащит по коридору в комнату, захлопывает за нами дверь, и там в темноте несколько раз с силой встряхивает. Запястье болит, он слишком сильно его сжимает.

Почему-то шепотом я говорю:

- Прекрати, мне больно. Ты дурак?
- Вы***** бы тебя сейчас, су***, - зло шепчет мне он в ответ, и тут же начинает лапать меня за задницу свободной рукой, затем за грудь, сжимая изо всех сил соски, потом целует в щеки и губы. Я почти не сопротивляюсь, и Кирилл отпускает меня.

Я делаю шаг назад и упираюсь в дверь. Глупо кричать. Ну, прибегут его родители, и что я им скажу? Всё это выглядит нелепо. Чувствую себя дурой и делаю вид, что ничего не происходит. Кирилл включает свет и проходит к столу, на котором лежит ноутбук.

- Так это твоя комната? – спрашиваю я очевидное.

Он ничего не отвечает, делает вид, что занят. Комната небольшая, но довольно уютная: светлые обои, небольшой шкаф для одежды. У окна – стол, у противоположной стены разложенный диван. Спартанская обстановка. На полу клубком змей – провода от ноутбука и зарядок. Я подхожу ближе к Кириллу и смотрю через плечо, что он делает. На экране мелькают военные, какая-то база, вертолеты.

- Ты серьезно? Серьезно? Ты решил поиграть в стрелялку? – поражаюсь я.
- А что? – как ни в чем не бывало, спрашивает Кирилл.

- Да ничего, я тогда домой поеду. Мне пора. Засиделась уже до неприличия.

Я рада, что нашла повод поскорее убраться отсюда. Кирилл ставит игру на паузу и поднимает глаза на меня. От его злого взгляда хочется спрятаться в шкаф.

- Ты нарочно что ли меня выводишь? – шепчет он, - мои родители тебя приняли, как родную! А ты чего вытворяешь тут?

У него ходит ходуном нижняя челюсть, лицо краснеет до пунцового оттенка. Куда я попала? С кем я связалась? Что за психиатрический диспансер на выезде?

- Я не ничего не вытворяю, - лепечу я.
- Вот и сиди тогда. Я сказал маме, что ты останешься на ночь.
- Что? – вскрикиваю я.
- А что? Ты против? У тебя дела? Муж заждался?
- Я не думала, что останусь. У меня нет с собой ничего, - пытаюсь я воззвать к голосу разума Кирилла, но тот спит беспробудно.
- У тебя с собой всё есть как раз – сиськи и п****, это всё, что надо, - ухмыляется он, - я хочу вы***** тебя сегодня.

Теперь начинаю злиться я. Да что он о себе возомнил, в конце концов?

- Знаешь что, в твоём случае надо или иметь характер попроще, или х** побольше. Слишком много себе позволяешь.

Я собираюсь наговорить еще вагон и маленькую тележку гадостей, но вдруг в дверь стучат. Кирилл не сводит с меня холодного взгляда и громко спрашивает:

- Что надо?
- Я вам белье принесла, - говорит его мама, - можно войти?

Кирилл подхватывается и чуть ли не бежит открывать ей. Они возятся с бельем, а я стою столбом посередине комнаты и не знаю, куда себя деть. Что за напасть такая.

- Пока можешь сходить в ванну, - выручает меня хозяйка.

- Да, конечно, - бормочу я и быстренько убегаю в коридор.

В ванной комнате для меня уже лежит заботливо приготовленное полотенце. Мне невыносимо плохо от радушия этой семьи, хочется выть диким зверем и скрести ногтями по кафелю, оставляя на стенах кровавые следы. Это не моя жизнь, это не мое будущее. Мне всего этого не надо. Оставьте при себе свое хорошее отношение. Я – дерьмо, и не надо ко мне относиться, как к кому-то другому. Вы принимаете меня за нормального человека, адекватного вам, меряете по меркам своего окружения и мировоззрения, пытаетесь разглядеть во мне черты, знакомые вам. Но я просто дерьмо, алкоголичка, и мне не нужно ничего из того, что вы хотите или могли бы мне предложить.

Я принимаю душ, натираюсь гелем мамы Кирилла и принимаю спонтанное решение устроить сегодня незабываемую ночь. Пусть трахает меня, как угодно, пусть делает со мной всё, что хочет. Претворяет в жизнь все свои извращенные мечты и удовлетворяет тайные желания. А завтра я сотрусь из его жизни, так, как будто меня вовсе и не было.

Мы засыпаем около трех часов ночи. Кирилл улыбается мне, целует в щеку сухими губами и прижимает к себе:

- Ты моя навсегда, ты знаешь это?

- Да, - сучусь я, - так и будет.

Он обнимает меня и почти сразу же засыпает. А я прикидываю в уме, способен ли Кирилл устроить безобразный скандал после нашего расставания? Будет ли он караулить меня возле дома или консерватории? Захочет ли бесконечно выяснять отношения? Или постарается поскорее забыть меня, что было бы идеальным и единственно верным вариантом выхода из нашей истории. Конечно, я буду скучать по нему какое-то время, ведь для меня он – отличный собутыльник, мы успели многое пережить за наш недолгий срок вместе, ведь столько было выпито! Но я не вижу нас за пределами бара. Если бы всё оставалось, как есть... Зачем это сближение? Знакомство с родителями, планирование жизни как какого-то рабочего

графика. От звонка до звонка в семье, как на заводе. Разве это жизнь? И три освежителя в туалете.

Я никак не могу уснуть, слушаю, как во сне сопит Кирилл. Мне жарко и холодно одновременно, его рука на моей груди мешает мне вздохнуть. Словно камень или это чувство вины. Вот так наворишь дел, а потом лежишь и думаешь, какая же я сволочь. Саморазрушение – это не хобби, это моя профессия.

Неловкое утро воскресенья после мучительной бессонной ночи, когда в голове одна за другой меня преследуют унылые мысли, какое же я дерьмо, и куда я, собственно говоря, сливаю свою жизнь. Еще слишком рано, может быть, восемь или половина девятого, - без разницы, в такое время порядочные люди не начинают свои воскресные дни. Но я-то могу себе позволить быть сволочью. Грубо спихиваю с себя руку Кирилла в надежде на его пробуждение. Но нет, этот спит как боров, и только переворачивается на другой бок. Я нарочито тяжело вздыхаю и пытаюсь перетянуть на себя одеяло, - безотказный способ разбудить даже Ленина в Мавзолее. Кирилл бормочет что-то и одним резким движением возвращает одеяло себе.

- Твою мать, - думаю я, - как отсюда смотаться да поскорее.

Мне не хочется продолжать этот спектакль со смущенными улыбками за завтраком, когда его родители будут пялиться на нас и подмигивать друг другу. Все эти «как спалось» и «будешь чай, Катерина?». Я почти на грани, мне необходимо как можно скорее вернуться домой, вздохнуть загазованный воздух Садового кольца и, может быть, немного поплакать.

- Ты спишь? – шепчу я в ухо Кириллу.

Он между сном и реальностью, и я знаю, что он не хочет просыпаться, но все равно бужу его:

- Эй, просыпайся давай. Мне пора домой.

Я со всей силы трясую его за плечо, Кирилл открывает глаза и непонимающе смотрит на меня, постепенно к нему приходит осознание, кто я, где мы, и что было вчера:

- Что случилось? Сколько время? – хрипит он.
- Наверное, девять, - отвечаю я.
- Девять! – восклицает Кирилл, - спи еще. Я по воскресеньям раньше одиннадцати не встаю.

Он собирается заснуть обратно, но я настойчива:

- Мне пора домой, у меня сегодня еще дела. Я лучше сейчас поеду, ты просто встань и закрой за мной дверь, а потом спи сколько хочешь.

Кирилл переворачивается и долго смотрит на меня. В его взгляде – ассорти эмоций: от подозрительности до тревоги.

- Какие еще дела?
- По работе, - вру я.
- По какой еще работе? – давит на меня он.
- По основной! Что за допрос? У меня одна работа, - вспыхиваю я и подсакиваю на диване.

Ищу свою одежду и быстренько натягиваю трусы, джинсы и рубашку.

- Даже чай пить не будешь? – спрашивает Кирилл.
- Дома попью, - не глядя на него, отвечаю я.

Лишь бы поскорее выбраться из этой комнаты, квартиры, подъезда. Я готова хоть выпрыгнуть в окно, но тут высокий этаж, и второй раз такой фокус у меня не получится.

Как и большинство парней, хорошенько потрахавшихся накануне, с утра Кирилл холоден, ленив и равнодушен. Он не хочет секса, и в принципе, я ему пока больше не нужна. Дня через два, возможно, пригожусь, но не сегодня и тем более не сейчас.

- Как насчет минета перед уходом? – хватает он меня за руку.
- В другой раз, - обманываю я его.
- Ну, ладно, - вальяжно потягиваясь, говорит он, - пошли, закрою за тобой.

Мы тихонько прошмыгиваем в коридор. Я наспех собираюсь, кое-как обматываю шею шарфом, запихиваю ноги в ботинки, резко застегиваю пуховик.

- Ну, всё, пока, - бурчу под нос и жду, когда Кирилл откроет дверь.
- У тебя какая-то паника или что? – вдруг спрашивает он.
- Просто хочется домой, впереди куча дел.
- А то я смотрю, тебе так и не терпится свалить отсюда, - с подозрением косится он на меня.
- Это не так, - совершенно бессовестно говорю я одну ложь за другой.

Наконец, заколдованная дверь отворяется, и принцесса выходит на свободу из пещеры дракона. Я не верю своему счастью, и так лечу вперед к лифту, что забываю поцеловать на прощанье Кирилла. Он в недоумении смотрит мне в спину:

- А попрощаться? - кричит он.
- Ой, прости. Это всё недосып. Пока! Напишу из дома, - я посылаю ему воздушный поцелуй и судорожно жму кнопку вызова лифта.

Быстрее, быстрее отсюда, с этой проклятой Пражской, откуда мне еще ехать миллион лет и одну вечность.

В метро я подключаюсь к благу цивилизации – бесплатному вай-фаю и тут же пишу в WhatsApp Кириллу: «Может быть, для тебя это неожиданно, но так действительно будет лучше. Нам надо расстаться». Думаю несколько секунд, добавлять ли «прости», пожелать ли «всего хорошего» или просто написать, какой он мудака, но мне лень вдаваться в подробности. «Прости» тоже ни к чему, за что мне у него просить прощения? Я не хватала его больно за руки и не издевалась над ним. Да и «всего хорошего» я ему не желаю, на самом деле. Честно говоря, наоборот, хочется, чтобы жизнь тюкнула его по голове, и чтобы ни мама, ни папа не смогли решить за него проблем. Пусть хоть раз в жизни сам принимает решения и сам выпутывается из какой-нибудь жизненной подлянки. Но я думаю, что такого пожелания от меня он вряд ли оценит. Поэтому отправляю сообщение и тут же блокирую контакт.

Заношу в черный список его номер и удаляю все сообщения. Вот так, быстро и без лишних раздумий. Конечно, тут же приходит гаденькое чувство сожаления. Парень-то, может, он и не самый плохой, может, надо было поговорить, может, можно было всё исправить, но я слишком стара и слишком устала для моральной реанимации. Завтра будет легче.

Жаль, что Кирилл знает мой адрес, но и с этим я смогу справиться.

От Пражской я еду миллион световых лет: старею, умираю, воскресаю и опять начинаю жить, когда рождаюсь на свет и выхожу из родной станции метро.

Вся эта спешка, быстрые сборы и побег из чужой квартиры, - всё ради абсолютного безделья. На воскресенье я не имею никаких планов, что меня делает счастливой и безмятежной. Наконец-то, время принадлежит только мне. Я бреду по Садовому до своего дома, прикидывая в уме, как бы растянуть оставшиеся несколько сотен рублей до зарплаты, и при этом не отказывая себе в вине и виски. В кармане вибрирует телефон.

- Нет, только не это, - думаю я, - Кирилл, наверное, написывает с телефонов родителей.

С отвращением достаю айфон и уже готовлюсь прочитать о себе массу «приятностей», но это не отверженный мной кавалер. Это Веруня.

- Фуфа умерла, - читаю я ее сообщение, - приезжай ко мне, пожалуйста.

Не сбавляя темпа, тут же спускаюсь в переход и иду в сторону дома подруги. Само это слово «умерла» приводит мое тело и мой разум в авральный режим. Сердце бьется сильнее, а мозг перебирает одну мысль за другой: «Что сказать Веруне? Как это произошло? Нужно ли принести ей цветы или бутылку вина? Притвориться расстроенной или постараться развеселить Веруню? Надо ли расспрашивать? Как выразить свое сочувствие? Уместно ли сказать «мне очень жаль» или это хорошо звучит только в русском переводе американских фильмов?». Голова раскалывается, а тело движется все быстрее и быстрее, я ловлю себя на том, что почти бегу по пустынным

центральным переулком, и буквально через двадцать минут оказываюсь возле дома Веруни и замираю перед подъездом.

- Вера, мне очень жаль, - мысленно репетирую я свое появление.
- Веруня, но это же всего лишь кошка, - примеряю я другой образ.
- Давай-ка выпьем, - шепчу я.

Разве может это быть плохим решением? Выпить в любой ситуации – такая же простая истина, как «утро вечера мудренее». Когда осознаешь их глубину, жить становится легче. Я нажимаю кнопку домофона.

- Вы к Вере? – слышится чужой женский голос.
- Да, - растерянно подтверждаю я.

Домофон пищит, и дверь открывается. Пока я поднимаюсь на нужный этаж, успеваю расстроиться. Мне представлялось, что мы с Веруней будем вдвоем выпивать и вспоминать невероятную жизнь Фуфы, возможно, даже просматривать ее фото, но кого еще, черт возьми, пригласила к себе Вера? И разве это честно? Она, что, устроила кошачьи поминки? Как хорошо, что я в черной рубашке. Очень разумный выбор одежды, - и на знакомство с родителями собутыльника и на похороны питомца подруги.

Дверь в квартиру Веры открыта, на пороге стоит наша бывшая коллега из оркестра. Кажется, сейчас она работает на радио. Я невольно улыбаюсь. Работает на радио – звучит так, будто она пилот дирижабля или извозчик. Настоящее ретро.

- Катя, здравствуй, - сдержанно кивает мне бывшая коллега. Она одета в темно-коричневое платье до колен, строгое и суровое, под стать чертам ее лица. Тронутые сединой волосы убраны в низкий хвост.
- Привет, - запыхавшись говорю я.
- Проходи, - пропускает она меня. Я не помню ее имени, но она помнит мое, и от этого мне становится неловко.

В прихожей стоят несколько пар обуви – мужской и женской. С кухни несет сигаретным дымом, едва слышен чей-то шепот, кто-то всхлипывает, наверное, это сама хозяйка квартиры.

- Ты давно приехала? – зачем-то спрашиваю я у бывшей коллеги.
- С час назад, - вздыхает она.
- Понятно, - мычу я и снимаю обувь.

Мы проходим на кухню, где находятся все приглашенные Веруней скорбящие по Фуфе. Я замечаю несколько знакомых лиц, - когда-то мы работали вместе, кого-то знаю по общим пьянкам, но вряд ли все они близкие друзья Веруни. Неужто их тепло привечала сама покойница?

Плотный мужчина встает со стула и уступает мне место, я молча киваю в ответ на эту любезность и сажусь. Во главе стола сидит Веруня, ее красные глаза вымокли от слез и стали похожи на кроличьи. Она растерянно крутит пряди своих коротких волос и сорванным от плача голосом рассказывает, наверное, в миллиардный раз историю гибели Фуфы.

- У нее была опухоль. Доктор сказал, что я привезла ее вовремя, что всё еще можно исправить, что нужна срочная операция. И я оставила ее там! Понимаешь, - обращается Веруня к худой женщине в накидке из черного кружева, - я ее там оставила! Надо было поехать в другую клинику, надо было найти доктора получше!
- Ну, что ты, что ты, - похлопывает по плечу ее траурная накидка, - ты сделала всё, что могла.
- Нет-нет, - безутешно бормочет Веруня, - я ничего не сделала!

Все тяжело вздыхают, некоторые закуривают еще по одной сигарете. На пустом столе в одиночестве мается переполненная пепельница.

- Может, воды? – предлагает наша бывшая colega.

Веруня отчаянно качает головой, затем медленно поднимает глаза и обводит гостей взглядом, полным горя и отчаяния, пока не упирается в меня.

- Катя! Катя, - она указывает на меня своим узловатым тощим пальцем, и я ёжусь под внимательными и подозрительными взорами гостей.

Что сейчас устроит спятившая от потери Фуфы Веруня? Обвинит меня в смерти любимицы? Припомнит мне недоброе слово, случайно оброненное в адрес кошки? Я горблюсь и почти съезжаю под стол.

- Катя была со мной в тот день в клинике, она помогла отвезти Фуфу, - рыдает Веруня и падает головой на стол.

Кружевная накидка и некий хлыщ в темно-синем костюме тут же начинают наглаживать вдовствующую хозяйку по вздрагивающим плечам. Я с облегчением выдыхаю и скромно киваю, мол, да, было дело. Мне интересно, где мужчина Веруни, сегодня воскресенье, да еще и такой скорбный день, куда он делся, этот рыцарь, всегда готовый прийти на помощь? Но спрашивать об этом неприлично, поэтому я молчу и тоскую. И зачем только мне надо было строить из себя Великую Утешительницу и нестись сюда в свой выходной? Ах, если бы знала, что тут и помимо меня найдется кому подставить плечо и подать бумажную салфетку!

«По карманам можно наскрести рублей четыреста – этого хватит на бутылку омерзительного шардоне из солнечной Аргентины, - прикидываю я в уме, - но всё лучше, чем сидеть тут и делать вид, что мне грустно от того, что померла мало знакомая мне кошка».

«Моя кошка умирает» – это слова песни «Агаты Кристи». Мне всегда казалась она невероятно грустной, под нее хотелось тихонько плакать от фантомного горя. А моей подруге детства слышались такие слова: «маньяк-кошка умирает», и она радовалась, что добро побеждает зло в этой песне, и совершенно не грустила под нее. Мы выяснили правду, спустя очень много лет, когда уже было поздно.

Я сижу сиротой на стуле и невольно дергаю ногами. Если уж Веруне захотелось устроить перфоманс из смерти домашнего животного, то где, собственно, скорбный стол? Где выпивка, дабы помянуть усопшую? Где закуска, чтобы стеснительно ее жевать и судорожно проглатывать, пока Веруня кинется ударяться в воспоминания об удивительной жизни и судьбе Фуфы, которая любила сидеть на подоконнике и смотреть на птичек. Никакая другая кошка ведь так не делает, не правда ли?

У меня как-то был кот. И это был действительно забавный и своеобразный кот, у него даже был свой характер и привычки. Например, он любил спать

по-человечески: голову на подушку, и чтобы тельце прикрыто одеялом. В этом плане с ним хлопот не было: никаких тебе затекших ног под утро, или резких ночных пробуждений от его хождения по моему животу. Кот был злющим, он буквально ненавидел всех без исключения гостей, подсаживался к ним как можно ближе, и, выждав удобный момент, впивался в руки, ноги или даже шею, - был и такой прецедент. Я была единственной из прямоходящих, кого кот выносил. Даже не просто выносил, а не побоюсь этого слова, - любил. Он был белого цвета с невероятными голубыми глазами, как льды озера Байкал. Кто-то уверял меня, что животные такого окраса всегда рождаются глухими, но мой всё прекрасно слышал и отзывался на свое имя Аякс. Уже не помню, отчего я назвала его человеческим именем, да при этом настолько странным, но коту оно нравилось, и только редкие гости в нашем доме, поджимая под себя ноги, и опасливо косясь на Аякса, говорили:

- Ну надо же! Назвать кота Аяксом!

А по мне так это намного лучше, чем какая-то Фуфа. Что за имя такое Фуфа? Она, что, клоун в бродячем цирке?

Мы с Аяксом прожили счастливые два года. Он любил кататься на спине под моим диваном, цеплялся когтями за обивку и плавно скользил по паркету. Он знал, что когда у меня болит голова, нужно лечь мне на лоб и терпеливо лежать. Аякс не мурлыкал, но любил помяукать мне о своем. Однажды я уехала на гастроли и попросила подругу приходить раз в день ко мне в квартиру: чистить лоток, наливать воды и подсыпать корма. Чудовищная просьба, но подруга согласилась. Через неделю ее ноги от лодыжек до колен покрывали ужасные царапины.

- Боже мой, - прошептала я, - я оплачу тебе пластическую операцию.

- Нормально всё, - буркнула подруга и ушла.

Странно, но больше мы не виделись никогда. Аякс встретил меня дружелюбно, терся о ноги, мяукал, рассказывал, как сильно скучал. Вечером я приготовила себе чистую постель и собиралась было лечь спать, как

вдруг явно почувствовала запах дерьма. Я нагнулась под диван, но там было чисто. Я оглянулась вокруг в поисках свежей кучи, но так ничего и не обнаружила. Аякс сидел на стуле, слегка помахивал хвостом. Его ледяные глаза были полуприкрыты, но то было обманчивое равнодушие. На самом деле, он следил за каждым моим жестом. Я подумала: «Может, я свихнулась, наконец-то? И запах мне только кажется? Или где-нибудь на улице прорвало канализацию? Или это вообще у соседей проблемы». Но только я наклонила голову, чтобы прилечь, как в нос мне еще сильнее ударила невероятная вонь. Тогда я откинула одеяло и увидела огромную кучу кошачьего дерьма. Это была подлая месть за мое отсутствие. Раньше Аякс такого себе не позволял. На белоснежном, как его шкура, белье темнело большущая какашка. Мне понадобилось полчаса, чтобы вновь привести в порядок диван и застелить новую постель. Меня подташнивало, и вонь по-прежнему носилась по моей комнате. Но я не отругала кота, я его понимала.

Впрочем его предостережение не пошло мне на пользу. Через какое-то время я вновь уехала на гастроли, Аякса пришлось отдать моим родителям на дачу, ведь у меня больше не было отзывчивой подруги. Спустя две недели мне вернули совсем другого кота: тихого, худого и грустного. Он сидел на моем диване и тихонько поскуливал. В чем душа, с огромными голубыми и очень жалостливыми глазами. Ветеринары говорили, что уже ничего не сделать. На даче Аякс заразился каким-то вирусом от тамошних котов и время, когда его можно было спасти, упущено.

Я плакала над Аяксом, гладила его малюсенькую лапку и с ужасом думала, что скоро его не будет. Скоро я останусь совсем одна. Кот страдал, с каждым днем ему становилось хуже, лекарства не помогали, как и пророчили ветеринары. Аякс смотрел мне в глаза с невероятной болью, и я не спала ночами, вспоминая его взгляд.

Как-то вечером кот, как обычно, сидел со мной рядом, затем пододвинулся ближе и аккуратно положил свою лапку мне на колено. Я погладила ее,- так было заведено у нас. Но он убрал ее и снова положил на колено. Аякс будто

бы говорил, что всё, пора. Я позвонила ветеринару. Он приехал через полчаса, достал из плотного черного пакета шприц и попросил меня подержать Аякса на руках. Кот не сопротивлялся, он даже не зашипел на чужака. Он все понимал.

Я закрыла глаза, и ветеринар сделал инъекцию. Аякс вздрогнул в последний раз и тут же отяжелел. Ветеринар спросил:

- Будете сами хоронить?
- Нет, забирайте, - твердо ответила я.
- Тогда с вас еще пятьсот рублей.

Он положил Аякса в свой черный плотный мешок и ушел. А я долго плакала. Мой плач прервал телефонный звонок. Звонил администратор из оркестра по поводу времени репетиции:

- Что-то случилось? У тебя такой голос! Ты плачешь?
- У меня умер Аякс, - всхлипывая, поделилась с ним я своим горем.
- Аякс? – не понял он.
- Мой кот.

Администратор вздохнул с облегчением и ответил таким тоном, каким обыкновенно отчитывают ребенка за небольшую шалость:

- Катя, это всего лишь кот.

На кухне у Веруни невыносимо пахнет сигаретами и лицемерием. Весь этот цирк мне противен и смешон. А гости! Эти люди, облаченные в темное. Вы, что, действительно явились сюда скорбеть по чьей-то кошке? Неужели в воскресный день у вас не нашлось дел поинтересней? Они старательно делают печальные лица и с тоской осматривают столешницу Веруни, вдруг там, за чайником, притаилась бутылка хотя бы армянского коньяка. Но я-то знаю, где хозяйка хранит запасы алкоголя, нужно кому-то лишь встать и открыть левый верхний ящик. Найдется ли среди нас такой смельчак?

Внезапно в прихожей слышится какая-то возня, все вздрагивают и словно бы выходят из оцепенения. Веруня, поглощенная горем, устало машет рукой в сторону шума:

- Это, наверное, Олег. Вернулся из магазина.

По блеклым лицам пробегает радостной дрожью едва скрываемая улыбка облегчения. Ну, вот! Другое дело! Олег из магазина, как долгожданное лекарство от тяжелого недуга. Я и сама ерзаю на стуле в предвкушении распития за упокой хозяйской кошки.

Олег врывается на кухню с тремя пакетами снеди, и гости подобострастно расступаются перед ним. Пока кормилец мечет на стол еду, приготовленную сотрудниками элитного супермаркета, все томятся в ожидании. Накал страстей доходит до предела. Все взвинчены и, кажется, вот-вот потеряют рассудок. Олег – этот таинственный мужчина Веруни, высок и худощав, с острым орлиным носом и серыми прозрачными глазами. Он совсем не похож на то, каким описывала его Веруня: он не подтянут и не накачен. Хотя, что взять с влюбленной женщины, мы и жабу в своем сознании переделаем в Кэри Гранта.

На столе оказываются упаковки с салатами, уже нарезанные колбаса и сыры, багеты, даже картофельное пюре в темной упаковке, специально для разогревания в микроволновой печи. Я думаю, что для Олега – это обычная вещь: пойти в супермаркет за готовой едой. Он уже знает, что следует брать. Женская половина гостей начинает обычную суету:

- Верочка, а где у вас тарелки? А салаты, наверное, лучше в салатник? А где взять вилки? А мы сядем на кухне? Да, тут, наверное удобней.

Веруня слабыми взмахами руки указывает на кухонные ящики, где хранятся ее сервизы и другие нужные принадлежности. Она не хочет выходить из образа понесшей утрату императрицы.

Полный мужчина, уступивший мне стул, сдается первым:

- Давайте я схожу за вином, - предлагает он, наконец, набравшись смелости.
- Можно чего и покрепче, - говорит другой гость, одобрительно кивая головой.

Дамы притворно стесняются, оглядываются на хозяйку и лопочут нечто невразумительное:

- Ой, мы не знаем... Удобно ли это... Да мы наверное не будем...
- Не надо, - резко вмешивается Олег, и все замирают, испытывая чувство жесточайшего разочарования, - у нас всё есть, - продолжает он, и по кухне разносится стон облегчения.

Из заветного ящика Олег достает вино и виски, и все, наконец, усаживаются за стол.

Я получаю свою порцию салата «Столичный», кусок багета и ассорти мясных нарезок. От голода уже кружится голова, и хочется зверским образом запихать в себя всё это, жадно запивая бокалом неплохого красного вина.

- Потом перейду на виски, - с наслаждением думаю я.

За столом царит благоговейное молчание.

Хозяйка меланхолично тыкает вилкой в рулеты из баклажанов и брынзы. Ей хочется опять вернуть к себе былое внимание, в котором она купалась совсем недавно, почти как в тех лучах прожекторов, тогда, несколько лет назад, в итальянском туре. Милан, Рим, Неаполь – вот, кто ей рукоплескал. Теперь же ей приходится выбивать крохи сочувствия из нас, равнодушных и меркантильных тварей.

- Скажите, а Фуфа была музыкальна? – спрашивает полный мужчина.

Веруня растерянно смотрит на него и пожимает плечами. Олег отвечает вместо нее:

- Что вы имеете в виду? Подмякивала ли она радио? Нет, Фуфа к музыке никак не относилась.
- Радио это другое, - качая головой, поясняет гость, - у моей жены вот была болонка. Такое забавное создание. Когда играло радио, или работал телевизор, она тоже никак не реагировала. Но стоило мне взять в руки гобой! А я играю на гобое, думаю, большинство тут в курсе. Так вот стоило мне в руки взять гобой, с ней происходило нечто

невообразимое: то она начинала кружиться, будто танцевала, то легонько подвывала, то вставала на задние лапы.

- Надо же! Ну надо же! – галдят гости в нужное время, будто на генеральной репетиции концерта.
- Представьте себе! – с непонятным самодовольством отвечает мужчина, словно это он надрессировал ту болонку, - иногда устраивала такие номера, что невозможно было репетировать, и мы запирали ее на кухне.
- Фуфа не слышала живой звук, - говорит Олег.
- Но я думал... - растерянно смотрит на Веруню гость.

Хозяйка недовольно поджимает губы, вечер явно складывается не так, каким она его себе представляла. Веруня моментально выходит из образа горюющей матери единственного ребенка и становится самой собой – озлобленной стервой:

- Дело в том, уважаемый Петр Степанович, что когда меня выперли из нашего оркестра из-за каких-то интриг, я больше не бралась за виолончель. Теперь, видите ли, я сижу дома, занимаюсь хозяйством и обслуживаю мужчину, чего вы мне, как я отчетливо помню, всегда желали.

Петр Степанович сидит с открытым ртом, он круглый и солидный, и явно не привык к подобному обращению. Может быть, вчера он вернулся из Берлина, где выступал с аншлагом и двумя дополнительными концертами, а на Новый год уже ангажирован в Париж, а тут такой скандал, такое унижение! Его дряблое жирное лицо трясется от негодования. Петр Степанович проклинает себя за малодушие: ну зачем он поперся сюда, зачем его прельстило это приглашение от этой высушенной селедки, ведь он думал, что кошка – это лишь предлог, и на самом деле, Веруня будет перед ним расшаркиваться и, скорее всего, попросит об одолжении, пристроить куда-нибудь, замолвить словечко. Он бы наобещал, но ничего, конечно, для нее бы не сделал, и получил бы колоссальное удовольствие от проведенного вечера.

Гости прячут глаза в тарелки с усердием приглядываясь, а что, собственно, им принесли из сетевого супермаркета, хоть и для потребителей с повышенным достатком.

- Это, что, горошек в салате? – робко интересуется наша бывшая коллега, имени которой я не помню.

Веруня резко поворачивается в ее сторону:

- Тебе что-то не нравится? Я тут никого не держу, - бесится она.
- Вера, - спокойно предостерегает ее Олег.

Но у нее уже вспыхивают глаза огнем ярости.

- Что Вера? Ну, что Вера? Да им же всем насрать! – выкрикивает она и резко убегает в комнату.

Гости опускают головы еще ниже, носами почти упираясь в свои тарелки.

- Прошу прощения, - говорит Олег, он с достоинством встает из-за стола и следует за своей дамой.

Кому-то стыдно за происшедшее. Женщины тягостно молчат, и кусок не лезет им в горло. Петр Степанович нервно опрокидывает рюмку с виски и кричит под неодобрительные взгляды остальных гостей. Он тоже встает и громко, чтобы это наверняка слышала Веруня, произносит, как актер в моноспектакле:

- Не понимаю, в чем меня тут обвиняют, и в чем я виноват. Я приехал с чистыми мыслями выразить свое сочувствие, а получил словно ссанной тряпкой по лицу! Ссанной тряпкой! Я не виноват, что чья-то карьера завершилась, я тут совершенно не при чем! Музыка это колоссальный труд и немного везения. Я много лет! Много лет! – голос его срывается, и наша бывшая коллега улучшает момент и пытается усадить Петра Степановича, но тот грубо отталкивает ее от себя:
- Не лезьте, Тамара, вы заодно с Верой! Ваша карьера тоже закончилась, и все вы, да, все вы тайно ненавидите меня! Я много лет работал, честно трудился и в никаких интригах я не участвовал! Я честен перед собой, людьми и Богом!

На этих словах Петр Степанович крестится, и мне хочется ему заплодировать. Талантливый мужик, ей-богу! Но тут на кухню вновь врывается Вера, как торнадо, как ураган, как буйный пациент психиатрической больницы:

- Ты – честный? Ты? – шипит она, как дикая кошка, будто Фуфа переродилась в свою хозяйку и требует возмездия, - Ты? Не ты ли протезировал на мое место свою любовницу? Любовницу двадцати трех лет! А при этом был женат! Припоминаешь?

Петр Степанович багровеет:

- Я не позволю! Не позволю никому полоскать мою личную жизнь! Это уже выходит за рамки всех приличий!
- Да какие тут приличия! – усмехается Вера, - и не тебе про них говорить! Весь оркестр знал про твою интрижку! Она спала с тобой из-за места в нашем оркестра, из-за моего места! И ты добился своего, интригами, подкупами!
- Я не намерен больше это выслушивать! – кричит известный гобоист, он оскорблен и хочет уйти.

За Верой приходит Олег, он удерживает ее за худые плечи и аккуратно отводит в сторону, пропуская Петра Степановича в прихожую. Гость судорожно одевается, а хозяйка плюет ему вслед:

- Да катись ты, старый развратник! Ты бездарь! Ну где, где теперь твоя любовница? Когда ты дал ей то, что она хотела? Старик!

Петр Степанович высовывается из коридора, хочет что-то сказать, но Олег тихо говорит ему:

- Идите.

И гобоист-интриган уходит. Над столом повисает молчание. Я доедаю салями и допиваю свой бокал вина. Из комнаты слышится перебранка между Олегом и Верой, и гости понимают, что пора уходить. Они тихонько собираются, и я выхожу в прихожую провожать одного за другим. Мне торопиться некуда, ведь на столе еще пол бутылки виски.

Наконец, остаемся только я и Тамара. Как в боевике. Нас осталось двое, и мы обе претендуем на распитие оставшегося алкоголя. У моей противницы, к сожалению, явно пьющее лицо, - помятое, покрытое глубокими бороздами, опухшие веки, плохая кожа. Хотя, возможно, ее стаж алкоголизма намного меньше моего, но мне повезло с генами, а ей – нет. У некоторых после двухлетнего романа с пивом или вином лица, как будто они только и делают, что спят под драными покрывалами на Курском вокзале, не имея ни определенного места жительства, ни определенного рода занятий. Всему виною природа. Впрочем, быть может, и я к сорока годам присоединюсь к числу невезучих, ведь не зря говорят, что к сорока мы все имеем то лицо, которое заслуживаем.

Тамара решительно хватается за бутылку и машет ею передо мной:

- Ты будешь?
- Не откажусь, - говорю я.

Она разливает по рюмкам, мы выпиваем, не чокаясь. За окном уже темнеет, и я с возмущением думаю, почему Тамара не спешит домой.

- Всё это, конечно, ужасно, - вздыхает она, закусывая виски оставшейся колбасой.
- Да, бедная Фуфа, - откликаюсь я ради приличия.
- Да нет, я не про это. Я про скандал с Петром Степановичем, ведь он может действительно устроить проблемы.
- Кому? – уточняю я.
- Вере, мне, да всем нам, - говорит Тамара.
- Ну ты работаешь на радио, причем не классической музыки, Вера сидит дома, а мне как-то все равно до Петра Степановича, я не так известна, чтобы иметь недоброжелателей, - отмахиваюсь я.
- И все-таки! Не всю же жизнь Вера будет сидеть дома! А вдруг она захочет вернуться на большую сцену! – распаляется моя собутыльница.
- О, да! Теперь-то, когда руки развязаны, когда столько свободного времени, - иронизирую я, но Тамара не понимает меня.

- А почему бы, собственно, и нет?
- Да я и не говорю нет. Мастерство не пропьешь, как говорится. Давай еще по одной, - вношу я предложение.

Тамара меня поддерживает. Мы выпиваем. Ссора в комнате то утихает, то разгорается вновь, и я думаю: «Какое же блаженство ждет меня впереди, - вернуться в одинокую, холодную, пустую квартиру, где никто не согреет мне постель, но никто и не устроит безобразного скандала из-за пары пустяков».

- Может быть, их успокоить? – решается Тамара.
- Не думаю, что ты сможешь помочь. Можно сделать хуже. Милые бранятся – только тешатся.
- Катя, ты просто кладезь поговорок, - замечает она.
- Ну простите, - усмехаюсь я.

Мне становится слегка неловко. Кроме любителей вставлять в свою речь к месту и не к месту пословицы и поговорки, так называемое, меткое русское словцо, я терпеть не могу людей, злоупотребляющих цитатами из советских фильмов. «О, тепленькая пошла! Динамо бежит? А что это вы тут делаете, а? Ну, все, кина не будет» - и поток их бесконечен. У них словно вместо головного мозга встроен советский телевизор «Рубин». Обыкновенно люди подобного типа любят пытаться собеседника:

- О, да вы, что же, даже и не знаете из какого это фильма? Да как же так!
А ну-ка отгадайте! Ну, там еще играла Вера Алентова!

На кухню нервным шагом входит Веруня. Она садится на свое место и жестом указывает Тамаре налить ей виски. Я окончательно расстраиваюсь. Но что я могу сделать? Веруня выпивает, с громким стуком ставит рюмку обратно на стол и объявляет:

- С сегодняшнего дня я – свободная женщина!
- Как? Что такое? – щебечет Тамара, разливая себе и мне остатки алкоголя.
- Что за бред? – удивляюсь я.

- А вот так! – взмахивает своими худыми ручонками, похожими на сухожилия птеродактиля хозяйка, - мы окончательно разругались. Я сказала, чтобы Олег собирал вещи.
- Из-за чего? – поражается Тамара.
- Он со мной не согласен. Он считает, что я вела себя недопустимо. Я! – Веруня тыкает себе во впалую грудь тощим пальцем, - и какой мужчина так скажет своей женщине! Он, видите ли, на стороне Петра Степановича!
- Да ладно вам, - говорю я, - расстаться из-за какого-то старикана. Это не серьезно.
- А для меня серьезно, Катя! – нервничает хозяйка, - это показатель! Показатель отношения ко мне, как к женщине! Он выбрал не мою позицию, а позицию постороннего мужика! Что это за сосисочная солидарность? Кто с ним спит, в конце концов, я или этот жирный гобоист?
- Да-да, - поддакивает Тамара.

Но на меня нападает смех, мне хочется позлить Веруню, быть может, это выведет ее из тоски по Фуфе. Я спорю с ней:

- Да какая разница, кто с кем спит. Есть общепринятые приличия, и ты сегодня их нарушила. Нельзя при коллегах, вообще при посторонних людях так унижать человека.
- Что? – глаза Веруни готовы вылезти из орбит, - и ты туда же? Сидишь тут, пьешь мой виски, ешь мою еду и смеешь мне что-то говорить?

Я добродушно отмахиваюсь от ее слов:

- Я говорю, потому что могу, я же не кошка, в конце концов, и ем не из твоих рук и не сижу у тебя на шее.
- Да ты постоянно напиваешься за мой счет! – взвизгивает Веруня.
- И что? – парирую я, - не нравится, не плати. Не нравится, не зови. Тут только дело в тебе. Никто не имеет право оскорблять других людей, а ты только этим и занимаешься. Я вообще не понимаю, как Олег

прожил с тобой столько лет. Честно говоря, я долгое время думала, что он – плод твоего воображения.

- Что? – опять вскрикивает Веруня. Она вертит в руках пустую рюмку, и мне на секунду кажется, что вот-вот запустит в меня ею.

Из прихожей слышится голос Олега:

- Ну, всё. Я собрался. Всем до свидания. За остальными вещами заеду завтра.
- Скатертью дорожка! – нарочито громко кричит Вера.

Внезапно Тамара вскакивает из-за стола и говорит:

- Как же это так! – и уносится в прихожую.

Мы с Верой слышим, как она спрашивает Олега:

- Зачем же вы так резко? Может, еще помириться?
- Спасибо за участие, - ровным тоном отвечает уже бывший мужчина Веруни.
- Куда же вы пойдете? Вам есть куда идти? – хлопчет Тамара.
- Разберусь по ситуации.
- Как это – разберетесь? – волнуется она, - на дворе ночь! Вы выпили!
- Сниму номер, - говорит Олег.
- Номер! Вы знаете, сколько стоят сейчас гостиничные номера! У меня двухкомнатная квартира, я просто предлагаю этот вариант вам, как... как ваш друг! Не поймите меня неправильно!
- Какая наглость! – вопит Веруня, она швыряет рюмку о стену и несется в прихожую. Я за ней, чтобы не пропустить вторую кульминационную часть вечера.

Хозяйка хватается за шиворот Тамару и толкает ее к входной двери:

- Ах ты, старая дева! Вот и убирайся сама в свою вонючую двушку на Полежаевской! Кого я пригрела? Только что сидела кивала мне головой, а сейчас уже уводить мужика собралась?
- Вера, Вера, - пытается ее успокоить Олег.

- А ты что за спектакль устроил? Собрал вещички! Разбирай теперь давай, хватит трепать мне нервы!

Тамара запихивает свои ступни в сапоги, пыхтя и плача. Она выглядит жалкой и смешной одновременно. Веруня стоит у нее над душой и не терпеливо ждет, когда гостя, наконец, оденется. Тамара натягивает дешевенький пуховичок и решается поднять взгляд на подругу, а в нем столько боли и страдания:

- Верочка, ты всё не так поняла. Я хотела как лучше.
- Знаю я таких доброжелателей. Проваливай давай, флаг в руки и барабан на шею, - отвечает непреклонная Вера.

Тамара ищет глазами Олега, но тот покорно ушел обратно в комнату разбирать свои вещи.

- Что ж, до свиданья, - лепечет гостя и выходит на лестничную клетку. Тамара с грохотом захлопывает за ней дверь.
- Нет, ну ты видела? Это ж надо! Вот тебе и старая дева, а как ловко подсуетилась, - говорит мне Веруня.

Мы возвращаемся обратно на кухню, и я разливаю остатки виски.

- Испортили мне весь вечер, - злится хозяйка.
- Еще и виски закончилось, - горько вздыхаю я.

Вера смотрит на меня и качает головой:

- А ты только о выпивке и думаешь! Да не переживай, есть еще.

Она достает из левого верхнего ящика непочатую бутылку виски, и я невольно расплываюсь в улыбке, будто встретила случайно в суете утреннего метро своего лучшего друга.

- В таком случае вечер не может быть испорчен! – заявляю я.

Мы выпиваем, хозяйка закуривает очередную сигарету. В глазах Веруни блестит печаль, то ли от пережитых эмоций, то ли от количества выпитого – ей хочется грустить.

- А знаешь, ведь это правда, - говорит она.
- Что именно? – мурлычу я, открывая новую бутылку виски.

- То, что сказал Олег. С тех пор как меня выперли из оркестра, я ни разу не брала в руки виолончель, - признается Веруня, и плечи ее опускаются еще ниже, будто под тяжким грузом прежних эмоциональных травм и переживаний.
- Почему? – спрашиваю я, разливая по новой.
- Потому что во мне что-то сломалось, не знаю. Сложно это всё. Мне было так обидно, меня выперли ни за что. Администрация приняла решение о моем увольнении! Вот что мне сказали! Администрация! Да что эта администрация понимает вообще? Это всё сплошные интриги, сплетни, вся эта мерзость. Я потом на инструмент смотреть не могла.

На этот раз мы чокаемся прежде, чем выпить. Я ставлю рюмку на стол, во мне просыпаются алкогольные черти:

- И что ты сделала с виолончелью? Неужели продала на «Авито»?
- Ой, ну шутишь что ли? Нет, конечно. Тут она, дома, стоит в кофре.

Я подмигиваю Веруне. Она смущенно улыбается и машет на меня руками:

- Нет-нет! Ни за что!
- Да брось ты! Тут все свои люди! Давай, сыграй, - уговариваю я ее.
- Нет-нет!
- Ну, тебе же хочется самой, не зря же ты завела этот разговор. Давай. Скажи, где она, я притащу.

Вера колеблется совсем недолго. Алкоголь разогревает в ней стремление сыграть, показать себя, вспомнить то время, когда она блистала на мировых сценах, была музыкантом.

- Вот еще глупости! Ты будешь таскать этот гроб! – возражает она, - для этого все-таки есть мужчина в доме!
- Олег! Олег! – кричит Веруня, - неси виолончель!

Мы успеваем быстренько накатить еще, и вот хозяйка уже открывает кофр. Ее новообретенный мужчина садится рядом со мной, он безмятежно улыбается в никуда. Мне тоже хочется улыбаться. Веруня берет виолончель

и гладит пальцами ее струны, здоровается, а может, просит прощения за долгое молчание. А затем начинается музыка.

Вера играет нежно, сначала тихо, как будто неуверенно, но это лишь иллюзия, музыка прорастает сквозь нее как боб волшебной фасоли. И вот уже разносится по всей кухне, квартире, еще дальше – по улице, несет нас вверх, под самые облака, вниз – под воду Москва-реки, и по бульварам, к самому центру столицы. Я узнаю Шостаковича, и закрываю глаза. У меня кружится голова, быть может, из-за того, что я выпила больше нормы, быть может, из-за накуренного воздуха, а может, из-за игры Веры. Перед глазами разноцветные нити, сверкающие и яркие, они сплетаются в красивейшие узоры, они похожи на снежинки, на рисунок инея морозным утром, на северное сияние.

Я вскакиваю со стула и бегу в туалет, где меня благополучно тошнит.

Музыка обрывается, Вера идет за мной и заботливо спрашивает:

- Ты как там?
- Нормально всё, - заверяю я.
- Моя игра была так отвратительна, или это всё-таки виски? – уточняет подруга.
- У меня аллергия на Шостаковича, забыла тебе сказать.

Я выхожу в коридор:

- Пожалуй, мне пора домой.

Олег и Вера решительно навязывают мне свою компанию, но я отказываюсь от их липкого добродушия. Со мной все будет хорошо. А полчаса прогулки в таком состоянии пойдут только на пользу. Мы прощаемся, жмем руки, целуем щеки друг друга, и вот я уже на улице.

Сквозь темное полотно неба, как из сита, сыплется белая мука снега. Я ловлю ртом холодные снежинки, они моментально таят у меня на языке. В голове все еще звучит концерт для виолончели, и я бреду, пьяная и грустная, к себе домой и думаю: «Как же это отвратительно печально прийти к себе, в пустую, холодную и одинокую квартиру, где мне даже никто не вынесет мозг

за позднее появление». Если бы это было возможно, я позвонила бы Кириллу, но он уже в прошлом.

Медленно забираюсь на свой последний этаж, борюсь с замком, скидываю обувь в прихожей. Перед сном мучительно вспоминаю, что завтра понедельник. О, нет. Я не чувствую себя отдохнувшей и готовой начать всё заново. Нет-нет-нет. Куда делись последние дни? Куда пролетели выходные? Все смешалось в один большой серый и трудный день. Едва коснувшись подушки, я засыпаю.

В понедельник в шесть утра в метро пахнет перегаром, хлоркой и дешевым парфюмом. Я пытаюсь отгадать, кому из пассажиров принадлежит тот или другой запах. А это не так уж и просто. В наше время пьют даже приличные с виду женщины в шиншилловых шубах. У меня похмелье, мозг похож на грибной суп-пюре, и я не могу представить себе предстоящую репетицию. Похоже, придется навестить маленький магазинчик у консерватории и поправить здоровье бутылочкой светлого.

КОНЕЦ

8929-592-77-02 Павлова Аида

